

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries
and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-
ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

3332.A1.1896(7) = Rep. Slav. 108

~~300 JJ~~

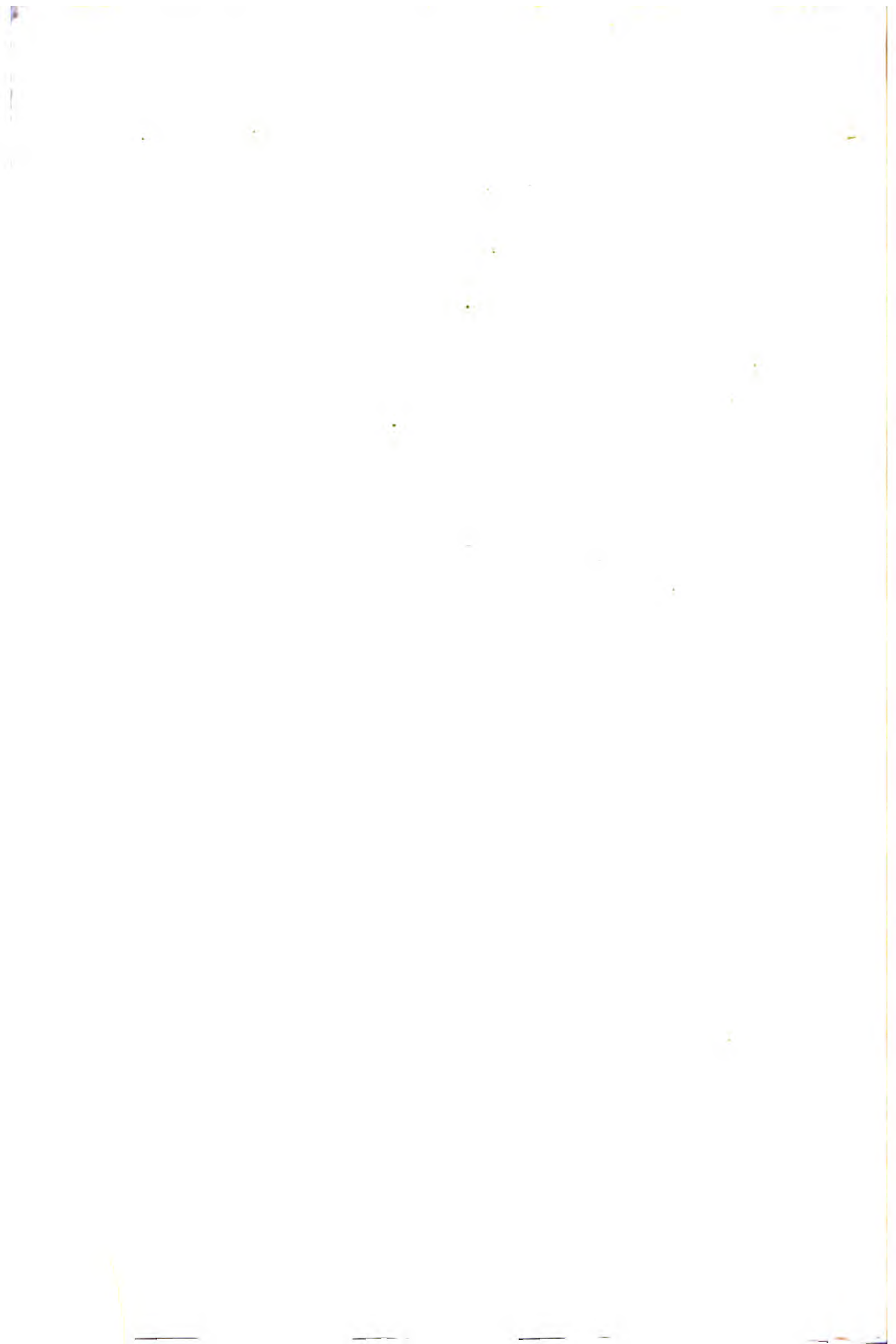
~~44~~

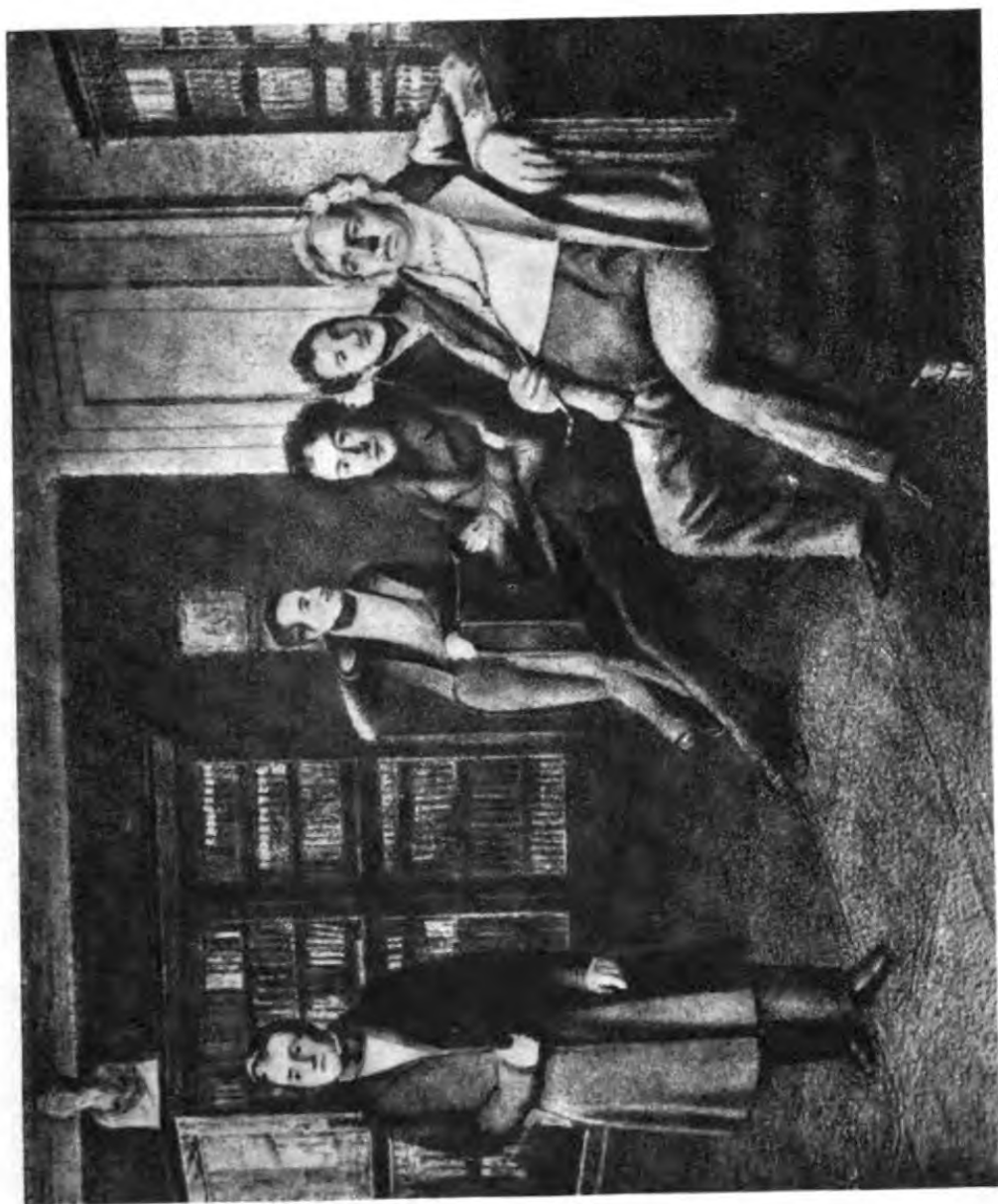

Presented to the library
by Dr. Juy Williams.

✓ PROV.

П. В. Гоголь. VII.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Слоб.

**Кольцовъ, Гоголь, Пушкинъ, кн. В. Е. Одоевскій и
Крыловъ въ кабинетъ Жуковского въ 1836 г.**

(Съ картины неизвѣстнаго художника.)

Сочиненія и письма
Н. В. Гоголя.

Всесвітня бібліотека.

Збірання сочинень відомих
російських і іноземних письменників.

В цю серію входять наступні
збірання сочинень:

I серія.

А. В. Амфітеатрова, під наданням автора;
Л. Н. Андреева, з вступительною статтю проф. М. А. Рейснера;
Ф. М. Достоєвського, з багатьма додатками;
Г. А. Мачета, під редакцією Д. П. Сильчовського;
В. Г. Тана, під наданням автора;
Ольги Шапір, під наданням автора.

II серія.

Д. Я. Айзмана, під наданням автора;
С. А. Ан-ського, під наданням автора;
Н. Н. Златовратського, під наданням автора;
Б. А. Лазаревського, під наданням автора;
А. И. Левитова, з вступ. статтю А. А. Измайлова;
В. В. Муйжеля, під наданням автора;
Вас. И. Немирович-Данченко, під наданням автора;
Н. Ф. Олігера, під наданням автора;
Н. М. Осиповича, під наданням автора.

III серія.

А. С. Пушкіна, під редакцією П. О. Морозова і В. В. Калаша,
М. Ю. Лермонтова, під ред. Арс. И Введенського;
Н. В. Гоголя, під редакцією В. В. Калаша;
И. А. Крылова, під редакцією В. В. Калаша;
А. В. Кольцова, під редакцією Арс. И. Введенського;
С. Т. Аксакова, під редакцією А. Г. Горнфельда;
А. Н. Островського, під ред. М. И. Писарева;
Н. Г. Поміловського, з біограф. описом Н. А. Благовіщенського;
А. А. Потькіна, під наданням автора;
П. М. Невжжина, під наданням автора;
С. В. Максимова, з вступ. статтю П. В. Бикова;
И. С. Никитина, під ред. А. Г. Фомина і Ю. И. Айхенвальда;
Н. А. Добролюбова, під редакцією В. П. Крайфельда;
Н. Я. Соловйова, з портретом автора.

IV серія.

Чарльза Діккенса, з вступ. статтю Д. П. Сильчовського;
Елізи Оржешко, під ред. С. С. Зелінського;
Г. де Мопасана, з критико-біографіч. описом З. А. Венгерової;
Едгара По, з критико-біографіч. описом М. А. Енгельгардта;
Еміля Золя, під редакцією і з вступ. статтями Ф. Д. Батюшкова і
Е. В. Аничкова;
Георга Брандеса, з передмовою М. В. Лушковой.

С.-Петербург.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

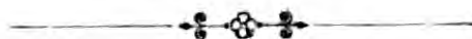
Сочиненія и письма **Н. В. Гоголя.**

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ седьмой.

Піесы. Журнальныя статьи.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акціонернаго О-ва „Самообразование“,
Забалканскій просп., д № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе VII-го тома.

	Стр.
Женитьба	1
Игроки	91
Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены:	
Утро дѣловаго человѣка	157
Тяжба	169
Лакейская	180
Отрывокъ	191
Театральный разъѣздъ	211
Альфредъ	263
Журнальныя статьи, наброски и письма Гоголя:	
Вступительная статья	299
О движеніи журнальной литературы	302
Петербургская сцена въ 1835—36 г.г.	322
Петербургскія записки 1836 г.	333
Рецензія („Обозрѣніе сельскаго хозяйства“).	346
Ночи на виллѣ	350
Учебная книга словесности	353
Наброски:	
1846 годъ	374
О сословіяхъ въ государствѣ	374
Объ изданіи русскаго словаря	379
Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ	380
Помѣщики	381
Трудъ	382
Послѣднія строки	383
Примѣчанія	387

Списокъ иллюстрацій.

	Стр.
Кольцовъ, Гоголь, Пушкинъ, кн. В. Ѳ. Одоев- скій и Крыловъ въ кабинетъ Жуков- скаго въ 1836 г. (Съ картины неизвѣстн. художн.)	1
Гоголь въ гробу. (Съ рисунка Э. А. Дмитриева- Мамонова)	128
Маска Гоголя	384

Женитьба.

Совершенно невѣроятное событіе
въ двухъ дѣйствіяхъ.

(Писано въ 1833 г.)

Дѣйствующія лица.

Агаѣя Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.

Арина Пантелеймоновна, тетка.

Фекла Ивановна, сваха.

Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.

Бочкаревъ, другъ его.

Яичница, экзекуторъ.

Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.

Жевакинъ, морякъ.

Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.

Стариковъ, гостинодворецъ.

Степанъ, слуга Подколесина.

Дѣйствіе первое.

Комната холостяка.

Явленіе I.

Подколесинъ

(одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).

Вотъ, какъ начнешь эдакъ одинъ на досугъ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ то становится совѣстно. Эй. Степанъ!

Явленіе II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ.

Не приходила сваха?

Степанъ.

Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ.

А у портного былъ?

Степанъ.

Былъ.

Подколесинъ.

Что жъ онъ, шьетъ фракъ?

Степанъ.

Шьетъ.

Подколесинъ.

И много уже нашилъ?

Степанъ.

Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ.

Что ты говоришь?

Степанъ.

Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ.

А не спрашивалъ онъ, на что, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ.

Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ.

Можетъ быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ.

Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ.

Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ.

Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ.

Однакожъ, вѣдь сукно то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ.

Да, это будетъ поприглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ.

Что ты говоришь?

Степанъ.

Говорю: это поприглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ.

Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ.

Нѣтъ.

Подколесинъ.

Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дискать, жениться?

Степанъ.

Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ.

Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ.

Сказывалъ.

Подколесинъ.

Что жъ онъ на это?

Степанъ.

Говорить: буду стараться.

Подколесинъ.

Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ.)

Явленіе III.

Подколесинъ (одинъ).

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ, — молокососно что то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а на-дворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

Явленіе IV.

Подколесинъ, Степанъ.**Подколесинъ.**

А ваксу купилъ?

Степанъ.

Купилъ.

Подколесинъ.

Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ.

Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ.

Что жъ. хороша вакса?

Степанъ.

Хороша.

Подколесинъ.

Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ.

Пробовалъ.

Подколесинъ.

Что жъ, блестить?

Степанъ.

Блестѣтъ то она блестить хорошо.

Подколесинъ.

А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ.

Нѣтъ.

Подколесинъ.

Можетъ быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дискать, баринъ жениться?

Степанъ.

Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ.

Ну, хорошо, ступай себѣ!

Явленіе V.

Подколесинъ (одинъ).

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

Явленіе VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ.

Чего изволите?

Подколесинъ.

Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ.

Говорилъ.

Подколесинъ.

Что жъ онъ говоритъ?

Степанъ.

Говорить: хорошо. (Степанъ уходитъ.)

Явленіе VII.

Подколесинъ, потомъ Степанъ.

Подколесинъ.

А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь — женитьба! То, да сѣ, да это. Чтобы то, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! (Степанъ входитъ.) Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ.

Старуха пришла.

Подколесинъ.

А, пришла; зови ее сюда. (Степанъ уходитъ.) Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

Явленіе VIII.

Подколесинъ и Ѳекла.

Подколесинъ.

А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и рассказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья?..

Өекла.

Агаөья Тихоновна.

Подколесинъ.

Да, да, Агаөья Тихоновна. И вѣрно какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Өекла.

Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ.

Да ты врешь, Өекла Ивановна!

Өекла.

Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песь врать.

Подколесинъ.

А приданое то, приданое? Расскажи-ка вновь.

Өекла.

А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ ѣлтажахъ¹, ужъ такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигера² — одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приносить доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмельного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, „а третій“, говоритъ, „еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ“, говоритъ, „старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче“.

¹ Этажахъ
² Флигеля.

Подколесинъ.

Да собой то, какова собой?

Оекла.

Какъ рефинать ¹! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и рассказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны (показывая на горло), то есть и пріятелю, и непріятелю скажете: „Ай да Оекла Ивановна, спасибо!“

Подколесинъ.

Да, вѣдь она, однакожъ, не штабъ-офицерша?

Оекла.

Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. „Мнѣ“, говоритъ, „какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ“. Да, такой великатесь ²! А къ воскресному то какъ надѣнетъ шелковое платье — такъ вотъ те Христось, такъ и шумить. Княгиня просто!

Подколесинъ.

Да вѣдь я то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?..

Оекла.

Да ужъ обыкновенно, какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ у него нравъ то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совреть, а такой на взглядъ видный. Что жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть — такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ.

Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

¹ Рафинадъ.

² Деликатесь.

Θекла.

Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть лучшая.

Подколесинъ.

Будто ужъ самая лучшая?

Θекла.

Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ.

Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣ-завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты расскажешь...

Θекла.

Да помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ.

А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: „эй, Степанъ, подай сапоги!“ натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Θекла.

Ну, такъ что жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ.

Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватить дождемъ.

Θекла.

А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ.

Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ жъ сѣдой волосъ? (Щупаетъ свои волосы.)

Өекла.

Какъ не быть сѣдому волосу, — на то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтъ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ¹ служить.

Подколесинъ.

Да врешь, я посмотрю въ зеркало, — гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа. (Уходитъ въ другую комнату.)

Явленіе IX.

Өекла и Кочкаревъ (вбѣгая).

Кочкаревъ.

Что Подколесинъ?... (Увидѣвъ Өеклу.) Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Өекла.

А что жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ.

Законъ исполнилъ! Экъ невидаль — жена! Безъ нея то развѣ я не могъ обойтись?

Өекла.

Да вѣдь ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

¹ Адмиралтействѣ.

Кочкаревъ.

Ахъ, ты, крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ?
Неужели Подколесинъ хочетъ?..

Өекла.

А что жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ.

Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ
этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

Явленіе X.

Тѣ же и Подколесинъ (съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).

Кочкаревъ

(подкрадываясь сзади, пугаетъ его).

Пуфъ!

Подколесинъ

(вскрикнувъ и роняя зеркало).

Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну,
что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что
душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ.

Ну, ничего — пошутилъ.

Подколесинъ.

Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу
очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ;
вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ мага-
зинѣ куплено.

Кочкаревъ.

Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ.

Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣ-

лымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ.

Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ?

Подколесинъ.

Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

Кочкаревъ.

Да вѣдь улика на-лицо. (Указываетъ на Ѳеклу.) Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. (Къ Ѳеклѣ.) Ну, говори: какъ, что и прочее. — Дворянка, чиновница или въ купечествѣ, что ли, и какъ зовутъ?

Ѳекла.

Агаѣя Тихоновна.

Кочкаревъ.

Агаѣя Тихоновна Брандахлыстова?

Ѳекла.

Анъ нѣтъ — Купердягина.

Кочкаревъ.

Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Ѳекла.

Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ.

Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

Оекла.

И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ.

Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ то я не знаю.

Оекла.

А вотъ какъ поворачишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минеши, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлетаремъ¹. Ты къ швеѣ то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то есть, она живетъ, Агаея Тихоновна то, невѣста.

Кочкаревъ.

Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай — въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

Оекла.

Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ.

Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Оекла.

Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право!

Кочкаревъ.

Пойди, пойди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ, — убирайся!

¹ Секретаремъ.

Өекла.

У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! въ такую дрянъ вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. (Уходитъ съ досадою.)

Явленіе XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ.

Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать—ѣдемъ.

Подколесинъ.

Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ...

Кочкаревъ.

Пустяки, пустяки! Только не конфузъся: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ.

Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать!

Кочкаревъ.

Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?... Ну, разсмотри самъ: ну, что изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ.

Это правда. Порядка то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ.

Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ

диванъ, собачонка, чижики какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И, вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая такая, и ручкой тебя...

Подколесинъ.

А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ.

Куды тебѣ! Будто у нихъ только, что ручки!... У нихъ братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ.

А вѣдь, сказать правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ.

Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее — это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непременно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ — эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ — чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что же касается до обѣда — у меня, братъ, есть на примѣтѣ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормить, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ.

Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ.

А почему жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ.

Я? Ну, нѣтъ ... я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ.

Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ.

Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ.

Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло ... Да что? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ.

Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ.

Ну, такъ что жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ.

Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно ...

Кочкаревъ.

Что жъ странно?

Подколесинъ.

Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ.

Ну, ну ... ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить сурьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, на-примѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало — что ты тамъ

видишь. Глупое лицо — больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе эдакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ теревить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ.

Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ.

Пусть шалютъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука.

Подколесинъ.

А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: эдакой какой-нибудь пышка, щенокъ эдакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ.

Какъ не смѣшно, — конечно, смѣшно. — Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ.

Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ.

Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ

(одѣваясь, передъ зеркаломъ).

Я думаю однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ.

Пустяки, все равно.

Подколесинъ (надѣвая воротнички).

Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводить время, а не гладить.

Кочкаревъ.

Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ.

Сейчасъ, сейчасъ. (Надѣваетъ фракъ и садится.) Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты самъ.

Кочкаревъ.

Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ вхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ.

Право, что то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ.

Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ.

Ну, что жъ ты бранишься? съ какой стати? что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ.

Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хотъ и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь? — О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманять кусъ. Лежить проклятый

холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ? — Ну, ну, дрянъ, колпакъ, сказалъ бы такое слово ... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ.

И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. (Вполголоса.) Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще эдакими словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ.

Да какъ же тебя не бранить, скажи, пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ — просто сдуру, бѣлены обѣлся, деревянный чурбанъ ...

Подколесинъ.

Ну, полно, я ѣду — чего жъ ты раскричался?

Кочкаревъ.

Ѣду! Конечно, что жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать! (Стопану.) Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ (въ дверяхъ).

Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбрать вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ.

Да ужъ кончено, теперь не браню.

(Оба уходятъ.)

Явленіе XII.

Комната въ домѣ Агаѣи Тихоновны.

Агаѣя Тихоновна раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка Арина Пантелеймоновна.

Агаѣя Тихоновна.

Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъясняетъ большое участіе, но какая то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна.

А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѣя Тихоновна.

Не знаю.

Арина Пантелеймоновна.

А я знаю, кто.

Агаѣя Тихоновна.

А кто?

Арина Пантелеймоновна.

А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Агаѣя Тихоновна.

Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна.

Не спорь, Агаѣя Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѣя Тихоновна.

А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ — купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна.

Эхъ, Агаѣя Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударить всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: „Плевать я“, говоритъ, „на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же“, говоритъ, „дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына“, говоритъ, „не отдамъ на службу. Что“, говоритъ, „развѣ купецъ не служить государю такъ же, какъ и всякой другой?“ Да всей пятерней то такъ по столу и хватить. А рука то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна.

Да вѣдь Алексѣй то Дмитриевичъ не такой.

Агаѣя Тихоновна.

Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ бѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна.

Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѣя Тихоновна.

Оекла Ивановна сыщеть; она общалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна.

Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

Явленіе XIII.

Тѣ же и Ѳекла.

Ѳекла.

А нѣтъ, Ирина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну, что, говори, рассказывай! Есть?

Ѳекла.

Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталась! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей Богу: старуха то, что женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: „Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой квартал“, говоритъ. — „Да что жъ“, сказала я напрямикъ: „я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить“. Зато ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То есть, и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и придутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѳья Тихоновна.

Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла.

И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Приѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не пондравятся, — ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна.

Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѳья Тихоновна.

А сколько ихъ? много?

Фекла.

Да человекъ шесть есть.

Агаѣя Тихоновна (вскрикивая).

Ухъ!

Фекла.

Ну, что жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѣя Тихоновна.

Что жъ они, дворяне?

Фекла.

Всѣ, какъ на подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, какіе же, какіе?

Фекла.

А славные, всѣ такіе хорошіе, акуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотъ служилъ — какъ разъ по тебѣ придется. Говорить, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любить. А Иванъ то Павловичъ, что служить езекухторомъ¹, такой важный, что и присту нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричить на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и эдакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?“ — „Столько то и столько то, отецъ мой!“ — „Ты врешь, собачья дочь!“ Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

¹ Экзекуторъ.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, а еще кто?

Өекла.

А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя, — малина — совсѣмъ малина — такой славный. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить“. Да, тонкаго поведенья человекъ, нѣмецкая штука; а самъ то такой subtilный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѣя Тихоновна.

Нѣтъ, мнѣ эти subtilные какъ то не того ... не знаю ... Я ничего не вижу въ нихъ ...

Өекла.

А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ — такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ — такой славный.

Агаѣя Тихоновна.

А сколько ему лѣтъ?

Өекла.

А человекъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѣя Тихоновна.

А фамилія какъ?

Өекла.

А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѣя Тихоновна.

Это такая фамилія?

Өекла.

Фамилія.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѳеклуша, какъ же это, если я выйду на него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѣя Тихоновна Яичница? Богъ, знаетъ, что такое!

Ѳекла.

И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина — славный женихъ.

Агаѣя Тихоновна.

А какіе у него волосы?

Ѳекла.

Хорошіе волосы.

Агаѣя Тихоновна.

А носъ?

Ѳекла.

Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ — никакой мебели.

Агаѣя Тихоновна.

А еще кто?

Ѳекла.

Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна.

Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любить ли онъ выпить, вотъ молъ, что скажи.

Ѳекла.

А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что жъ дѣ-

латъ, — ужъ онъ титулярный совѣтникъ — зато такой тихой, какъ шелкъ.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Өекла.

Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что жъ такова, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, а еще кто?

Өекла.

Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, да кто же онъ?

Өекла.

А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ то, пожалуй, андворный¹ совѣтникъ и петлицу носить, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а говорила шесть.

Өекла.

Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давеча было испугалась.

Арина Пантелеймоновна.

Да что съ нихъ, съ дворянъ то твоихъ? Хоть

¹ Надворный.

ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Фекла.

А вѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтениѣй.

Арина Пантелеймоновна.

Да что въ почтеньи то? А вотъ Алексѣй Дмитриевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ то какъ прокатится...

Фекла.

А дворянинъ то съ аполетой¹ пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: „Что ты, купчишка? свороти съ дороги!“ или: „покажи, купчишка, бархату самага лучшаго!“ а купецъ: „Извольте, батюшка!“ — „А сними-ка, навѣжа, шляпу!“ вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна.

А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ то и голенькой, и не въ чемъ ходить дворянину.

Фекла.

А дворянинъ зарубить купца.

Арина Пантелеймоновна.

А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Фекла.

А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенахтору.

Арина Пантелеймоновна.

А купецъ къ губернахтору.

Фекла.

А дворянинъ ...

¹ Эполетъ.

Арина Пантелеймоновна.

Врешь, врешь, дворянинъ! Губернахторъ больше сенахтора! Разносила съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ такъ же гнетъ шапку... (Въ дверяхъ слышенъ звонокъ.) Никакъ, звонитъ кто то.

Өекла.

Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна.

Кто они?

Өекла.

Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѳья Тихоновна (вскрикиваетъ).

Ухъ!

Арина Пантелеймоновна.

Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. (Схватываетъ все, что на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ.) Да салфетка то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! (Дуняшка является.) Скорѣе чистую салфетку! (Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ.)

Агаѳья Тихоновна.

Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна.

Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! (Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ.) Бѣги, скажи: „сейчасъ!“ (Дуняшка кричитъ издалика: сейчасъ!)

Агаѳья Тихоновна.

Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна.

Ахъ, Господи милосердый, не погуби! Надѣнь другое.

Өекла (вбѣгая).

Что жъ вы нейдете? Агаѣя Тихоновна, поскорѣй, мать моя! (Слышенъ звонокъ.) Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна.

Дуняшка, введи его и проси обождать. (Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса): Дома? — Дома, пожалуйста въ комнату.

Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину.)

Агаѣя Тихоновна (вскрикиваетъ).

Ахъ, какой толстый!

Өекла.

Идетъ, идетъ!

(Всѣ бѣгутъ опрометью.)

Явленіе XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка.

Погодите здѣсь. (Уходитъ.)

Яичница.

Пожалуй, пождать — пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генераль: „А гдѣ экзекуторъ?“ „Невѣсту пошелъ выглядывать“ ... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты ... А однакожъ разсмотрѣть еще разъ роспись. (Читаетъ.) „Каменный двухъэтажный домъ“ ... (подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату) есть! (Продолжаетъ читать) „Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный ...“ Ну, деревянный плоховать. „Дрожки, сани парныя съ рѣзбой подъ большой коверъ и подъ малый“. Можетъ

быть, такіа, что въ домъ годятся. Старуха, однакожь, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. „Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ ...“ Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. „Двѣ лисьихъ шубы ...“ Гм! „Четыре большихъ пуховика и два малыхъ“ (значительно сжимаетъ губы). „Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два ...“ Ну, это статья пустая! „Бѣлье, салфетки ...“ Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, общаются и домъ, и экипажи, а какъ женишься — только и найдешь, что пуховики да перины. (Слышнень звонко. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса: Дома? — Дома).

Явленіе XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка.

Погодите тутъ. Они выдутъ. (Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей.)

Яичница.

Мое почтеніе!

Анучкинъ.

Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница.

Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ.

Ахъ, извините, извините!

Яичница (въ сторону).

Физиогномія этого человѣка мнѣ что то подо-

зрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. (Вслухъ.) Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ.

Нѣтъ, что жъ ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница (въ сторону)

Вреть, вреть, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! (Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ голоса: Дома? — Дома).

Явленіе XVI.

Тѣ же и **Жевакинъ** (въ сопровожденіи дѣвчонки).

Жевакинъ (Дуняшкѣ).

Пожалуйста, душенька, почисть меня ... Пыли то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку. (Поворачивается.) Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазить! А на подборахъ то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. (Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича.) Суконцо то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ — сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ; ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти что новый. Благодарю, душенька, м ... раскрасоточка! (Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка ваѣрошиваетъ волосы.)

Анучкинъ.

А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ.

А, прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Эдакія горы, эдакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ итальяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ.

И хорошо образованы?

Жевакинъ.

Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты (показываетъ на плеча), золотое шитье, и эдакъ красоточки черномазенькія — у нихъ вѣдь возлѣ cadaго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски, — бывало, эдакъ смотришь, и сидитъ эдакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... (Кланяется и размахиваетъ рукою.) И она эдакъ только. (Дѣлаетъ рукою движеніе.) Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ..

Анучкинъ.

А какъ, — позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ, — на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ.

А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ.

И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ.

Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ.

Ни одного слова?

Жевакинъ.

Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: „Дай, братецъ, хлѣба“ — не пойметъ, ей-Богу не пойметъ; а скажи по-французски: „Dateci del pain“¹ или: „portate vino!“² — пойметъ, и побѣжить, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ.

А любопытная однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали — мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ — широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ.

Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ эдакая итальяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала, точно, было

¹ Дайте хлѣба (итальян.).

² Принесите вина (тоже).

очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь бывало эдакъ на бутылку или стаканъ, — ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь эдакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ — знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій, — наши матросы въ три дни какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ.

А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ.

Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставку. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться.

Иванъ Павловичъ.

Въ должности эзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ (не дослышавъ).

Да, я тоже перекусилъ. Дороги то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ.

Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя — Яичница.

Жевакинъ (кланяясь).

Ахъ, извините! я немножко туговатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иванъ Павловичъ.

Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить

генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницей, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на „собачій сынъ“.

Жевакинъ.

А это, однакожъ, бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы, — всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣвъ лейтенантъ, а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: „Эй, ты, Дырка, поди сюда!“ и бывало, надъ нимъ всегда пошутить: „эхъ ты, дырка эдакой!“ говоритъ, бывало, ему.

(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Оекла бѣжитъ черезъ комнату отворять.)

Яичница.

А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ.

Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ.

Здравствуйте, матушка, Оекла Ивановна!

Оекла (бѣжитъ впопыхахъ).

Спасибо, отцы мои, здорова, здорова! (Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса: Дома? — Дома. Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыя Оекла отвѣчаетъ съ досадою: смотри ты какой!)

Явленіе XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесникъ и Оекла.

Кочкаревъ (Подколеснику).

Ты помни только куражъ и больше ничего. (Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ наумленіемъ; про себя:) Фу, ты, какая куча народу! Это что значитъ? Ужъ не женихи ли? (Толкаетъ Оеклу и говоритъ ей тихо:) Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ — а?

Өекла (вполголоса).

Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ (ей).

Гости то нечитанные, кафтаны общипанные.

Өекла.

Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ.

Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ.
(Вслухъ) Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? (Подходить къ двери.)

Өекла.

Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ.

Эка бѣда! Что жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. (Смотритъ въ замочную скважину.)

Жевакинъ.

А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница.

Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ (продолжая смотрѣть).

Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣтъ, женщина или подушка.

(Всѣ однакожъ обступили дверь и продираются взглянуть.)

Кочкаревъ.

Чш . . . кто то идетъ.

(Всѣ отскакиваютъ прочь.)

Явленіе XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна и Агаѣя Тихоновна. (Всѣ раскладываются).

Арина Пантелеймоновна.

А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница.

А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна.

Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница.

Коллежскій ассессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна.

Прошу покорнѣйше садиться. (Обращается къ Жевакину и смотритъ на него.) А позвольте узнать ...

Жевакинъ.

Я тоже, въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показала хорошею, по дорогѣ вездѣ травка ..

Арина Пантелеймоновна.

А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ.

А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка.

подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самого не тронула, а по жилѣ прохватила — какъ иглой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна.

А прошу покорнѣйше садиться. (Обращаясь къ Анучкину.) А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ.

По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна.

Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ.

Нѣтъ, я покамѣстъ живу еще на Пескахъ, но имѣю, однакоже, намѣреніе со-временемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна.

А прошу покорнѣйше садиться. (Обращаясь къ Кочкареву.) А позвольте узнать ..

Кочкаревъ.

Да неужли вы меня не узнаете? (Обращаясь къ Агаѣ Тихоновнѣ.) И вы также, сударыня?

Агаѣя Тихоновна.

Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ.

Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѣя Тихоновна.

Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ ли?

Кочкаревъ.

Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ.

Какъ же, вышла замужъ.

Агаѣя Тихоновна.

Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна.

И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучеръ то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ.

Да то-то, я помню, что то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна.

А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ.

Какъ же, — Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ . . . Позвольте, позвольте (беретъ за руку Подколесина и подводитъ его): пріятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служить экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна.

А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ.

Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна.

Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

Явленіе XIX.

Тѣ же и Стариковъ.

Стариковъ.

(кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь за бока).

Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Робята на Гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѣя Тихоновна

(отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ, что онъ слышитъ).

Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ.

Вона! Аль невпопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеймоновна.

Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе.)

Яичница.

Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѣя Тихоновна.

Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа:

иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ.

Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время, — если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дому — день солнечный, а потомъ эдакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница.

Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло — не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ.

О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ.

Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ.

Какое? — просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница.

А какъ, сударыня, еслибы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?

Жевакинъ.

Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ.

Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница.

Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѣя Тихоновна молчитъ.

Өекла.

Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница.

Какъ же матушка?

Кочкаревъ.

Какъ же ваше мнѣніе, Агаѣя Тимоѣевна?

Өекла (тихо ей).

Скажи же, скажи: „Благодарствую“, молъ, „съ моимъ удовольствіемъ...“ Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѣя Тихоновна (тихо).

Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Өекла.

Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ острамишься. Они нивѣсть что подумаютъ.

Агаѣя Тихоновна (такъ же).

Нѣтъ, право уйду, уйду, уйду!

(Убѣгаетъ, Өекла и Арина Паптелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею.)

Явленіе XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница.

Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что значить?

Кочкаревъ.

Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ.

Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалета... Эдакъ поправить что-нибудь. манишечку... пришпилить. (Оекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами: что, что такое?)

Кочкаревъ.

Что-нибудь случилось?

Оекла.

Какъ можно, чтобы случилось! Ей Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ.

Да зачѣмъ же она вышла?

Оекла.

Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ сконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Просить извинить: ввечеру-де на чашку чаю чтобы пожаловали. (Уходитъ.)

Яичница (въ сторону).

Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйста завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянъ, ничуть не головомное! Чортъ побери, я чловѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ (Подколесину).

А вѣдь хозяйка недурна — а?

Подколесинъ.

Да, недурна.

Жевакинъ.

А вѣдь хозяйка то хороша?

Кочкаревъ (въ сторону).

Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! (Вслухъ.) Совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша.

Яичница.

Носъ великъ.

Жевакинъ.

Ну, нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Онъ эдакой розанчикъ.

Анучкинъ.

Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то, не то... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?

Жевакинъ.

Да что жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ быть, и знаетъ.

Анучкинъ.

Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастья воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было приучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непременно зналъ.

Жевакинъ.

Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ.

А нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобъ она непременно знала, а безъ того у ней и то, и это... (показываетъ жестами) все ужъ будетъ не то.

Яичница (въ сторону).

Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны — народъ что то больно жиденъкій. Такихъ невѣсты не любають.

Жевакинъ.

Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ.

А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ.

Да-съ, будетъ кругъ: я на острову¹, въ 18-й линіи; а, впрочемъ, все-таки я васъ провожу.

Стариковъ.

Нѣтъ, тутъ что то спесьевато. Ай припомните потомъ, Агаѣя Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! (Кланяется и уходитъ.)

Явленіе XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ.

А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ.

Ну, что, вѣдь, правда, хозяйка мила?

¹ Васильевскій островъ.

Подколесинъ.

Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ.

Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ.

Да такъ, какъ то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ.

Это еще что? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ.

Ну, все-таки невеста должна знать по-французски.

Кочкаревъ.

Почему жъ?

Подколесинъ.

Да потому, что ... ужъ я не знаю, почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ.

Ну, вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она — красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ.

Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ, — ну, я рассмотрѣлъ, и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ.

Эхъ, ты, пирей не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ, — такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ,

дышать. А носъ? я не знаю, что за носъ! бѣ-
лизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякій
сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ (улыбаясь).

Да теперь то я опять вижу, что она какъ будто
хороша.

Кочкаревъ.

Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ
какъ они всѣ ушли, пойдѣмъ къ ней, изъяснимся
и все кончимъ.

Подколесинъ.

Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ.

Отчего жъ?

Подколесинъ.

Да что жъ за нахальство? Насъ много; пусть
она сама выберетъ.

Кочкаревъ.

Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься
соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ
одну минуту спроважу?

Подколесинъ.

Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ.

Ну, ужъ это дѣло мое. Дай мнѣ только слово,
что потомъ не будешь отпѣкиваться.

Подколесинъ.

Почему жъ не дать? изволь, я не отпираюсь
я хочу жениться.

Кочкаревъ.

Руку!

Подколесинъ (подавая).

Возьми!

Кочкаревъ.

Ну, этого только мнѣ и нужно. (Оба уходятъ.)

Дѣйствіе второе.

Комната въ домѣ Агаѣи Тихоновны.

Явленіе I.

Агаѣя Тихоновна одна, потомъ Кочкаревъ.

Агаѣя Тихоновна.

Право, такое затрудненіе — выборъ! Еслибы еще одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недурень, хотя, конечно, худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недурень. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто рассказать нельзя, какъ трудно! Еслибы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда сейчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. (Подходить къ столу, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетки и скатываетъ, продолжая

говорить.) Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. (Кладетъ билетки въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою.) Страшно... Ахъ, еслибы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? лучше жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ другіе?... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. (Шарить рукою въ ридикюль и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ.) Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! непременно одного! (Кладетъ билетки въ ридикюль и мѣшаетъ. Въ это время входятъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади.) Ахъ, еслибы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Кочкаревъ.

Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ! (вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, испугавшись взглянуть назадъ).

Кочкаревъ.

Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ.

Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаѣя Тихоновна

(вполовину открывая лицо)

Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ.

Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаея Тихоновна.

Ахъ! (вскрикиваетъ и закрывается вновь руками).

Кочкаревъ.

Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто удивительный человѣкъ!

Агаея Тихоновна

(понемногу открываетъ лицо).

Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ — вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ.

Помилуйте, это дрянъ противъ Ивана Кузьмича.

Агаея Тихоновна.

Отчего же?

Кочкаревъ.

Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаея Тихоновна.

Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ.

И Иванъ Павловичъ — дрянъ, всѣ они — дрянъ.

Агаея Тихоновна.

Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ.

Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было, — Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

Агаѣя Тихоновна.

А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ.

Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастье, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ.

Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего

Агаѣя Тихоновна.

Такъ, по вашему совѣту, лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ.

Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича- (въ сторону.) Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подко. лесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѣя Тихоновна.

Такъ вы думаете — Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ.

Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна.

А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ.

Конечно, отказать.

Агаѣя Тихоновна.

Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ то стыдно.

Кочкаревъ.

Почему жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаѣя Тихоновна.

Да вѣдь они не повѣрять, стануть спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкаревъ.

Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: „Пошли вонъ, дураки!“

Агаѣя Тихоновна.

Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ.

Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаѣя Тихоновна.

Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ то бранно.

Кочкаревъ.

Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаѣя Тихоновна.

Да все какъ то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ.

Какая же бѣда, если разсердятся? Еслибы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большое, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

Агаѣя Тихоновна.

Ну вотъ, видите!

Кочкаревъ.

Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему началь-

нику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ — плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „твоя прибавка, отвяжись, сатана!“ А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ — взялъ, да я вытеръ. (Въ сѣняхъ звонятъ.) Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѣя Тихоновна.

Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ.

Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! (Въ сторону.) Поскорѣй приведу Подколесина.

Явленіе II.

Агаѣя Тихоновна и Яичница.

Яичница.

Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю вамъ извѣстно: служу коллежскимъ ассессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѣя Тихоновна.

Да-съ.

Яичница.

Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? (Смотритъ ей въ плечо, въ сторону.) О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки — кое-что есть.

Агаѣя Тихоновна.

Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница.

Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... (Слышенъ колокольчикъ.) Чортъ, поberi! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

Явленіе III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ.

Извините, сударыня, что я, можетъ быть, слишкомъ рано. (Оборачивается и видитъ Яичницу.) Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе.

Яичница (въ сторону).

Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ. (Вслухъ.) Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ? (Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцовъ.) Опять колокольчикъ.

Явленіе IV.

Тѣ же и Анучкинъ.

Анучкинъ.

Можетъ быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... (Видя прочихъ, выпускаетъ восклицаніе и раскланивается.) Мое почтеніе!

Яичница (въ сторону).

Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! (Вслухъ.) Такъ какъ же, сударыня, рѣшите, — я человѣкъ должностной, времени у меня немного — да, или нѣтъ?

Агаѣя Тихоновна (въ смущеніи).

Не нужно-съ... не нужно-съ... (Въ сторону). Ничего не понимаю, что говорю.

Яичница.

Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѣя Тихоновна.

Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... (Собираясь съ духомъ.) Пошли вонъ... (Въ сторону, всплеснувши руками.) Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

Яичница.

Какъ „пошли вонъ“? Что это такое значить: „пошли вонъ“? Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? (Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно.)

Агаѣя Тихоновна

(взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ).

Ухъ, прибѣтъ, прибѣтъ! (Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: ухъ, прибѣтъ! и убѣгаетъ.)

Яичница.

Что за притча такая! Вотъ, право, исторія!

(Въ дверяхъ звенитъ звонокъ, и слышны голоса.)

Голосъ Кочкарева.

Да входи, входи, что жъ ты остановился?

Голосъ Подколесина.

Да ступай ты впередъ. Я только на минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева.

Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина.

Нѣтъ, не улизну! Ей Богу, не улизну!

Явленіе V.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ.

Ну, вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница (обращаясь къ нему).

Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что ли?

Кочкаревъ.

А что? случилось развѣ что?

Яичница.

Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: „прибѣть, прибѣть!“ Чортъ знаетъ что такое.

Кочкаревъ.

Ну да, это за ней водится: она дура.

Яичница.

Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ.

Какъ же, родственникъ.

Яичница.

А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ.

Право, не знаю; какъ то тетка моей матери что то такое ея отцу, или отецъ ея что то такое моей теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя, — это ихъ дѣло.

Яичница.

И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ.

А еще съ самаго съ-измала.

Яичница.

Да, конечно, лучше, еслибы она была умнѣй;

а, впрочемъ, и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ.

Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница.

Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ.

Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь — мусоръ, щепки, стружки.

Яичница.

Что вы?

Кочкаревъ.

Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строить дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница.

Однакожъ, вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ.

А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ то и дѣло, не только заложенъ, да за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ, — сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы, безбожникъ.

Яичница.

Какъ же мнѣ старуха-сваха... Ахъ она, бестія эдакая, извергъ рода человѣ... (Въ сторону.) Однакожъ онъ, можетъ быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ.

Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?...

Кочкаревъ.

Ни бельмеса.

Анучкинъ.

Что вы?

Кочкаревъ.

Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ.

Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только ее увидѣлъ, было какое то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница.

Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха то проклятая... Ахъ ты, бестія эдакая, вѣдьма! Вѣдь еслибы вы знали, какими словами она написала — живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! „Домъ, флигель“, — говоритъ, — „на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани — вотъ садись, да и катайся!“ словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ...

Явленіе VI.

Тѣ же и Оекла.

(Все, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами:)

Яичница.

А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣхотница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ.

Такъ то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

Кочкаревъ.

Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Ѳекла.

И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница.

Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая по-дошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Ѳекла.

А не знаю, не я строила. Можетъ быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница.

Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти бь тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! (Притопывая ногой.)

Ѳекла.

Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ.

Да, Ѳекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже рассказали, что она знаетъ по-французски.

Ѳекла.

Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по всякому; какія хочешь манеры — все знаетъ.

Анучкинъ.

Ну, нѣтъ; кажется, она только по-русски и говорить.

Ѳекла.

Что жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говорить по-русски. А кабы умѣла по-

басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понималъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — рѣчь извѣстно какая: всѣ святыя говорили по-русски.

Яичница.

А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Өекла (пятась ближе къ дверямъ).

И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибьешь.

Яичница.

Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она подлецъ! Слышишь, непременно скажи. (Уходитъ.)

Өекла.

Смотри ты какой! разсердился какъ. Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ — вотъ что!

Анучкинъ.

Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованіемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! (Уходитъ.)

Өекла.

Бѣлены обѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота!

Явленіе VII.

Өекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ

хочетъ во все горло, смотря на Өеклу и указывая на нее пальцемъ

Оекла (съ досадою).

Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ (продолжаетъ хохотать).

Оекла.

Экъ какъ разобрало его!

Кочкаревъ.

Сваха то! сваха то! Мастерца женить, знаетъ, какъ повести дѣло! (Продолжаетъ хохотать.)

Оекла.

Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. (Уходитъ съ досадою.)

Явленіе VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ (продолжая хохотать).

Охъ, не могу; право, не могу! силы не выдержать, чувствую, что тресну отъ смѣха! (Продолжаетъ хохотать.)

Жевакинъ,

глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.

Кочкаревъ

(въ усталости валится на стулъ).

Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что, если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

Жевакинъ.

Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже эдакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь эдакъ одинъ палецъ — вдругъ засмѣется, ей Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя

на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, эдакъ, смѣешься.

Кочкаревъ (переводя дыханіе).

Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ.

Нѣтъ? Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ.

Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ.

Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ.

Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ.

Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло, зачѣмъ.

Кочкаревъ.

Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ.

На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а, впрочемъ, съ эдакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка (размѣриваетъ примѣрно руками), эдакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ эдакой перегородки...

Кочкаревъ.

Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ.

А сказать правду, мнѣ понравилась она потому,

что полная женщина. Я большой аматеръ¹ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ

(поглядывая на него искоса, говорить въ сторону).

А вѣдь самъ ужъ куды не пощеголяетъ; точно кисеть, изъ котораго вытрясли табакъ. (Вслухъ.) Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ.

Какъ такъ?

Кочкаревъ.

Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

Жевакинъ.

Пѣтушья?

Кочкаревъ.

Конечно. Что у васъ за видъ!

Жевакинъ.

То есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

Кочкаревъ.

Да просто — пѣтушья.

Жевакинъ.

Мнѣ кажется, это, однакожъ, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ.

Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человекъ; другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ.

Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте эдакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

¹ Любитель.

Кочкаревъ.

Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ, — я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ.

Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хотъ на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ.

Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ (потираетъ руки).

А вотъ это и ужъ куды бы хорошо! Да не нужно ли аттестать, послужной списокъ? Можетъ быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ.

Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. (Выпроваживаетъ его.) Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что жъ это? Что жъ это Подколесинъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужли онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ!

Явленіе IX.

Кочкаревъ, Агаѣя Тихоновна.

Агаѣя Тихоновна (осматриваясь.)

Что, ушли? никого нѣтъ?

Кочкаревъ.

Ушли, ушли, никого.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ, еслибы вы знали, какъ я вся дрожала!

Эдакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Миѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ.

О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѣя Тихоновна.

А третій?

Кочкаревъ.

Какой третій?

Жевакинъ

(высовывая голову въ двери).

Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ эдакой.

Агаѣя Тихоновна.

А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ.

А, вотъ оно, вотъ оно! (Потираетъ руки.)

Кочкаревъ.

Фу, ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

Жевакинъ.

Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѣя Тихоновна.

А онъ, однакоже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ.

Пьяница!

Жевакинъ.

Ей Богу, не понимаю!

Агаея Тихоновна.

Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ.

Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ (громко).

Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ¹, похвалить — другое дѣло; а чтобы эдакимъ образомъ, эдакими словами, ужъ извольте развѣ кого -нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ (въ сторону).

Какъ это угораздило его подвернуться? (Агаея Тихоновна вполголоса.) Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Эдакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! (Въ сторону.) А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ. (Уходитъ.)

Явленіе X.

Агаея Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ (въ сторону).

Объщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! (Вслухъ.) Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаея Тихоновна.

Извините, мнѣ нездоровится... болить - съ головы. (Хочетъ уйти.)

Жевакинъ.

Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не

¹ Въ мою пользу.

правится? (Указывая на голову.) Вы не глядите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѣя Тихоновна.

Мнѣ все равно-съ, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ.

У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ поблѣе.

Агаѣя Тихоновна.

Для васъ лучше. Прощайте! (Уходитъ.)

Явленіе XI.

Жевакинъ

(одинъ, говорить вслѣдъ ей).

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?... Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, эдакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки — смотришь, и откажутъ. (Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи.) Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, эдакъ... съ какой стати... (Подумавъ.) Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. (Осматривается.) Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (Уходитъ.)

Явленіе XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ (входятъ и оба оглядываются назадъ.)

Кочкаревъ.

Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ.

Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ.

Наотрѣзъ.

Подколесинъ

(съ самодовольною улыбкой).

А преконфузно, однакоже, должно быть, если откажутъ.

Кочкаревъ.

Еще бы!

Подколесинъ.

Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ.

Какое — предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть, — такъ, просто, и кипить.

Подколесинъ

(самодовольно усмѣхается).

А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина, если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ! вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ.

Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ (усмѣхаясь).

Будто?

Кочкаревъ.

Какъ честной человѣкъ! Послушай, теперь, однакожъ, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ.

Но какъ же сію минуту? что ты!

Кочкаревъ.

Непремѣнно сію же минуту... а вотъ и она сама.

Явленіе XIII.

Тѣ же и Агавья Тихоновна.

Кочкаревъ.

Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто не приведи Богъ — и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ

(толкая его подъ руку, тихо).

Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ (ему).

Ничего, ничего! (ей тихо.) Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Эдакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотреть! — Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да, впрочемъ, и это хорошо. (Вслухъ.) Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на

минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распорядиться — сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ быть, и вина принесены... До свиданья! (Подколесину.) Смѣлѣе! Смѣлѣе! (Уходитъ.)

Явленіе XIV.

Подколесинъ и Агаѣя Тихоновна.

Агаѣя Тихоновна.

Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчать.)

Подколесинъ.

Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѣя Тихоновна.

Какъ-съ кататься?

Подколесинъ.

На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѣя Тихоновна.

Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ.

Какое то лѣто будетъ — неизвѣстно.

Агаѣя Тихоновна.

А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчать.)

Подколесинъ.

Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѣя Тихоновна.

Который покрѣпче пахнетъ-съ — гвоздику-съ.

Подколесинъ.

Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѣя Тихоновна.

Да, пріятное занятіе. (Молчаніе.) Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ.

Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. (Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу.) Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѣя Тихоновна.

Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ.

Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѣя Тихоновна.

Должно быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ.

Сегодня восьмое число (считаетъ по пальцамъ): девятое, десятое, одиннадцатое . . . чрезъ двадцать два дни.

Агаѣя Тихоновна.

Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ.

Я сегодняшняго дня даже не считаю. (Молчаніе.) Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѣя Тихоновна.

Какъ?

Подколесинъ.

А работники. Стоять на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурищикъ штукатуришь и не боится ничего.

Агаѣя Тихоновна.

Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ.

А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. (Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ, беретъ за шляпу и раскланивается.)

Агаѣя Тихоновна.

А вы уже хотите?...

Подколесинъ.

Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

Агаѣя Тихоновна.

Какъ-съ можно? Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ (улыбаясь).

А мнѣ такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѣя Тихоновна.

Ахъ, право, нѣтъ!

Подколесинъ.

Ну, такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеромъ когда-нибудь...

Агаѣя Тихоновна.

Очень пріятно-съ. (Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ.)

Явленіе XV.

Агаѣя Тихоновна (одна).

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ: жаль только,

что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное то хорошо, что совсѣмъ не пусто-словить. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, расскажу тетушкѣ. (Уходитъ.)

Явленіе XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ (входятъ).

Кочкаревъ.

Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ.

Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ.

Стало быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ.

Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ.

Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ.

Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку-припеку: „Сударыня, дайте, я на васъ женюсь!“

Кочкаревъ.

Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ.

Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь,

я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ.

Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ.

Что ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!...

Кочкаревъ.

Почему жъ нѣтъ?

Подколесинъ.

Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ.

Да вѣдь ты жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны — сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ.

Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же: мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, нужно дать роздыху.

Кочкаревъ.

Мѣсяцъ!

Подколесинъ.

Да, конечно.

Кочкаревъ.

Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ.

Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ.

Да вѣдь я официанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямясь, душенька, женись теперь.

Подколесинъ.

Помилуй, братъ, что ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ.

Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня, по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ.

Да, право, нельзя.

Кочкаревъ.

Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ.

Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ.

Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшишь, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ.

Да еслибы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ.

Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ.

Да зачѣмъ же?...

Кочкаревъ (становясь на колѣни).

Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямся, душенька!

Подколесинъ.

Ну, нельзя, братъ, право, нельзя.

Кочкаревъ (вставая въ-сердцахъ).

Свинья!

Подколесинъ.

Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ.

Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ.

Бранись, бранись.

Кочкаревъ.

Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ.

Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ.

Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ.

Тебѣ что до того?

Кочкаревъ.

О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ.

Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ.

Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ.

Ну, и пойду.

Кочкаревъ.

Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ.

Что жъ, и пойду.

Кочкаревъ.

Ступай, ступай, и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ.

И не покажусь. (Уходитъ.)

Кочкаревъ.

Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю!
(Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ.) Дуракъ!

Явленіе XVII.

Кочкаревъ

(одинъ; ходить, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ).

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Эдакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я! Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ!

Эдакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы — во всякое мѣсто! (Въ-сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ.) Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь эдакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу подлеца! (Убѣгаетъ.)

Явленіе XVIII.

Агаѣя Тихоновна (входитъ).

Ужъ такъ, право, бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куды ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, — пробовала сматывать нитки, шила ридикюль, — а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. (Помолчавъ.) И такъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставить одну съ мужчиною — уфъ! дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь! (Плачетъ.) Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Одиѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же

поставить на карточку все, что ни есть на немъ! (Начинаетъ мало-по-малу опять рыдать.) Не удалось и поселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... (Переменная голосъ.) Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?

Явленіе XIX.

Агаѣя Тихоновна и **Подколесинъ** (выталкивается на сцену изъ дверей двумя руками **Кочкарева**).

Подколесинъ (запнясь).

Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльцо... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѣя Тихоновна (потупляя глаза).

Что же такое?

Подколесинъ.

Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѣя Тихоновна (такъ же).

Не могу знать, что такое.

Подколесинъ.

Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѣя Тихоновна.

Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ.

Но этого вы еще никогда не слыхали. (**Агаѣя Тихоновна** потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку **Кочкаревъ** и становится у него за плечами.) Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѣя Тихоновна.

А что же это такое?

Подколесинъ.

А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ (про себя, складывая руки).

Господи Ты Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѣя Тихоновна.

Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ.

Да все какъ то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ (вслухъ).

Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ

(почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо).

Помилуй, что ты!

Кочкаревъ.

Такъ что жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастье?

Агаѣя Тихоновна.

Я никакъ не смѣю думать, чтобъ я могла составить счастье... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ.

Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ.

Сейчасъ. (Хочетъ сказать что то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмурить брови; онъ даетъ руку.)

Кочкаревъ (соединяя руки).

Ну, Богъ васъ благословить! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика да и поѣхалъ куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я расскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. (Агаѣя Тихоновна потупляетъ глаза.) Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ.

Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. (Цѣлуетъ ее и беретъ за руку.) Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?... Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непременно сей же часъ.

Агаѣя Тихоновна.

Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ быть, очень скоро.

Подколесинъ.

И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобы сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ.

Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они

всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѣя Тихоновна.

Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

Явленіе XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ.

Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. (Тронутый.) Будущей весною навѣщу непременно могилу твоего отца.

Кочкаревъ.

Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. (Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую.) Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно (цѣлуются), въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ.

Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предомною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, эдакъ какъ то испаряется, какъ то эдакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ.

Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. (Въ сторону.) А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. (Беретъ и уноситъ шляпу съ собою.)

Явленіе XXI.

Подколесинъ (одинъ).

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, — словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ. Еслибы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ — и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (Послѣ нѣкотораго молчанія.) Однакожъ, что ни говори, а какъ то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорокы, ни раскаянья, ничего, ничего, — все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что еслибы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (Подходить къ окну.) Ну еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькой. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы?

неловко! А неужто, однакоже, нельзя безъ шляпы? А что, еслибы попробовать — а? Попробовать, что ли? (Становится на окно и, сказавши: „Господи, благослови!“ соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и охаетъ.) Охъ, однакожь, высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика.

Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина.

На Канавку, возлѣ Семеновскаго мосту.

Голосъ извозчика.

Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина.

Давай! Пошелъ! (Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ.)

Явленіе XXII.

Агаѣя Тихоновна

(входитъ въ вѣнчалномъ платьѣ робко и потупивъ голову).

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ! еслибы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, еслибы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! (съ робостью оглядывается.) Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? (Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда.) Оекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Оеклы.

Да онъ тамъ.

Агаѣя Тихоновна.

Да гдѣ же тамъ?

Оекла (входя).

Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѣя Тихоновна.

Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Фекла.

Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ, — я сидѣла въ прихожей.

Агаѣя Тихоновна.

Да гдѣ же онъ?

Фекла.

Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелевны?

Агаѣя Тихоновна.

Тетушка! тетушка!

Явленіе XXIII.

Тѣ же и Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна. (разодѣтая).

А что такое?

Агаѣя Тихоновна.

Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна.

Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ.

Фекла.

Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѣя Тихоновна.

Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

Явленіе XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ.

А что такое?

Агафья Тихоновна.

Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ.

Какъ нѣтъ? ушелъ?

Агафья Тихоновна.

Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ.

Какъ же? и нѣтъ — и не ушелъ?

Өекла.

Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна.

Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ.

Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?... Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! (Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья.) Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

Арина Пантелеймоновна.

Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!...

Явленіе XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна.

Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

Дуняшка.

Да они-съ выпрыгнули въ окошко. (Агаѣя Тихонова вскрикиваетъ, всплеснувши руками.)

Всѣ трое.

Въ окошко?

Дуняшка.

Да-съ, а потомъ, какъ выскочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна.

Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ.

Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка.

Ей-Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна

(подступая къ Кочкареву).

Что жъ вы, батюшка, въ-издѣвку то развѣ, что ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого страму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я — мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! (Уходитъ въ-сердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный.)

Фекла.

Что? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у

меня пусть такіе и эдакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ.

Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! (Уходитъ.)

Оекла.

Да, поди ты, вороти! Дѣла то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще еслибы въ двери выбѣжалъ — ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

Игроки.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ

Явленіе I.

Ихаревъ входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги Алексѣя и
своего собственнаго, Гаврюшки.

Алексѣй.

Пожалуйте-съ, пожалуйста! Вотъ-съ покойчикъ!
ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

Ихаревъ.

Шума нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь,
скакуновъ?

Алексѣй.

То есть, изволите говорить насчетъ блохъ? ужъ
будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ,
ужъ это наша отвѣтственность: ужъ на томъ
стоимъ.

Ихаревъ (Гаврюшкѣ).

Ступай выносить изъ коляски. (Гаврюшка уходитъ.
Алексѣю.) Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй.

Алексѣй-съ.

Ихаревъ.

Ну, послушай! (Значительно.) рассказывай: кто у
васъ живетъ?

Алексѣй.

Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти
заняты.

Ихаревъ.

Кто жъ именно?

Алексѣй.

Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ.

Играютъ?

Алексѣй.

Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ.

Пара цѣлковиковъ! (Суетъ ему въ руку.)

Алексѣй (кланяясь).

Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ.

Послѣ еще будетъ.

Алексѣй.

Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ.

Между собой играютъ?

Алексѣй.

Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ.

Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй.

Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ.

Да у кого?

Алексѣй.

Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ.

Врешь, врешь, плуть!

Алексѣй.

Ей Богу!

Ихаревъ.

Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ уже. (Гаврюшка вноситъ шкатулку.) Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. (Слуги уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Ихаревъ

(одинъ, отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами).

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка — просто перлъ! Зато жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужика ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. (Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Алексѣй и Гаврюшка (несутъ лоханку, рукомойникъ и полотенце).

Ихаревъ.

Что, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй.

Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ.

Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ. (Уходитъ.)

Явленіе IV.

Алексѣй и Гаврюшка.

Алексѣй.

Что, издалека ѣдете?

Гаврюшка.

А изъ Рязани.

Алексѣй.

А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка.

Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй.

Такъ-съ. Такъ помѣстье то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка.

Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй.

Понимаю, въ двухъ, то есть, губерніяхъ.

Гаврюшка.

Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, — вотъ какъ у насъ!

Явленіе V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ (осторожно входя).

Кругель.

Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ.

Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. (Алексѣю.) Ступай, братъ, тебя зовутъ! (Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя къ Гаврюшкѣ.) Откуда баринъ?

Гаврюшка.

Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ.

Помѣщикъ?

Гаврюшка.

Помѣщикъ.

Швохневъ.

Играетъ?

Гаврюшка.

Играетъ.

Швохневъ.

Вотъ тебѣ красуля (даютъ ему бумажку). Разсказывай все!

Гаврюшка.

Да вы не скажете барину?

Оба.

Ни, ни, не бойся!

Швохневъ.

Что, какъ онъ теперь, — въ выигрышѣ? а?

Гаврюшка.

Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ.

Нѣтъ, а что?

Гаврюшка.

Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотые эпoletы... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ

(взглянувъ на Кругеля, значительно).

А? восемьдесятъ тысячъ! (Кругель покачалъ головою.) Думаешь — не чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. (Гаврюшкѣ.) Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка.

Да какъ — что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держать себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ.

Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка.

Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли; съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ (Кругелю).

Думаешь — шулеръ?

Кругель.

И очень можетъ быть.

Швохневъ.

А попробовать, все-таки попробуемъ. (Оба убѣгаютъ.)

Явленіе VI.

Гаврюшка (однѣ).

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣльчонкамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что-нибудь приобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь — все ужъ съ рубля гривенничекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань — въ Казань, въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань? — Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

Явленіе VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, потомъ Алексѣй.

Ихаревъ.

Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А, впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. (Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться.) Просто рука дрожить, никакъ не могу бриться.

(Входитъ Алексѣй.)

Алексѣй.

Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ.

Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его (указывая на Гаврюшку).

Алексѣй (Гаврюшкѣ).

Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено.

(Гаврюшка уходитъ.)

Ихаревъ (продолжая бриться).

Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй.

Кто-съ?

Ихаревъ.

Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй.

Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ.

Сколько? пятьдесятъ рублей?

Алексѣй.

Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ.

А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься? — не укуситъ. Отъ тебя не требуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. (Даетъ ему запечатанную дюжину.) Понимаешь?

Алексѣй.

Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ.

Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-ни-

будь тебя не оцупали, или не увидѣли. (Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ. Алексѣй уходитъ.) Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

Явленіе VIII.

Швохневъ, Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный (входятъ съ поклонами).

Ихаревъ

(съ поклономъ къ нимъ навстрѣчу).

Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный

Привѣтливая ласка хозяина дороже всякихъ удобствъ.

Швохневъ.

Не съ комнатою жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный.

Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. (Кругелю.) Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюды: одинъ-оденешенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка — старуха. На лѣстницѣ какая то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея какой то армейщина, видно, натошакъ... Словомъ, скука смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому.

Кругель.

Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредить. Ты, вѣрно, уже не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный.

Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

Кругель.

Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба — это другое дѣло.

Утѣшительный.

Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель.

Принадлежить, но не весь.

Утѣшительный.

Нѣтъ, весь.

Кругель.

Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный.

Нѣтъ, весь.

Кругель.

Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный.

Нѣтъ, весь!

Швохневъ (Утѣшительному).

Не спорь, братъ: ты не правъ.

Утѣшительный (горячась).

Нѣтъ, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ.

Ну, зарапортовался! Горячь необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говорить, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный.

Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: „господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право, увлекусь“. Точно хмель какой то, а желчь такъ и кипить, такъ и кипить.

Ихаревъ (про себя).

Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ „обязанность“. У тебя, можетъ быть, и кипить желчь, да только не въ этомъ случаѣ. (Вслухъ.) А что, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣстъ ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столѣ завтракъ.)

Утѣшительный.

Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Кругель.

Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ.

А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ.

О, только прикажите!

Ихаревъ.

Карты! (Алексѣй хлопочетъ около карточного стола.) А между тѣмъ, прошу, господа! (Указывая рукой на закуску и подходя къ ней.) Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ

(посылая въ ротъ кусокъ).

Нѣтъ, и балыкъ того.

Кругель (также)

И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ (Кругелю).

Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель.

Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный.

Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотишь другой — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартирмейстеръ, говоритъ: „Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто“.

Ихаревъ.

Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный

(подходя къ игорному столу).

А, вотъ оно старина, старина! Слышишь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

Ихаревъ (въ сторону).

Да полно тебѣ корчить!..

Утѣшительный.

Хотите вы держать банчикъ?

Ихаревъ.

Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? (Мечетъ банкъ)

(Начинается игра. Раздаются восклицанія.)

Швохневъ.

Четверка, тузикъ, — оба по десяти.

Утѣшительный.

Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель.

Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный.

Швохновъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ.

Чортъ побери, пароле! ¹

Утѣшительный.

И пять рублей мазу! ²

Кругель.

Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный

(вскакиваетъ съ мѣста, про себя).

Чортъ побери, тутъ что то не такъ. Карты другія, это очевидно.

(Игра начинается.)

Ихаревъ (Кругелю).

Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель.

Обѣ.

Ихаревъ.

Не возвышаете?

Кругель.

Нѣтъ.

Ихаревъ (Швохневу).

А вы что жъ? не ставите?

¹ Втрое.

² Прибавка къ ставкѣ.

Швохневъ.

Позвольте мнѣ эту талію переждать. (Встаетъ съ стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро.) Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что хочешь! Шулеръ первой степени!

Утѣшительный (въ волненіи).

Неужли, однакожъ, отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ.

Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный.

Ну, это еще вопросъ, а пока съ нимъ объясниться!

Швохневъ.

Какъ?

Утѣшительный.

Открыться ему во всемъ.

Швохневъ.

Для чего?

Утѣшительный.

Послѣ скажу. Пойдемъ. (Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу.)

Утѣшительный.

Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихаревъ (вадрогнувъ).

Какъ?

Утѣшительный.

Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ (утииво).

Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный.

Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣй, чѣмъ порознь.

Ихаревъ.

Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?..

Утѣшительный.

Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ.

Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказать.

Утѣшительный.

Итакъ, подадимте же, всякій изъ насъ, другъ другу руки. (Всѣ попеременножимаютъ руку Ихареву.) Отнынѣ все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

Ихаревъ.

Признаюсь, это уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный.

Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не мо-

жетъ быть приобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

Ихаревъ.

Какого ребенка?

Утѣшительный.

А вотъ Расскажи!

Швохневъ.

Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говорить мнѣ его зять (указывая на Утѣшительнаго), Андрей Ивановичъ Пяткинъ: „Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри!“ Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человекъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: „Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ“. — „Да, признаюсь“, говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ), „да“, говоритъ, „точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша!“ говоритъ, „поди-ка сюда, покажи гостю искусство!“ Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать — я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описанье.

Ихаревъ.

Неужто ничего нельзя было примѣтить?

Швохневъ.

Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

Ихаревъ.

Это непостижимо!

Утѣшительный.

Феномень, феномень!

Ихаревъ.

И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа...

Утѣшительный.

Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

Ихаревъ.

То есть, ключъ рисунка?

Утѣшительный.

Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно — я не хочу назвать, одинъ почтенный человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ.

Это, однакожъ, важная вещь.

Утѣшительный.

Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи — распредѣленіе работъ. Все равно — каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ.

Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

Утѣшительный.

Сохрани Богъ! да и опасно. Это значить иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ — дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, купцы вмигъ расхватили въ свои лавки; а въ четыре дни проигрался весь городъ.

Ихаревъ.

Это очень ловко.

Швохневъ.

Ну, а у того у помѣщика?

Ихаревъ.

Что у помѣщика?

Утѣшительный.

А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотреть самъ, люди у него воспитаны — камергеры, домъ — дворецъ, деревня, сады, — все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу? — просто, нѣтъ возможности. Наконецъ, придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самага двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что то выпало; подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: „остановись!“ никто не слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ. — Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, какое то платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ, и гости, остались безъ копейки въ карманѣ, и кончился банкъ.

Ихаревъ.

Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный.

Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотреть ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты — я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ.

Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копейку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный.

Знаю, но, можетъ быть, другого рода.

Ихаревъ.

Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаления въ глазахъ. (Вынимаетъ изъ шкатулки.) Вотъ она! Зато ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носить имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный.

Какъ, имя?

Ихаревъ.

Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный (усмѣхаясь).

идеСлышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая я — назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохневъ.

Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

Утѣшительный.

Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь, Кругель, это тебѣ жена.

Кругель.

Что я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный (разсматривая колоду).

Это, точно, сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ.

Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать¹, если ошибусь.

Утѣшительный.

Ну, это какая карта?

Ихаревъ.

Семерка.

Утѣшительный.

Такъ точно. Эта?

Ихаревъ.

Валетъ.

Утѣшительный.

Чортъ возьми, да! Ну, эта?

Ихаревъ.

Тройка.

Утѣшительный.

Непостижимо!

Кругель (пожимая плечами).

Непостижимо!

Швохневъ.

Непостижимо!

¹ Обезпечить.

Утѣшительный.

Позвольте еще разъ разсмотрѣть. (Разсматривая колоду.) Удивительная вещь! стоитъ того, чтобы называть ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ; вѣдь это нужно подмѣнить самому.

Ихаревъ.

Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается беспокойнымъ; а потеряйся только немного человекъ, съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ — заигратся. Какъ поиграетъ два дни и двѣ ночи сряду, не поспавши, — ну, и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ — есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный.

Но, однакоже, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Приобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу „ты“.

Ихаревъ.

Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный.

Человекъ, шампанскаго! Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ.

Именно, это стоитъ того, чтобы запитъ.

Швохневъ.

Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

Ихаревъ.

Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы идти, вотъ бѣда!

Утѣшительный.

Что жъ дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. (Смотря пристально на Швохнева.) Что? у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ.

Есть, да... (Останавливается.)

Утѣшительный.

Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ (съ живостью).

А на кого, на кого? кто это?

Утѣшительный.

Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки.

Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ; и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ.

Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ быть, почему знать...

Утѣшительный.

Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ.

Ну, да попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ.

Ну, да приведи его по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный.

Да пожалуй, мнѣ ничего это не значить, я приведу его.

Ихаревъ.

Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный.

Изволь, изволь! (Уходитъ.)

Явленіе IX.

Тѣ же, кромѣ Утѣшительнаго.

Ихаревъ.

Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное...

Швохневъ.

Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ здѣсь имѣешь дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ — все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ: „да“. Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто — даромъ тревогу подымалъ.

Кругель.

Ну, однакожъ, этотъ не таковъ.

Ихаревъ.

Эхъ, еслибы!.. Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все время. Скука, скука смертная!

Швохневъ.

Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ.

Повѣришь ли, приходитъ такъ, что еслибы кто сдѣлалъ пять рублей банку — я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ.

Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочить съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ.

А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель.

О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ.

Эхъ, чортъ возьми, подпойть развѣ его, шампанскаго велѣтъ подать?

Швохневъ.

Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ.

Что жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, все я думаю... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, еслибы онъ подѣлалъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Швохневъ.

Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. (Садятся въ сторонѣ съ картами.)

Явленіе X.

Тѣ же, Утѣшительный и Михайло Александровичъ Гловъ
(человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).

Утѣшительный.

Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михалъ Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ.

Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Гловъ.

Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

Ихаревъ (подавая ему стулъ).

Прошу покорнѣйше!... Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою.)

Гловъ.

Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ падоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ, и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

Ихаревъ.

Что жъ, удерживаютъ дѣла?..

Гловъ.

Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ.

Вѣроятно, тяжба?

Гловъ.

Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное — заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ.

А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ.

Въ двухъ стахъ тысячахъ. На-дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь — невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ.

Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

Гловъ.

Что жъ дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ не получаю; Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. (Обращаясь къ Швохневу и Кругелю.) А что жъ вы,

господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ то занимались?

Кругель.

Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Гловъ.

Кажется, что то похоже на банчикъ!

Швохневъ.

Какое! для препровожденья времени, грошовой банчикъ.

Гловъ.

Эхъ, господа, послушайте старика. Вы — молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ разъ кончилась большой.

Швохневъ (Ихареву).

Ну, пошелъ ужъ старикашка плестъ свое. (Глову.) Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору, — это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ.

Да что жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человекъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ.

Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напимѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непременно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, шлепнулись о гололедъ — они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой то дорогѣ никому

нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь, и всякій непременно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженіе того, что другой, можетъ быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенія. Собака укусила человѣка на улицѣ — всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ.

Такъ батюшка; оно точно, съ одной стороны, есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь зато жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломить шею!

Швохневъ.

Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсится, такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ.

Такого то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ.

Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе? это правда, больше ничего.

Ихаревъ.

Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный.

Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михалъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно, но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда, — не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во

время игры, кто что ни говори, а это сокращает видимо нашу жизнь.

Гловъ.

Такъ, батюшка, ей Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный.

Какой вопросъ?

Гловъ.

Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный.

Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ.

Представьте! Что жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну, что, еслибы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро рассуждали? Господи Ты Боже мой, что бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрей. Ужъ какъ, ей Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ.

Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

Гловъ.

Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послу-

шайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей Богу-съ, волненіе; а прямого то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей Богу! Какъ вообразу: дочь кинется на шею: „папашъ ты мой, милый папашъ!“ сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ недостаетъ: ей Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ.

Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отечественія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

Алексѣй (входя, говоритъ Глову).

Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

Гловъ.

А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставляю. (Уходитъ.)

Явленіе XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ.

Ну, нѣтъ никакой надежды!

Утѣшительный.

Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

Ихаревъ.

Ну, да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный.

Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ.

Ну, да вѣдь что жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ — все равно.

Утѣшительный.

Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

Явленіе XII.

Тѣ же и Гловъ.

Гловъ.

Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ, авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться.

Швохневъ.

О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? Захоти только судьба.

Гловъ.

Ей Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы услادили мое уединеніе.

Утѣшительный.

Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ.

Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный.

Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ.

Успокойте старика-отца!

Утѣшительный.

Какъ?

Гловъ.

Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малой, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года, — ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: „Рано, Саша, погоди, осмотришься прежде! Что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!...“ Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блестить, шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человекъ, все можетъ случиться; чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! (Беретъ его за обѣ руки.)

Утѣшительный.

Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ.

Ахъ, батюшка! (Обнимаются и цѣлуются.) Вѣдь какъ видно, когда у человека то доброе сердце, ей

Богу! Богъ васъ наградить за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться!

Ихаревъ.

Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ.

Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ.

Благодарю васъ, господа!

Утѣшительный.

А я васъ таки провожу къ самой коляскѣ и посажу!

Гловъ.

Ахъ, батюшка, какъ вы добры! (Оба уходятъ.)

Явленіе XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Улетѣла птица!

Швохневъ.

Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ.

Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

Кругель.

О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ.

Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти ты-

сячь? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ.

И все это дрянъ, гниль.

Ихаревъ.

А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтъ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ.

Я помирюсь и на половинѣ.

Кругель.

Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ.

Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель.

Какъ честной человѣкъ...

Швохневъ.

Надуешь.

Явленіе XIV.

Тѣ же и Утѣшительный (входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ).

Утѣшительный.

Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ — молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. (Убѣгаетъ.)

Явленіе XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Ай да Утѣшительный!

Швохневъ.

Браво! дѣло возымѣло славный оборотъ!

(Всѣ потираютъ въ радости руки.)

Ихаревъ.

Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ.

О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель.

Способности невѣроятныя!

Ихаревъ.

Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Сметливость какая!

Швохневъ.

О, ты еще не знаешь его хорошенько.

Явленіе XVI.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ, Александръ Михайловичъ (молодой человѣкъ).

Утѣшительный.

Господа! рекомендую: Александръ Михалычъ Гловъ. отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ.

Очень радъ... (Пожимаетъ ему руку.)

Хорошее

И. В. Горюль, VII.

Т-во "Просвещение" в Спб.

Горюль въ гробу.

(Съ рисунка Э. А. Дмитрича-Мамонтова.)

Ихарева.

Знакомство ваше намъ...

Кругель.

Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ.

Господа! я...

Утѣшительный.

Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь, — всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ прямо на „ты“!

Швохневъ.

Именно на „ты“!

Гловъ.

На „ты“! (Подаетъ имъ всѣмъ руку.)

Утѣшительный.

Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини, — вѣдь мы на ты, — ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ.

Чортъ ее поberi съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный.

Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Гловъ.

А такъ хороша... будь она не сестра, ну ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный.

Браво, браво, гусарь! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помоги бы ты мнѣ, еслибы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ.

Почему жъ? помоги бы.

Утѣшительный.

Браво, гусарь! Вотъ оно, что называется настоящимъ гусарь, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: такихъ открытыхъ людей я люблю. Пстой, душа, дай, обниму тебя!

Швохневъ.

Дай же и мнѣ обнять его. (Обнимаетъ его.)

Ихаревъ.

Пусть же и я обниму его. (Обнимаетъ.)

Кругель.

Ну, такъ и я жъ обниму его, если такъ. (Обнимаетъ.)

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы.)

Утѣшительный.

Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочетъ!

Всѣ.

Пусть его будетъ, что хочетъ! (Пьютъ.)

Гловъ.

За здравіе всего гусарства! (Подымая бокалъ.)

Всѣ.

За здравіе всего гусарства! (Пьютъ.)

Утѣшительный.

Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ: нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ.

Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣшительный.

Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ.

Да вѣдь и сѣсть то не съ чѣмъ.

Утѣшительный.

Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непременно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистаганомъ.

Гловъ.

А какъ проиграю?

Утѣшительный.

Стыдись! что жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ то и дѣло, въ рискъ то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

ГЛОВЪ (махнувъ рукой).

Чортъ поberi! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный.

Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! (Наливаетъ ему въ стаканъ.) Главное, что нужно? — Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. (Мечетъ направо и налево.) Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? (Мечетъ.) Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убить, девятка взяла. Что тамъ, что у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусаръ! Слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

ГЛОВЪ (перегибаетъ карту).

Чортъ поberi! Пароле пе! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный (продолжая метать).

У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ, нѣтъ! пліе, чортъ поberi, пліе! опять пліе! А, проигралъ гусаръ. Ну, что жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставъ эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что жъ вы не поздравляете его? (Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами.) Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что называлъ ты пиковой дамой? Гдѣ то она теперь, сердечная? Чай,

пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! (Ихареvu) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусарь также лопнулъ.

Гловъ.

Чортъ побери, ва-банкъ!¹

Утѣшительный.

Браво, гусарь! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусарь; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусарь. Вона натура то какъ того... Убить гусарь.

Гловъ.

Ва-банкъ!

Утѣшительный.

У, браво гусарь! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну подика, поищи — гдѣ отыщешь этакую черту?... Это именно подвигъ! Лопнулъ гусарь.

Гловъ.

Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный.

Ого, го, гусарь! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горять? Барклай-де-Толъевское что то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте!² просто карта фоска!³ А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусарь!

¹ На всю поставленную въ банкъ сумму.

² Выигрывающая карта.

³ Карта съ небольшимъ числомъ очковъ.

Гловъ (горячась).

Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный.

Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадишь двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ.

Да гдѣ жъ у меня! у меня теперь нѣтъ.

Утѣшительный.

Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ.

Извольте, я готовъ. (Беретъ перо.)

Утѣшительный.

Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ.

Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный.

Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. (Даютъ ему подписаться.)

Гловъ.

Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте жъ играть!

Утѣшительный.

Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Гловъ.

Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный.

Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ.

Да что жъ это?... Вѣдь это, просто, подлость.

Кругель.

Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ.

Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ.

Этакъ, ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ.

Ну, что жъ? чего вы хотите? назначьте какіе-угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный.

Что, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе-угодно проценты, дай только намъ займы.

Гловъ (отчаянно и рѣшительно).

Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Швохневъ

Принеси деньги сейчасъ станемъ играть.

Гловъ

(вынимая изъ кармана пистолетъ).

Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. (Убѣгаетъ съ пистолетомъ.)

Утѣшительный (въ испугѣ).

Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! (Убѣгаетъ.)

Явленіе XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Швохневъ.

Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

Кругель.

Я всего боюсь. Это такъ возможно...

Явленіе XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

Утѣшительный

(держа Глова за руку съ пистолетомъ).

Что ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть въ ротъ, а? Стыдись!

Всѣ (приступая къ нему).

Что ты! что ты! Помнлуй, что ты!

Швохневъ.

А еще и умный человѣкъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ.

Этакъ, пожалуй, вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проигратъся. Да еслибы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный.

Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты

счастья своего не видишь. Развѣ ты чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ (съ досадой).

Что жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ — проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный.

Эхъ ты, простофія! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку! Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ (ободрившись).

Что жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный.

Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! ¹ Шампанскаго! (Несутъ бутылки.)

Гловъ (со стаканомъ).

Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ.

Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ.

Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ.

На все плюю, когда такъ!... (Ставить на столъ стаканъ.) Вотъ бѣда только: домой какъ прїѣду? Отецъ, отецъ!... (Хватаетъ себя за волосы.)

¹ Грубая венгерская ругань.

Утѣшительный.

Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не нужно!

Гловъ (вытаращивъ глаза).

Какъ?

Утѣшительный.

Ты отсюда — прямо въ полкъ! Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его погуляетъ юнкеръ! Тамъ я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая то, а?

Гловъ.

Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный.

Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотрублевой?

Ихаревъ.

Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ.

(беретъ ассигнацію и помахивая ею на воздухѣ).

Шампанскаго?

Всѣ.

Шампанскаго! (Несутъ бутылки.)

Гловъ.

Да здравствуютъ гусары!

Утѣшительный.

Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его!

(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на пѣвѣстный припѣвъ известную пѣсню):

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ (съ поднятой рюмкой).

Ура!

Всѣ.

Ура! (Становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку о полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто о полъ.)

Гловъ.

Иду прямо къ ней!

Утѣшительный.

А намъ нельзя за тобой, а?

Гловъ.

Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

Утѣшительный.

А, рубака какой! а? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ іора, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Гловъ.

Прощайте.

Швохневъ.

Да приходи намъ послѣ рассказать.

(Гловъ уходитъ.)

Явленіе XIX.

Тѣ же, кромѣ Глова.

Утѣшительный.

Нужно его покамѣстъ ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ.

Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный.

Да, это будетъ скверно; а, впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

Явленіе XX.

Тѣ же а чиновникъ Замухрышкинъ (высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ нѣсколько поношенномъ фракѣ).

Замухрышкинъ.

Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ, Александръ Михайловичъ?

Швохневъ.

Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ.

Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный.

А вы кто?

Замухрышкинъ.

Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный.

А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него (указывая пальцами на всѣхъ) будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ.

Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный.

Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ.

Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: „двѣ недѣли“, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копейки. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали — три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный.

Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покорооче познакомились... Ну, да что?... да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Перпентьичъ, что ли?

Замухрышкинъ.

Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный.

Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріатели. Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ.

Да что служба? Извѣстное дѣло — служимъ.

Утѣшительный.

Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ.

Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утѣшительный.

Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуга?

Замухрышкинъ.

Ну, вотъ! Вы ужъ, я вижу, смѣтаетесь! Эхъ, господа!.. Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ размотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ — такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный.

Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значить задѣтъ за честь!

Замухрышкинъ.

Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утѣшительный.

Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ.

Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашенкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утѣшительный.

Ну, а ручонками, я чай, ужъ всё этакъ (показываетъ рукой, какъ будто беретъ деньги) умѣютъ?

Замухрышкинъ.

Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! Вѣдь вотъ опять начали!

Утѣшительный.

Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, что жъ тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокаль шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ (принимая бокаль).

А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утѣшительный.

Небось, даровой, отъ купца?

Замухрышкинъ.

Отъ купца-съ, выписной изъ Кяхты.

Утѣшительный.

Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣль съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ

(выпивъ бокаль и упираясь руками въ колѣни).

А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они заводъ какой то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ

онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да куда по глупости своей и проговорись въ городъ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то — будешь ждать! А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы, и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ — взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

Утѣшительный.

Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

Замухрышкинъ.

Да будемъ стараться. (Вставая.) Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копейки денегъ. А будемъ стараться.

Утѣшительный.

Ну, какъ васъ тамъ спросить?

Замухрышкинъ.

Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! (Идетъ къ дверямъ.)

Швохневъ.

Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! (оглядывается) постарайтесь!

Утѣшительный.

Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ (уходя).

Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный.

Чортъ поberi, какъ это долго! (Бьетъ себя рукой по лбу.) Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ, авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его поberi! три тысячи дамъ ему своихъ. (Убѣгаетъ.)

Явленіе XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ.

Конечно, лучше, еслибы получить поскорѣе.

Швохневъ.

Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель.

Эхъ, еслибы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ.

Да что, развѣ ваши дѣла...

Явленіе XXII.

Тѣ же и Утѣшительный.

Утѣшительный

(входитъ съ отчаяньемъ).

Чортъ поberi! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ.

Да что тебѣ такъ приспичило? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ.

Въ томъ то и штука, братъ, что для насъ это лишкомъ важно.

Утѣшительный.

Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждуть? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши, во что бы ни стало, хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаютъ чистаганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ.

Ну, такъ что жъ?

Утѣшительный.

Какъ — что жъ? Да вѣдь старики то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ.

Да будто сыновья ужъ непременно станутъ играть?

Утѣшительный.

Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына? — или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутить. — Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ.

И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный.

Какъ не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

Ихаревъ.

Эхъ, чортъ возьми! что жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный.

Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока еще не зачѣмъ. Деньги у тебя есть — восемьдесятъ тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало быть ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копейку.

Ихаревъ.

Позвольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... (Подходить къ шкапулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій.) Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ.

Утѣшительный.

А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловомъ: нужно его привести и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкапулки. (Кругель уходитъ.) Эхъ, еслибы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! (Уходитъ.)

Ихаревъ.

Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Швохневъ.

А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ приѣзжай къ намъ. Съ двумястами тысячъ, знаешь, что можно сдѣлать? Просто ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. (Поспѣшно уходитъ.)

Явленіе XXIII.**Ихаревъ** (одинъ).

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ! Шутка — двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ? Воображаю, хорошъ бы я былъ, еслибы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье то развѣ пустая вещь? Не вѣжество то, которое приобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человекомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что способствуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ — поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройду мимо дворца, по аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человека. А что всему причина? чему обязанъ? — именно

тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутонъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученіе. Ну, положимъ — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обмануту самому — вотъ настоящая задача и цѣль!

Явленіе XXIV.

Ихаревъ и Гловъ (вбѣгающій торопливо).

Гловъ.

Гдѣ жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ.

Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ.

Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ.

Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

Явленіе XXV.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй (обращаясь къ Глову).

Изводили спрашивать, гдѣ господъ?

Гловъ.

Да.

Алексѣй.

Да они ужъ уѣхали.

Гловъ.

Какъ уѣхали?

Алексѣй.

Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ (всплеснувъ руками).

Ну мы надуты оба!

Ихаревъ.

Что за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ.

Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пенъ?

Ихаревъ.

Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается

Гловъ.

Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ (безпокойно).

Что ты, помялуй, что за вздоръ И отецъ твой... и...

Гловъ.

Старикъ то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да

и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михалъ Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ.

Послушай ты! говори сурьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ.

Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обмануть. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ

(подходя къ нему, запальчиво).

Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!.. И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ.

Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ (отчаянно).

Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ.

Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихаревъ

(въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ).

Мошенникъ ты...

Алексѣй (въ сторону).

Ну, дѣло то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться. (Уходитъ.)

Ихаревъ (таша его).

Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ.

Куда, куда?

Ихаревъ (въ изступленіи).

Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ.

Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ.

Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права? А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права. Вотъ погоди — переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ? законъ! законъ призову! (Тащитъ его.)

Гловъ.

Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, еслибы самъ не дѣйствовалъ противозаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ

(въ отчаяніи бьетъ себя рукой по лбу).

Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! (Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ. Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ.) Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ (выглядывая въ дверь)

Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! (Исчезаетъ.)

Ихаревъ (въ ярости).

Чортъ поberi Аделаиду Ивановну! (Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ея въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ.) Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенію челоуѣковъ, эдакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума — какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ запрятаны! и жаловаться даже не могу! (Схватывается со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ.) Хитри послѣ этого. Употребляй тонкость ума! Изощрай, изыскивай средства!.. Чортъ поberi, не стоитъ, просто, ни благороднаго рвенія, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! (Съ досадою махнувъ рукой.) Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслить, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

**Драматическіе отрывки и от-
дѣльныя сцены.**

(Съ 1832 по 1837 годъ.)

Утро дѣлового человѣка.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: „сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ — опять тотъ же голосъ: „сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ съ терпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.

Иванъ Петровичъ.

Что ты, оглохъ?

Лакей.

Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ.

Что жъ ты не изволилъ явиться, когда я звоню въ третій разъ?

Лакей.

Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла — я сапоги чистилъ.

Иванъ Петровичъ.

А Иванъ что дѣлалъ?

Лакей.

Иванъ мель комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петровичъ.

Подай сюда собачку! (Лакей приноситъ собачку.) Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. (Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку.)

(Вбѣгаетъ другой лакей.) Александръ Ивановичъ!

Иванъ Петровичъ.

Проси! (Бросаетъ поспѣшно собаку и развертываетъ Сводъ Законовъ.)

II.

Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ (также дѣловой человѣкъ).

Александръ Ивановичъ.

Доброго утра, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ.

Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ.

Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ.

О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Александръ Ивановичъ.

Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: „Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?“ — „Да шестой уже“, говоритъ, „пробило“. Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

Иванъ Петровичъ.

Представьте, я самъ въ то же почти время. Ну, что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

Александръ Ивановичъ.

Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ.

Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значить, что онъ кладетъ короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ ¹, а у Лукьяна Ѳедосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ ².

Александръ Ивановичъ.

Длиннѣе всего тянулся осьмой робертъ.

Иванъ Петровичъ.

Да! (Помолчавъ.) Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ — нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валетъ мой пикъ и беретъ.

Александръ Ивановичъ.

Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

Иванъ Петровичъ.

Беретъ.

Александръ Ивановичъ.

Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ.

А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосѣевича — позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ.

Да развѣ у него была пиковка? Я что то не помню.

Иванъ Петровичъ.

Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ.

Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

¹ Червей.

² Нѣтъ картъ известной масти.

Иванъ Петровичъ.

Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки! я какъ теперь помню: четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ.

Четверка была — это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

Иванъ Петровичъ.

Ей Богу, Александръ Ивановичъ, ей Богу!

Александръ Ивановичъ.

Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

Иванъ Петровичъ.

Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Ѳедосѣвичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ.

Хорошо.

Иванъ Петровичъ.

Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

Александръ Ивановичъ.

Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Ѳедосѣвичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи..

Иванъ Петровичъ.

И прибавьте: большихъ свѣдѣній! — человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

Александръ Ивановичъ.

Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ, думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. По этому то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству, — его высокопревосходительство еще спитъ. Однакомъ я дождался. Ну, тутъ пошли рассказы о томъ и о семъ.

Иванъ Петровичъ.

А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ.

Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ (оживляется).

Что, что такое?

Александръ Ивановичъ.

Позвольте, позвольте рассказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ? и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: „Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владиміровичъ Бубуницынъ“. Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говорилъ: „гем!“ Я сказалъ: „И еще былъ одинъ, извѣстный вашему высокопревосходительству...“

Иванъ Петровичъ.

Кто жъ это такой?

Александръ Ивановичъ.

Позвольте! что жъ бы, вы думаете, сказалъ на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ.

Не знаю.

Александръ Ивановичъ.

Онъ сказалъ: „кто жъ бы это такой?“ — „Иванъ Петровичъ Барсуковъ“, отвѣчалъ я. „Гем!“ сказалъ его превосходительство: „это чиновникъ и притомъ...“ (Поднимаетъ вверхъ глаза Довольно хорошо у васъ потолоки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?)

Иванъ Петровичъ.

Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ.

Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ: очень, очень натурально!

Иванъ Петровичъ (съ потерпѣніемъ).

Такъ что же сказалъ его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ.

Да, я и позабылъ. Что жъ онъ сказалъ?..

Иванъ Петровичъ.

Сказалъ „гем!“ его высокопревосходительство: „это чиновникъ...“

Александръ Ивановичъ.

Да, да; „это чиновникъ“... ну, „и служить у меня“. Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ.

А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ.

Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ (про себя).

Ну, покамѣстъ еще не много. Господи, Боже

мой! ну, что, еслибы сказалъ онъ: „Такого то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю...“

III.

Тѣ же и Шрейдеръ (выглядываетъ въ дверь).

Иванъ Петровичъ.

Войдите, войдите; ничего, пожалуйста сюда: что это — для доклада?

Шрейдеръ.

Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ (между тѣмъ читаетъ).

„...Господину управляющему...“ Это что значить? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?... (Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ.)

Шрейдеръ.

Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

Иванъ Петровичъ.

Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?

Шрейдеръ.

Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ...

Иванъ Петровичъ.

Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно

согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей?

Шрейдеръ.

Если такъ, я сейчасъ перепису.

Иванъ Петровичъ.

То-то „если такъ“. Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

Шрейдеръ.

Я осмѣлился только потому, что г. министръ ...

Иванъ Петровичъ.

Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спору ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ... Что тогда?

Шрейдеръ.

Я перепису. (Уходитъ.)

IV.

Иванъ Петровичъ

(пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу).

Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ (показывая на лобъ) нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколько трудовъ мнѣ стоило привести все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной жъ пере-

несетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сі-*, а въ другой: *ятельству*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? — порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ.

Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались!

Иванъ Петровичъ (вздыхнувъ).

Именно, потомъ и кровью. Что же будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но, что прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (Вздыхнувши.) Мнѣ бы теперь одного бы только хотѣлось... еслибъ получить хоть орденъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству, что у Барсукова-де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

Александръ Ивановичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай...

V.

Тѣ же и Катерина Александровна (жена Ивана Петровича).

Катерина Александровна

(увидѣвъ Александра Ивановича).

А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Ѳоминышна?

Александръ Ивановичъ.

Слава Богу! недѣлю, впрочемъ, назадъ было захворала.

Катерина Александровна.

Э!

Александръ Ивановичъ.

Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна.

Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

Иванъ Петровичъ.

Чудно право, какъ подумаешь, до чего не доходить просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Недавно былъ я въ представленіи. Что жъ бы вы думали? Мальчишка, росту — какъ бы вамъ сказать? — вотъ этакого (показываетъ рукою), лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю сурьезно, что духъ занимается отъ страха.

Александръ Ивановичъ.

Очень хорошо поетъ Мелась.

Иванъ Петровичъ (значительно).

Мелась? О, да! съ большимъ чувствомъ!

Александръ Ивановичъ.

Очень хорошо.

Иванъ Петровичъ.

Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это... (вертитъ рукою передъ глазами).

Александръ Ивановичъ.

Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако, ужъ скоро два часа.

Иванъ Петровичъ.

Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ.

Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три захватъ до обѣда.

Иванъ Петровичъ.

Ну, такъ до свиданія. Когда жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Ѳедосѣвича?

Александръ Ивановичъ.

Непремѣнно! (Кланяется.)

Катерина Александровна.

Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Александръ Ивановичъ.

(въ лакейской, нарядывая шубу).

Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ — настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получить! Получить, мошенникъ! получить! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная фizioномія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣ-

лось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! (Подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ.)

Тя ж б а.

Кабинетъ.

I.

Пролетовъ,

секретарь (одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ).

Что это у меня? точно отрывка! Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ. Эти грибки да ботвиньи!.. Ышь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! (икаетъ). Вотъ оно! (икаетъ) еще! (икаетъ) еще разъ! (икаетъ). Ну, теперь въ четвертый! (икаетъ). Туды къ чорту, и въ четвертый! Прочитать еще „Сѣверную Пчелу“, что тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта „Сѣверная Пчела“: точь-въ-точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. (Читаетъ и вскрикиваетъ.) Крахманову награда! а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой (показываетъ рукой), я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ корпусъ, а? (Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытаращивъ глаза.) Что это? Что это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ, А? каково! Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ — воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ — каково? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: „дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнулъ“ — а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на

сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай, морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету: прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость и — больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей (входя).

Чего изволите-съ?

Пролетовъ.

Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ эдакой! (Андрей уноситъ газету.) Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая. Что прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы зато какія! какъ у вола, у каналы!

Лакей.

Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ.

Что?

Лакей.

Бурдюковъ пріѣхалъ

Пролетовъ.

Что ты вздоръ несешь!

Лакей.

Такъ точно-съ.

Пролетовъ.

Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей.

Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой то.

Пролетовъ.

Какой другой?

Лакей.

Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ.

Проси.

III.

Пролетовъ и Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ.

Прошу извинить за безпокойство, что наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхаль просить личной помощи, заступничества.

Пролетовъ (въ сторону).

Это, точно, другой; а есть однакоже какое то сходство. (Вслухъ.) Что прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

Бурдюковъ (съ пожатіемъ плечъ).

Дѣло, тяжба.

Пролетовъ.

Тяжба? съ кѣмъ?

Бурдюковъ.

Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ.

Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ.

Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ.

Что вы? что? нѣтъ!

Бурдюковъ.

Да что жъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ?

Пролетовъ.

Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ рассказывай теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ! На брата — процессъ! Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ.

Извольте! Я самъ обниму васъ за такую готовность! (Обнимаются.) А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ.

Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ.

Да сурьезно. Позвольте спросить: вѣрно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетовъ.

Что за чепуху несетъ онъ?

Бурдюковъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ будто отрѣзана и поросла шерстью

совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблѣять.

Пролетовъ.

Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана!... Какъ же я радъ!

Бурдюковъ.

А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ будто знакомо: у насъ въ карабинерномъ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій, то есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ (въ сторону).

У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ. (Вслухъ.) Времени у меня немного, пожалуйста приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ.

Позвольте, сидя не расскажешь. Это дѣло казусное! Знали ли въ Устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи, моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я да братъ — изволите видѣть: вотъ оно куды пошло! Кромѣ того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова: та и безъ того получила слѣдующую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, — онъ на это хоть чорту въ дядьки годится, — вотъ и подѣхалъ онъ къ ней: „Вы-де, тетушка, уже про-

жили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить“. Вона! Замѣчайте, замѣчайте! Переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

Пролетовъ.

Слышу.

Бурдюковъ.

То-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего — Богъ знаетъ, можетъ быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ ужъ знать стороною. Замѣчайте! Приѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ: „Ну“, говоритъ, „братецъ, на-вѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша...“ — „Что, отдала Богу душу?“ — „Нѣтъ, при смерти“. Я вхожу, и точно, тетушка лежитъ на карачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ.

Не поможетъ.

Бурдюковъ.

Ну, что жъ? нечего дѣлать! Такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. „Ну“, говорю, „тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе? Что жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала: „э... э... э... э...“ А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: „Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась“. Слышите, слышите!

Пролетовъ.

Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

Бурдюковъ.

Кой чортъ сказала! Она сказала только: „э... э... э...“ Я все подступаю: „Но позвольте же узнать, тетушка, какое это распоряженіе?“ Что жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: „э, э, э...“ А тотъ подлець опять: „тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи“. Слышите! слышите! Что жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ.

Однакожъ, позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ.

Что жъ? (Размахиваетъ руками.) Стали божиться, что она, точно, все это говорила — ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ.

А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ.

Распечатали.

Пролетовъ.

Что жъ?

Бурдюковъ.

А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люди только! „Возьмите“, говоритъ, „читайте сами“. Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ: „Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову“, — слу-

шайте! — „въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти“, — замѣчайте! — „оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ“, — вона! вона! вона куды пошло! — „пятьсотъ ревижскихъ душъ, угодыя и прочее“. А? слышите ли вы это? „Племянницѣ моей Маріи Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдующую ей деревню изо ста душъ“. „Племяннику“, — вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій типунъ! — „Христанфію сыну Петрову Бурдюкову“, — слушайте, слушайте! — „на память обо мнѣ“, — ого! го! „завѣщаю: три стаметовыя¹ юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы“, и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

Пролетовъ.

Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно!

Бурдюковъ.

Мошенничество — это такъ, я съ вами согласенъ; но, спрашиваю я васъ, на что мнѣ стаметовыя юбки? Что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ.

И свидѣтели подписались при этомъ?

Бурдюковъ.

Какъ же! набралъ какой то сволочи.

Пролетовъ.

А покойница собственноручно подписалась?

¹ Плотная шерстяная матерія.

Бурдюковъ.

Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ, какъ.

Пролетовъ.

Какъ?

Бурдюковъ.

А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянъ, что разобрать нельзя.

Пролетовъ.

Какъ такъ?

Бурдюковъ.

Чортъ знаетъ, что такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала: „обмокни“.

Пролетовъ.

Что вы!

Бурдюковъ.

О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. „А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки“.

Пролетовъ (въ сторону).

Молодецъ, однакожъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ: я бы никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ (размахивая руками).

„Обмокни!“ Что жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: „обмокни“?

Пролетовъ.

Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ.

Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не „обмокни“.

Пролетовъ.

И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

Бурдюковъ.

Несказанно обязанъ вамъ! (Берется за шапку.) А въ которыя двери нужно выходить — въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ.

Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ.

То-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будетъ по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій... какъ васъ? я все позабываю.

Пролетовъ.

Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ.

Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Прольдюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ.

Нѣтъ.

Бурдюковъ.

Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ.

Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

Пролетовъ, потомъ слуга.

Пролетовъ.

Вотъ неожиданный кладъ! вотъ подарокъ! Про-

сто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а на душѣ чувствуешь такое какое то эдакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя, при всѣхъ чиновникахъ, въ полномъ присутствіи. Ей Богу, эдакое магнетическое какое то! Эй, Андрей! (Андрей входитъ.) Ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька — для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло. А, наконецъ таки, насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнуть у тебя бока.

Лакейская.

I.

Театръ представляет переднюю. Направо дверь на лѣстницу, налево — въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь, нѣсколько сбоку, въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. **Петръ, Иванъ и Григорій** сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенить громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.

Григорій.

Ступай, отвори дверь! звонятъ.

Петръ.

Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иванъ (махнувъ рукой).

Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! (Отворяя дверь, вскрикиваетъ.) Это Андрюшка!

Чужой слуга

входитъ въ картузъ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ.

Григорій.

А, московская ворона! откуда тебя принесло!

Чужой слуга.

Ахъ, ты, чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ мое. Вонъ (подымая узелокъ) къ цвѣточницѣ велѣла

снестъ, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что, спать?

Григорій.

Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

Петръ.

Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? (Всѣ смѣются.)

Григорій.

Ну, ужъ ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей.

Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

Петръ.

Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей.

Ну, такъ что жъ? ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ тоже — копѣйку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничего жъ не дѣлаете.

Григорій.

Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой: на то есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: „Эй, Петрушка, сходи-ка туды!“ „Нѣтъ, молъ“, скажетъ, „это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану“. Вотъ оно какъ! Вотъ оно что значитъ, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ

ваша пугалица изъ Москвы пріѣхала, коляска то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязаны. (Смѣются.)

Чужой лакей.

Ну, ты, смѣхунъ, смѣхунъ! Что жъ изъ этого, что лежишь весь день? вѣдь за то жъ ни копейки за душой у тебя нѣтъ.

Григорій.

Да на что жъ мнѣ твоя копейка? А баринъ то зачѣмъ? Вѣдь жалованье то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что жъ за баринъ, коли ужъ пансіона слугѣ не выдастъ за службу?

Чужой лакей.

Что, говорятъ, ребята балъ затѣяли?

Петръ.

Да. А ты будешь?

Чужой лакей.

Да вѣдь что жъ этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ.

Григорій.

Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ — не то, что орѣхи! ужъ полпуда конфектъ купили, мороженаго тоже...

(Слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета.)

Чужой лакей.

Ступай! звонитъ баринъ.

Григорій.

Подождетъ. Лиминацію¹ тоже зажгутъ. Му-

¹ Иллюминація.

зыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было...

(Слышенъ звонокъ изъ кабинета громъ прежняго.)

Чужой лакей.

Ступай, ступай! звонить.

Григорій.

Подождать! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей.

Да вѣдь что жъ этотъ балъ? вѣдь это все такъ.

Григорій.

Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вонъ, смотри, Петрушка, на него, какой онъ...
(Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время открывается дверь, и баринъ въ халатѣ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ.)

II.

Баринъ.

Что вы, бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что есть мочи, чуть тесмы не оборвалъ.

Григорій.

Да ничего не было слышно, сударь!

Баринъ.

Врешь!

Григорій.

Ей Богу! Что жъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, судыр, никуда не годится: никогда ничего не слышать. Нужно будетъ слесаря позвать.

Баринъ.

Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій.

Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбрать за это.

Баринъ (увидя чужого лакея).

Это что за человѣкъ?

Григорій.

Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ то пришелъ къ вамъ.

Баринъ.

Что скажешь, братъ?

Чужой лакей.

Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

Баринъ.

Зачѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей.

Не могу знать. Онѣ только сказали: „Скажи Ѳедору Ѳедоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ“.

Баринъ.

Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей.

Не могу знать, въ которомъ часу, Онѣ сказали только, что доложи-де, говорить, Ѳедору Ѳедоровичу, что я, говорить, къ нимъ сама-де, буду у нихъ-съ ...

Баринъ.

Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы — не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! (Уходитъ; за нимъ Петрушка.)

III.

Чужой лакей (Григорію).

Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.

Григорій (махнувъ рукой).

А! ужъ служба такая! какъ ни старайся — все выбранятъ.

(Въ дверяхъ, что у лѣстницы, раздается звонокъ.)

Григорій.

Вотъ опять какой то чортъ лѣзетъ! (Ивану.) Ступай, отвори! что жъ ты зѣваешь?

(Иванъ отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шубѣ.)

IV.

Господинъ въ шубѣ.

Федоръ Федоровичъ дома?

Григорій.

Никакъ нѣтъ.

Господинъ.

Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

Григорій.

Неизвѣстно. Должно быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?

Господинъ.

Скажи, что былъ Нѣвелецагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудешь? Нѣвелецагинъ.

Григорій.

Лентягинъ-съ?

Господинъ (вразумительнѣе).

Нѣвелецагинъ.

Григорій.

Да вы нѣмецъ?

Господинъ.

Какой нѣмецъ! просто, русскій: Нѣ-ве-леща-гинъ.

Григорій.

Слышь, Иванъ, не позабудь: Ердащегинъ!

(Господинъ уходитъ.)

V.

Чужой лакей.

Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.

Григорій.

Да что жъ на балъ будешь, что ли?

Чужой лакей.

Ну, да ужъ тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!

Иванъ.

Прощай! (Идетъ отворять дверь.)

VI.

Горничная дѣвушка бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.

Григорій.

Куды, куды? Удостоите взглядомъ! (Хватаетъ ее за полу платья.)

Дѣвушка.

Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! (Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на лѣстницу.)

Григорій (смотря вслѣдъ ей).

Вонъ она, какъ поплелась! (Смѣется.) Хе-хе-хе!

Иванъ (смѣется).

Хи-хи-хи!

(Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны. Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу.)

Григорій.

Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше? — нѣтъ, сейчасъ привалить этотъ чортъ, брюхачъ-дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе: десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій.

Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

Пузатый дворецкій

(входитъ съ сильными движеніями и размахами рукъ).

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна, ей Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ!

Григорій.

Да что жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій.

Да кто жъ противъ этого и слово говорить? Почему жъ не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурного слова, на свинью похожъ, ей Богу! Вѣдь что тебѣ заботы? всего два-три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить.

Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? ¹ (Петръ медленно уходитъ.)
А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

Григорій (уходя).

Эхъ ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

Дворецкій (оставшись одинъ).

Въ томъ то и есть поведеніе, что всякій чело-
вѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ
слуга: дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ
архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... Я
бы сейчасъ сказалъ: „Нѣтъ, я не дворецкій, а
губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфанте-
ріи“. Да вѣдь зато мнѣ всякій бы сказалъ:
„Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ“ —
вотъ что! „Твоя обязанность смотрѣть за домомъ,
за поведеніемъ слугъ“ — вотъ что! „Тебѣ не
то, что бонъ журъ ², команъ ву франсе ³, а води
порядокъ, распоряженіе“ — вотъ что! Да.

VIII.

Входитъ Аннушка, горничная дѣвушка изъ другого дома.

Дворецкій.

А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего почтенія
съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка.

Не беспокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я на-
рочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила ка-
рету вашего барина и узнала, что его нѣтъ дома.

Дворецкій.

И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ
очень рады. Пожалуйста, садитесь!

¹ Разговариваешь, мѣшкаешь.

² Добрый день.

³ Какъ вы... по-французски.

Аннушка (сѣвши).

Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на-дняхъ затѣвается?

Дворецкій.

Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно, также сказать, третій. Конечно, это, впрочемъ, составить большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка.

Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳею Ивановной?

Дворецкій.

Ужъ Агаѳья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ.

Аннушка.

Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій.

Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышала, что будетъ камердинеръ графа Толстого, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой то княгини... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка.

Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

Дворецкій.

Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкурить обыкновеннаго бакуну¹, какой большею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой, — конечно, все это такъ; да, однакожъ, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые, хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился фореиторъ или кучеръ.

Аннушка.

Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій (съ довольною улыбкой).

Не стоитъ благодарности, сударыня! Оно конечно, не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что, впрочемъ, уже происходитъ отъ природы... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею.)

¹ Дешевый табакъ

Отрывокъ.

Комната въ домѣ Марьи Александровны.

I.

Марья Александровна (пожилыхъ лѣтъ дама) и Михайло Андреевичъ (ея сынъ).

Марья Александровна.

Слушай, Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

Миша.

Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна.

Ты долженъ служить въ военной.

Миша (вытаращивъ глаза).

Въ военной?

Марья Александровна.

Да.

Миша.

Что вы, маменька, въ военной?

Марья Александровна.

Ну, что жъ ты такъ изумился?

Миша.

Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

Марья Александровна.

Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры — ужъ это мое дѣло.

Миша.

Да что вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право, вы меня совершенно изумили такими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, что и подумать... Я, слава Богу, и толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками — совѣстно даже будетъ смотрѣть.

Марья Александровна.

Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко толстъ — скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

Миша.

Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго асессора. Я ужъ два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Марья Александровна.

Перестань, перестань! Это слово „титулярный“ тиранить мои уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку¹, просто, не могу и смотрѣть теперь!

Миша.

Но посудите, матушка, рассмотрите меня хоро-

¹ Презрительное названіе штатскихъ.

шенько и наружность мою также: меня еще въ школъ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно, чтобы и на лошади лихо ѣздилъ, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій, и талію.

Марья Александровна.

Приобрѣтешь, все приобрѣтешь. Я хочу, чтобы ты непременно служилъ; на это есть очень важная причина.

Миша.

Да какая же причина?

Марья Александровна.

Ну, ужъ причина важная.

Миша.

Все же таки скажите, какая причина,

Марья Александровна.

Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говорить и нарочно такъ, чтобы я слышала, — а я сижу третьею: передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчасъ я, — что бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?.. Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сдѣлала. Говорить: „Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все“, говорить, „mauvais genre¹, чѣмъ то не благороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, говорить, что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака“. — И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ право... я не знаю, что бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ про-

¹ Люди дурного тона.

сто дуракъ набитый: только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша.

Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?

Марья Александровна.

Да, я хочу на зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ балахъ.

Миша.

Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура ...

Марья Александровна.

Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себя треснетъ съ досады, пусть побѣситя.

Миша.

Однакожь ...

Марья Александровна.

О, я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непременно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себя хотите, Наталья Андреевна!

Миша.

Да развѣ этимъ вы ей досадите?

Марья Александровна.

О, ужъ этого то не позволю!

Миша.

Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

Марья Александровна.

Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша.

За однимъ разомъ и переимѣнить службу, и женить?

Марья Александровна.

Что жъ? Какъ будто нельзя и переимѣнить службу, и жениться?

Миша.

Да вѣдь я и намѣренья еще не имѣлъ. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна.

Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

Миша.

Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна.

Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато во все не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

Миша.

Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, нужно, чтобы душа ...

Марья Александровна.

Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ то, а тебѣ совсѣмъ неидетъ.

Миша.

Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ? Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать, — и я ѣду, не показывая даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потеряться въ передней такого то — и я трусь въ передней такого то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ — и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу — и я перемѣняю службу: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе...

Марья Александровна.

Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либераль! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

Миша.

Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что вы хотите. Но тутъ

онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія.

Марья Александровна.

Ахъ, Боже мой, какой ужасный человекъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели — какой гнусный, какой гнусный человекъ! Еслибъ ты зналъ, что такое онъ разнесъ про меня! . . я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подають сальные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозничьихъ хомутахъ . . . Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣнье подкрѣпила меня.

Миша.

И этакой человекъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю? . .

Марья Александровна.

Я сказала, чтобы онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ *déclaration*¹ сегодня же.

Миша.

Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать?

Марья Александровна.

Какъ нельзя? это почему?

Миша (въ сторону).

Ну, рѣшительная минута! . . (Вслухъ.) Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье моей будущей жиз-

¹ Объясненіе.

ни. Вы не спросили еще меня ... ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна.

Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто жъ такая эта другая?

Миша.

Ахъ, маменька! клянусь, никогда еще не было подобной — ангелъ, ангелъ и лицомъ, и душою.

Марья Александровна.

Да чьихъ она, кто отецъ ея?

Миша.

Отецъ — Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна.

Одосимовъ! Фамилія неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова ... Да что онъ, богатый человекъ?

Миша.

Рѣдкій человекъ! удивительный человекъ!

Марья Александровна.

И богатый?

Миша.

Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобъ вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

Марья Александровна.

Да что онъ, какъ? въ чемъ состоитъ его чинъ, имущество?

Миша.

Я понимаю, маменька, чего вы хотите! Позвольте мнѣ на этотъ счетъ сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, кото-

рый бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться на счетъ женина приданаго. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе, — словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты и, можетъ быть, несправедливы бы были родители, еслибъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ — что жъ будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣтъ шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери.

Марья Александровна.

Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ быть, Богъ знаетъ, чѣмъ занимается.

Миша.

Матушка!..

Марья Александровна.

Отецъ — пьяница, мать — стряпуха, родня — кварташки или служащіе по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни!.. Нѣтъ, я не переживу этого!

Миша.

Но, матушка, позвольте ...

Марья Александровна.

Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! (Вскрикиваетъ.) Ахъ, въ боку колика!.. Машка, Машка, стклянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

Миша (бросаясь).

Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна.

И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонять до сихъ поръ эту чуму.

Лакей (въ дверяхъ).

Собачкинъ пріѣхалъ.

Марья Александровна.

Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было!

II.

Тѣ же и Собачкинъ.

Собачкинъ.

Марья Александровна, извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться; право, зналъ... (Увидя Мишу.) Здравствуй, братъ! Какъ ты?

Марья Александровна (въ сторону).

У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

Собачкинъ.

Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣ-

жи и здоровы! А братца вашего какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у васъ.

Марья Александровна.

Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ (усмѣхаясь).

Я пріѣхалъ рассказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

Марья Александровна.

Я не охотница до анекдотовъ.

Собачкинъ.

Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

Марья Александровна.

Какъ, объ Губомазовой?... (Стараясь скрыть любопытство.) Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

Собачкинъ.

На-дняхъ.

Марья Александровна.

Что жъ такое?

Собачкинъ.

Знаете ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвочъ?

Марья Александровна.

Нѣтъ! что вы говорите? Ахъ, какой срамъ! Можно ли это?

Собачкинъ.

Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же рассказать. Одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка за чѣмъ то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ

Наталья Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и выскла мужа.

Марья Александровна

(всплѣснувъ руками).

Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ.

Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: „Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учить ихъ по-англійски!“ Какое воспитанье! сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!... Какъ мнѣ жалъ, право, что я не могу пробить у васъ подолѣе. (Раскланивается.)

Марья Александровна.

Куда жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома: останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое о чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается каретникъ; пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. (Миша уходитъ.)

Марья Александровна.

Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Собачкинъ.

Одосимовъ?... Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

Марья Александровна.

Пожалуйста.

Собачкинъ.

Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть.

Марья Александровна.

Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

Собачкинъ.

Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

Марья Александровна.

Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

Собачкинъ.

Бредитъ? А, однакожъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да, впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

Марья Александровна.

Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ.

Хе-хе-хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на Масляной шесть купчихъ... можетъ быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрѣлъ! Да вотъ еще лучше:

вы знаете того, какъ бишь его, Ермолай, Ермолай... Ахъ, Боже, Ермолай, вотъ что жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

Марья Александровна.

Не знаю тамъ никого.

Собачкинъ.

Ахъ, Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію... Ну, да вы знаете ее — Сильфида Петровна.

Марья Александровна.

Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкинъ.

Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

Марья Александровна.

Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкинъ.

Да вы послѣ припомните. Дочь — богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбарный билетъ въ руки.

Марья Александровна.

Что жъ вы? не женились?

Собачкинъ.

Не женился. Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырь сидитъ.

Марья Александровна.

Почему жъ вы не женились?

Собачкинъ.

Да такъ какъ то. Думаю себѣ: отецъ — откупщикъ, родня — что ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побори, право, какъ устроенъ свѣтъ: все условія да приличія. Сколькихъ людей уже погубили!

Марья Александровна.

Ну, да что же вамъ смотрѣть на свѣтъ? (Въ сторону.) Прошу покорно! Теперь всякая чуть выльзшая козявка ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говорить!

Собачкинъ.

Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, все какъ то... Ну, понимаете... станутъ говорить: „Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ...“ Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну что ты прикажешь дѣлать? (Говорить тихо.) Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ, — я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію... Да, любить; а вѣдь за что бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна.

Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

Собачкинъ (усмѣхается).

А вѣдь вообразите, что, еще какъ былъ мальчишкой, ни одна бывало не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: „Плутиска, какъ хорошъ!“

Марья Александровна (въ сторону).

Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты

тоже — вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. (Вслухъ.) Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностью можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что называется, немножко замарать... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія, и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ.

Марья Александровна, сойдетъ! Не спорьте, сойдетъ: я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія бывали исторіи... Вотъ еще на дняхъ...

Марья Александровна.

Ну, какъ бы то ни было, сойдетъ, или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ.

До вашего сына?

Марья Александровна.

Да, до моего сына.

Собачкинъ.

Да.

Марья Александровна.

Что — да?

Собачкинъ.

Ничего, я такъ сказалъ: да.

Марья Александровна.

Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ.

О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ что такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какимъ-нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна.

О! Насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до этого.

Собачкинъ.

Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, еслибы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей Богу, съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете, Богъ знаетъ что, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Что прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна (въ сторону).

Что съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаетъ, а не дашь — распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говорить: позабылъ книжку! Книжка то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего дѣлать, нужно дать. (Вслухъ.) Извольте, Андрей Кондратьевичъ! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

Собачкинъ.

Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна

(уходя, въ сторону).

Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ (одинъ).

Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно, раскричится, ну, да что жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Юхима¹ только что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ я могу ее и весьма вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ нужно подумать о порученьи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да, впрочемъ, что жъ? надаешь вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если что — въ спальню Марьи Александровны, и прямо подъ кровать, и пусть ка онъ оттуда меня вытащить!

¹ Знаменитый каретникъ того времени.

Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то есть, просто хотъ зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо — просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что: у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ писанныя — выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто ея написать другую. Что жъ, чѣмъ же это не хорошо? право! Пошарить въ карманѣ, можетъ быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. (Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ.) Ну, хотъ бы это напрімѣръ. (Читаетъ.) „Я очинь слава Богу здорова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ пазабыли. Иванъ Даниловичъ виделъ васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора“. Чортъ возьми! кажется, правописанья нѣтъ. Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь. (Продолжаетъ.) „Я для васъ душинька вышила подвязку“. Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что то буколическаго¹ много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? (Развертываетъ другое и прищуриваетъ глазъ, стараясь разобрать.) „Лю-без-ный другъ!“ Нѣтъ, это, однакожъ, не любезный другъ; что же однакожъ? „Нѣжнѣйшій, дражайшій?“ Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. (Читаетъ.) „Ме, ме, е... рзавецъ“. Хм! (Сжимаетъ губы.) „Если ты, коварный оболъститель моей невинности, не отдашь задолженные мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа (последнее слово читаетъ почти сквозь зубы) ... то я тебя въ полицію“. Чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что! Вотъ, ужъ именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но

¹ Идиллическаго.

можно сказать благопристойно, выраженьями такими, которыя бы не оскорбляли челоуѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ то не то... совсѣмъ не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы виденъ кипятокъ, — кипятокъ, что называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. (Читаетъ.) „Жестокій тиранъ души моей!“ А, это что то хорошее однакожъ, „Тронься сердечной моей участью!“ И преблагородно! ей Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитанье! Ужъ по началу видно, кто какъ себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и челоуѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе ужъ и читать не нужно; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣтно. (Смотритъ на подпись.) Э, э! вотъ хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! это и подписать. Каково обдѣлалось дѣльцо само собою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбились бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя писемъ, не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. (Подходя къ зеркалу.) Еще сегодня какъ то опустился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона¹. Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно, вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ — сукномъ обшить, или выбрить все голъемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

¹ Полководецъ (конца XVIII — начала XIX в.).

Театральный разъездъ

послѣ представленія новой комедіи.

(Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлерей; посрединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ; съ другой стороны — выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій.)

Авторъ піесы¹ (выходя).

Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ, наконецъ, и крики, и рукоплесканья! Весь театръ гремитъ!... Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилося назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце! какъ бы вострепелось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзномысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь, наконецъ, что рукоплесканья еще немного значать и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли — всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли

¹ Само собою разумѣется, что авторъ піесы — лицо идеальное: въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ, — комика, избравшаго предметомъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей.

ноги, или руки перевертываютъ стаканы — все покрывается равными плесками. Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлерей, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнъ и впечатлѣнъ, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель уже имѣетъ право, всякаго званья человекъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мной, пусть недоброжелательство править устами его, пристрастье, негодованье, ненависть — все, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ быть причины произнестись слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой піесѣ: человекъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. (Отходить въ сторону. Показывается нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говорить, обращаясь къ другому.) Выйдемъ лучше теперь: играть будетъ незначительный водевиль. (Оба уходятъ.)

Два comme il faut, плотнаго свойства, сходятъ съ лѣстницы.

Первый comme il faut.

Хорошо, еслибы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut.

Нѣтъ, а очень недурна.

Первый comme il faut.

Да, недурна; но все чего то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ подали свѣжій зеленый горохъ (цѣлуетъ концы пальцевъ) — прелесть! (Уходятъ оба.)

Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку.

Другой офицеръ.

Да останемся.

Первый офицеръ.

Нѣтъ, братъ, на водевилъ и калачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пѣсы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины — уродъ на уродѣ. (Уходитъ.)

Свѣтскій человѣкъ, щеголевато одѣтый

(сходя съ лѣстницы).

Плутъ портной, претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу долговъ. (Уходитъ.)

Тоже свѣтскій человѣкъ, поплотнѣе

(говорить съ живостью другому).

Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полтора ста рублей робертъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринокъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ пѣсы (про себя).

И все еще никто ни слова о комедіи.

Чиновникъ среднихъ лѣтъ

(выходя съ растопыренными руками).

Это, просто, чортъ знаетъ что такое!... Этакое!... этакое!... Это ни на что не похоже. (Ушелъ.)

Господинъ, нѣсколько беззаботный насчетъ литературы (обращаясь къ другому).

Вѣдь это, однакожъ, кажется, переводъ?

Другой.

Помилуйте, что за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

Господинъ, беззаботный насчетъ литературы.

Я помню однакожъ, было что то на французскомъ, не совсѣмъ въ этомъ родѣ. (Оба уходятъ.)

Одинъ изъ двухъ зрителей,

тоже выходящихъ вонъ.

Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекешы (одна другой).

Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша

(дѣлая значительныя движенія губами).

Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ... (Утвердительно сжимая губами.) Да, да! (Уходятъ.)

Авторъ (про себя).

Ну, эти пока еще не много сказали. Толки однакоже будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

Два офицера.

Одинъ.

Я еще никогда такъ не смѣялся.

Другой.

Я полагаю : отличная комедія.

Первый.

Ну, нѣтъ, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ : нужно подвергнуть суду критики...
Смотри, смотри ! (Толкаетъ его подъ руку.)

Второй.

Что ?

Первый

(указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ съ лѣстницы).

Литераторъ !

Второй (торопливо).

Который ?

Первый.

Вотъ этотъ. Чш ! послушаемъ, что будутъ говорить.

Второй.

А другой кто съ нимъ ?

Первый.

Не знаю : неизвѣстно, какой человѣкъ.

(Оба офицера стараются и даютъ имъ мѣсто.)

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Я не могу судить относительно литературнаго достоинства ; но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ.

Помилуйте, что жъ тутъ остроумнаго ? Что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ ? Шутки самыя плоскія ; просто, даже сально !

Неизвѣстно какой человѣкъ.

А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что пѣса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литераторъ.

Да и не смѣшна. Помилуйте, что жъ тутъ смѣшного и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ.

Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нѣтъ! Ну, что за разговорный языкъ? Кто говорить этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей — это правда.

Литераторъ.

Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человѣкъ.

Кто жъ хвалить? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что пѣса — вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя же этого узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи. (Оба уходятъ.)

Еще литераторъ

(входитъ въ сопровожденіи слушателей, которымъ говоритъ, размахивая руками).

Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная піеса! грязная, грязная піеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все — карикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь все это вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а піеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею — Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захваливаютъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. (Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями.)

Оба офицера

(подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста).

Первый.

Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

Второй.

Да вѣдь ты жъ говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

Первый.

А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь,

тебѣ нужно растолковать. Тутъ что въ этой піесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенія рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ позади.

Одинъ (другому).

Кто это разсуждаетъ? Кажется, изъ вашихъ?

Другой,

заглянувъ сбоку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.

Первый.

Что? глупъ?

Второй.

Нѣтъ, не то, чтобы. У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего. — Но, однакожь пойдѣмъ. (Уходятъ.)

Два любителя искусствъ.

Первый.

Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дѣло, что такія слова большею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостиныхъ, и допускаются только въ переднія. Но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ піесѣ, точно, нѣтъ завязки.

Второй.

Да, если принимать завязку въ томъ духѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то есть въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ взглянуть пристально вокругъ. Все измѣнилось давно

въ свѣтъ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженіе, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

Первый.

Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ піесѣ завязки.

Второй.

Я не буду теперь утверждать, есть ли въ піесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна взяться сама собою, всей своей массой, въ одинъ большой общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой: теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый.

Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими.

Второй.

Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но править піесою идея, мысль: безъ нея нѣтъ въ

ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

Первый.

Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое то значеніе болѣе всеобщее.

Второй.

Да развѣ не есть это ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій

(подходя и ударивъ слегка его по плечу).

Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй.

Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ.

Третій.

Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

Второй.

Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ всѣ, до малѣйшей, излучины души подлаго и безчестнаго человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная, и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (подходя).

Чтò можетъ послужить прекрасному и о чемъ у васъ толки?

Первый.

Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что вы скажете?

Четвертый.

А вотъ что скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшнаго, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей піесѣ чего то нѣтъ. Какъ то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развяжется ни одна комедія.

Третій.

Это правда. А, впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ

насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть, не мудрено, что это отражается въ созданьяхъ нашихъ писателей.

Четвертый.

Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна; но смѣшно то, что піеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непременно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

Второй.

Ну, видите: стало быть, это уже что то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть, это уже составляетъ какой то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена какая то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало призванье свое — быть представителемъ Провидѣнья на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

Пятый.

Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово „правительство“. Комедія возбудила крики и толки...

Второй.

Поговоримте лучше объ этихъ толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. (Уходятъ.)

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей появляются одинъ за другимъ.

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему выводить это? — вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза

отъ нихъ? — вотъ что разрѣшите мнѣ! Что мнѣ нужды знать, что въ такомъ то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представлений. (Уходить.)

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россією — вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выставляютъ дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бываютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое правительство. Просто, даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представлений. (Уходить.)

Входятъ господинъ А. и господинъ Б., люди не маловажныхъ чиновъ.

Господинъ А.

Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленія намъ нужно показывать; нужно, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ черезчуръ разгорячившихся патриотовъ; но только мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго...

Господинъ Б.

Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услышали замѣчаніе одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ возлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А.

Кто?

Господинъ Б.

Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. (Обращаясь къ нему.) Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

А я, признаюсь, очень радъ продолжать его.

Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ правительствомъ, надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю піесу, и, признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй. Въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска. И послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія?“

Господинъ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? (Посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ.)

Синій армякъ сѣрому.

Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! (Оба выходятъ вонъ.)

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А.

Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: „Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!“ Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черплетъ ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получить болѣе вѣры въ правительство? Да для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдѣлитъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: „народъ получить дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ“. То есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, — глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный

человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенья и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Господинъ А.

Но неужели, однакожь, существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ запросъ: „Неужели существуютъ такіе люди?“ Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: „Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?“ Никогда, никогда! Да вотъ что, — я буду съ вами говорить прямо-душно, — у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но еслибы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ было нужно, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся?

Господинъ А.

(послѣ нѣкотораго молчанія).

Признаюсь, надъ словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представляю себѣ, какъ гор-

дыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, а о дурномъ говорить вѣчно въ третьемъ лицѣ, — то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ... Но простите мою нескромность, — вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами, — позвольте узнать: съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

А я ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

Господинъ Б.

Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается скрытою или покровствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укусятъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правитель-

ство, которое позволить показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

Господинъ А.

Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору піесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Піеса понравилась — хвали ее, а онъ — онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Богъ вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. „Помилуйте“, говоритъ, „я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей, — какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?“ Нѣтъ, по мнѣ, кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія — не вѣрю я его благородству; не стоитъ гроша его мышиное благородство.

Господинъ А.

По крайней мѣрѣ, вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Очень скромно одѣтый человекъ.

Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человекѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы всякій государь былъ окруженъ такими людьми! (Поспѣшно уходитъ.)

Господинъ А.

(переворачивая въ рукахъ карточку).

Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ то полно становится на душѣ моей. Это въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранить тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоёмъ, скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ семъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. (Уходитъ.)

Господинъ В.

(подходя къ господину В.)

Кто это былъ съ вами? Кажется, онъ министръ — а?

Господинъ П.

(подходя съ другой стороны).

Помилуй, братецъ, ну, что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?..

Господинъ Б.

Что?

Господинъ П.

Ну, да какъ же выводить это?

Господинъ Б.

Почему же нѣтъ?

Господинъ П.

Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право? Все пороки, да пороки; ну, какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

Господинъ Б.

Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ П.

Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженіе... вѣдь чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

Господинъ Б.

Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Господинъ В.

Но позвольте, однакоже, замѣтить: все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П.

Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется.

Теперь, напрімѣръ, вывести какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй, вывести... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...

Господинъ Б.

Ну, такъ что жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Господинъ П.

Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

Господинъ В.

Чѣмъ выставлать дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б.

Зачѣмъ? странный вопросъ: „зачѣмъ?“ Много можно сдѣлать этакихъ „зачѣмъ“. Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В.

Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ П.

Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ Б.

Еслибы слова эти были сказаны къмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемеріе, а не истинная любовь къ отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, залѣчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣсть онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лѣченіе поздно. До того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно проходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усыпленія свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. (Уходитъ.)

Господинъ П.

(послѣ нѣкотораго молчанія).

Что жъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорилъ, а?

Господинъ В. молчать.

Господинъ П. (продолжая).

Онъ можетъ себѣ говорить, что ему угодно, а вѣдь это все-таки наши, такъ сказать, раны.

Господинъ В. (въ сторону).

Ну, попались ему на языкъ эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Господинъ П.

Этакъ, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да вѣдь что жъ изъ этого? А вотъ князь Н. Послушай, князь, не уходи!

Князь Н.

А что?

Господинъ П.

Ну, потолкуемъ, остановись! Ну, что, какъ пѣса?

Князь Н.

Да смѣшна.

Господинъ П.

Но, однакожъ, скажи: какъ это представлять? на что это похоже...

Князь Н.

Почему жъ не представлять?

Господинъ П.

Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это. вдругъ на сценѣ плутъ — вѣдь это все наши раны.

Князь Н.

Какія раны?

Господинъ П.

Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь (съ досадою).

Возьми ихъ себѣ! Пусть онѣ будутъ твои, а не мой раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ пора домой. (Уходитъ.)

Господинъ П. (продолжая).

И потомъ опять, что за чепуху онъ нагово-

рилъ здѣсь? Говорить: дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

Господинъ В.

Однакожъ, пойдѣмъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. (Въ сторону.) Есть люди, которые имѣютъ искусство все охаять. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать ее такъ пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ быть, такъ и проскользнула незамѣченной — нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непременно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право: точно въ грязь посадилъ. (Уходить.)

Военный и статскій выходятъ вмѣстѣ.

Статскій.

Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите: „это нужно выводить на сцену“; вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь штатскимъ чиновникомъ; а затронъ какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ то полку офицеры, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками — да вы изъ-за одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

Военный.

Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкишоты, но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званье. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякій день готовы смотрѣть.

Статскій (въ сторону).

Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: „подавайте! подавайте!“ а подашь — такъ и разсердится. (Уходятъ.)

Двѣ бекешы.

Первая бекеша.

У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватываетъ со стола салатникъ и ставитъ его подъ кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь — ну, что это, право? — какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ, — ну, что это, право? на что это похоже?

Другая бекеша.

У французовъ другое дѣло. Тамъ *société, mon cher!*¹ У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это большею частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже ходилъ въ гости одинъ какой то сочинитель: гдѣ жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? (Уходятъ.)

Свѣтская дама

(въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другого въ мундирѣ).

Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблу-

¹ Общество, мой милый.

ждалась, которая бы даже измѣнила мужу, преда-
лась, положимъ, самой порочной и непозволенной
любви; но представьте это увлекательно, такъ,
чтобы я побуждена была къ ней участіемъ, чтобы
я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица — одинъ
отвратительнѣй другого.

Мужчина въ мундирѣ.

Да, тривіально, тривіально.

Свѣтская дама.

Скажите: отчего у насъ въ Россіи все еще такъ
тривіально?

Мужчина во фракѣ.

Душа моя, послѣ расскажешь, отчего тривіально:
кричатъ нашу карету. (Уходятъ.)

Выходятъ трое мужчинъ вмѣстѣ.

Первый.

Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но
что за предметъ для насмѣшки — злоупотребленія
и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!

Второй.

Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ
добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

Первый.

Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой
милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается
правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предме-
товъ, о чѣмъ можно писать?

Второй.

Какіе же другіе предметы?

Первый.

Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣт-
скихъ случаевъ? Ну, положимъ, на примѣръ, я

отправился на гулянье на Аптекарскій островъ, а кучерь меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

Второй.

То есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Третій.

Ну, нѣтъ, послушайте: это не то. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня.

Второй

(про себя, съ горькой усмѣшкой).

Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, надъ тѣмъ, что составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ — всѣ закричатъ: „онъ смѣется надъ святыней“.

Первый.

Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но, просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. (Уходитъ.)

Второй (про себя).

Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери мало-важные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить: „Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли“; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль — будутъ говорить: „Не его дѣло, пиши пустяки!“ (Уходитъ.)

Молодая дама большого свѣта въ сопровожденіи мужа.

Мужъ.

Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

Господинъ Н. (подходя къ дамѣ).

Что вижу! Вы пріѣхали смотрѣть русскую пьесу!

Молодая дама.

Что жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не патріотка?

Господинъ Н.

Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните пьесу?

Молодая дама.

Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смѣялась отъ души.

Господинъ Н.

Отчего жъ вы смѣялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, что русское?

Молодая дама.

Оттого, что, просто, было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ, — она была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

Господинъ Н.

Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но что при всемъ томъ піеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

Молодая дама.

Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы, и я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, что есть иныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже молодая дама съ мужемъ.

Господинъ Н.

А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. (Обѣ дамы подають другъ другу руки.)

Первая дама.

Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

Вторая дама.

Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

Господинъ Н.

А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вторая дама.

Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю, все это очень вѣрно; я сама тоже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Господинъ Н.

Стало быть, комедія вамъ не понравилась?

Вторая дама.

Ну, послушайте, кто жъ это говорить? Я вамъ говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и

больше даже, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

Господинъ Н.

Говорите, говорите!

Вторая дама.

Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просить, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы.

А вотъ же этого именно и не советуйте. Дамамъ хочется непременно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

Вторая дама.

Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ то принадлежитъ это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть, и все, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господинъ Н.

Ну, скажите же, кто это былъ?

Вторая дама.

Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ: я слы-

шала безпрестанно, какъ около насъ кричали: „Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить? Да что скажетъ народъ?“ А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ, чтобы произвести шумъ, чтобы запретили піесу, потому что въ ней, можетъ быть, отыскали кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ первой дамы.

О! да у васъ ужъ начинается маленькая злость!

Вторая дама.

Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами.

Мужъ первой дамы.

Ну, да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ черезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вторая дама.

Извините.

Мужъ первой дамы.

Натурально: женщинѣ что нужно? — Ей непременно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вторая дама.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти разъ готова говорить: нѣтъ! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемѣрить, гдѣ

лицемѣрите вы, не можете смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ, — потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, какъ вы ни скрываете и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ первой дамы.

Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая дама.

Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ первой дамы.

Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу ручку! Я пошутилъ.

Вторая дама.

Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. (Обращаясь къ г-ну N.) Послушайте, посоветуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

Господинъ N.

Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, а этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вторая дама.

Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Господинъ N.

Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вторая дама.

Просто, скажите лучше, что у автора вашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

Господинъ Н.

Отчего жъ такъ?

Вторая дама.

Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

Господинъ Н.

Вотъ хорошо! Стало быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вторая дама.

Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубокой души.

Мужъ второй дамы.

Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама.

Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господинъ Н.

Стало быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка?

Вторая дама.

О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ первой дамы

(обращаясь къ господину N.).

Ну, развѣ ты не видишь — выходитъ опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вторая дама.

Молчите, я опять буду зла. (Обращаясь къ господину N.) Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непременно должна быть холодная?

Мужъ второй дамы.

Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вторая дама.

Ну, или раздражительная. Но что же это значить? — Это значить, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Господинъ N.

Это правда.

Вторая дама.

Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Господинъ N.

Какъ вамъ сказать? Я не знаю такъ коротко его, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что я о немъ слышалъ, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вторая дама.

Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама.

Не знаю, почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ первой дамы.

А вотъ идетъ нашъ лакей, стало быть, карета готова. Прощайте. (Пожимая руку второй дамы.) Вы къ намъ, не правда ли? Чай пьемъ у насъ?

Первая дама (уходя).

Пожалуйста!

Вторая дама.

Непремѣнно.

Мужъ второй дамы.

Кажется, наша карета тоже готова. (Уходить за ними.)

Выходятъ двое зрителей.

Первый.

Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй.

Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, что говоритъ пословица: „не душой худъ, а просто плутъ“.

Первый.

И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество — не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество.

которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй.

Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія во все не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вставилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежать имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это — сборное мѣсто: отовсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ — произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многого кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганье. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на-стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: „зачѣмъ лица и герои его не привлекательны“, тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да еслибы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы

на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, быть можетъ, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія; зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: „Неужели существуютъ такіе люди?“

Первый.

Да. Ну, это, однакоже, не вдругъ поймутъ.

Второй.

Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданья. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ — не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. (Уходятъ.)

Одинъ чиновникъ.

Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновникъ.

Теперь, значить, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ, — его, значить, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка.

Вѣгутъ двое молодыхъ людей.

Одинъ.

Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько наслы-

шался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о піесѣ.

Другой.

Ну, что думаетъ вотъ этотъ?

Первый.

Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой.

Да.

Первый.

Вотъ, что онъ думаетъ: „За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..“ Однакожь, тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! (Оба уходятъ.)

Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе долгополые кафтаны купцовъ, треугольныя шляпы и султаны, шинели всѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія — съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающего въ рукава шинель; господинъ посторанивается и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ ливреяхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ:

„Батюшки, припихнули со всѣхъ сторонъ!“

Молоденькій чиновникъ уклончиваго свойства

(подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель).

Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели.

А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Молоденькій чиновникъ.

Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

Господинъ въ шинели.

Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго!

Молоденькій чиновникъ.

Это правда, ваше превосходительство: совсѣмъ ничего нѣтъ.

Господинъ въ шинели.

За этакія вещи нужно сѣчь, а не хвалить.

Молоденькій чиновникъ.

Это правда, ваше превосходительство!

Господинъ въ шинели.

Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

Молоденькій чиновникъ.

Какъ можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! (Народу, толкая того и другого.) Эй, вы, посторонитесь, генераль идетъ! (Подходя съ необыкновенною учтивостію къ двумъ щегольски одѣтымъ.) Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, постораниваясь и давая дорогу.

Первый.

Не знаешь, какой генераль? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства

(подхватывая сзади).

Просто, статскій совѣтникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3,000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ комиссіи, да еще по департаменту

Господа хорошо одѣтые (одинъ другому).

Уйдемъ! (Уходятъ.)

Чиновникъ разговорчиваго свойства.

Должны быть матушкины сынки. Чай, въ иностранной коллегіи служить. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. (Уходитъ.)

Голосъ изъ толпы.

Экъ народу навалило!

Офицеръ

(пробираясь съ дамой подъ-руку).

Эй, вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь — дама?

Купецъ (съ дамой подъ-руку).

У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы.

Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

Разные голоса.

Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи. — Подлая, скверная піеса! — Забавная піеска! — Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы.

Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ острову.

Голосъ въ другомъ концѣ.

Ну, вотъ точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ самъ тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Голосъ купца.

Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больше,

такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бывають, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ господина поощрительнаго свойства.

Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Голосъ сердитаго чниовника, но, какъ видно, опытнаго.

Что онъ знаетъ? — чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все — враки. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то...

Голосъ другого чниовника изъ толпы.

Да что вы говорите: „смѣшно, смѣшно!“ знаете ли, отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это онъ все вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно.

Неизвѣстный голосъ.

Стой, украли платокъ!

Два офицера, узнавшіе другъ друга, переговариваются черезъ толпу.

Первый.

Мишель, ты туда?

Второй.

Туда.

Первый.

Ну, и я тамъ.

Чиновникъ важной наружности.

Я бы все запретилъ. Ничего не нужно печа-

татъ. Просвѣщенъемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно.

Голосъ въ народѣ.

Что жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

Красивый и плотный господинъ

(говорить съ жаромъ невзрачному и низенькому).

Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что главное!

Господинъ низенькій и невзрачный, но ядовитаго свойства.

Да вѣдь нравственность — вещь относительная.

Красивый и плотный господинъ.

Что вы разумѣете подъ именемъ „относительная“?

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ.

То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братіи своимъ подчиненнымъ? — Свысока говорить: „Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества“, а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?

Красивый и плотный господинъ

(въ сторону).

Скверенъ, какъ чортъ, а языкъ, какъ у змѣи.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ

(толкая подъ руку вовсе незнакомаго ему человѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина).

Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ возлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ (уходя поспѣшно).

Извините, я не дослышалъ.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ

(толкая подъ руку незнакомаго сосѣда).

Глухота то какъ нынче распространилась въ городѣ, а? Вотъ что значитъ нездоровый и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ.

Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ.

Да и гриппъ, и глухота; свинка тоже въ горлѣ.
(Пропадаетъ въ толпѣ.)

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый.

А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы

(подхватывая рѣчь).

Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстополо-

женіе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая то особенная черта писателя?

Господинъ положительнаго свойства.

Авторъ долженъ быть умный человѣкъ.

Господинъ отрицательнаго свойства.

Ничуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали со службы: просьбы не умѣлъ написать.

Просто враль.

Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста долго не давали, такъ что жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ! — Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ началъ: „милостивый государь!“ А потомъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отваялъ кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: „Ну“, говоритъ, „благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!“ И прямо изъ писцовъ махнулъ онъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства

(обращаясь къ другому человѣку хладнокровнаго свойства).

Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства.

Да вѣдь это все говорится экспромтомъ.

Господинъ добродушнаго свойства.

Какъ экспромтомъ?

Господинъ хладнокровный.

Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ

вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ — возвращается домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ — и пошелъ передавать ее по городу всѣмъ.

Господинъ добродушный.

Это, однакоже, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Господинъ хладнокровный.

Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считают уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

Дама средняго свѣта.

Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза: этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

Господинъ съ вѣсомъ.

Я не знаю, что это за человѣкъ. Это, это, это ... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ: такой то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

Второй господинъ.

Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значить разрушить всякое уваженіе — вотъ что это значить. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибѣтъ на улицѣ, скажетъ: „Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрепина!“ Вѣдь это вотъ что значить.

Третій господинъ.

Еще бы! Это сурьезная вещь! Говорять: „бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе“. Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылають. Да еслибы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется группа людей, Богъ вѣсть, какого свойства, впрочемъ, благородной наружности и прилично одѣтыхъ.

Первый.

Постойте лучше здѣсь, покамѣсть выйдетъ толпа. Ну, что это, право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ что! Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная пѣса, и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора — ну, что это такое!

Второй.

Однакожь, пѣса повеселила, развлекла.

Первый.

Ну, да, повеселила, какъ обыкновенно веселить всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? Разсуждаютъ, какъ будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ ... Ну, что это такое? Ну, я понимаю, еслибы какая-нибудь пѣвица или танцовщица — ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что? Кричать: „литераторъ! литераторъ! писатель!“ Да что такое писатель? Что иной разъ попадетъ остроумное словцо, да спишетъ кое-что съ натуры ... Да что же здѣсь за трудъ? Что жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки — и больше ничего.

Второй.

Да, конечно, вещь не важная.

Первый.

Разсудите : ну, танцоръ, напрымѣръ : тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаеть. Ну, захоти я, напрымѣръ : да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша — не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ : его откуда то, кажется, выгнали.

Второй.

Но, однакожъ, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать : безъ этого нельзя писать.

Первый.

Да помилуйте, что жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ : пустѣйшій человекъ! Это всему свѣту извѣстно — ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

Второй.

Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый.

Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, еслибы еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это вся-

кій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается — вотъ и вся штука!

Третій.

Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый.

Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожь, народъ выходитъ, пойдемте! Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки! пустяки! побасенки! (Уходятъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе оставшіе.)

Добродушный чиновникъ.

А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты, да плуты!

Одинъ изъ народа.

Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ (смотря на часы).

Однако, скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. (Уходитъ.)

Отставшій чиновникъ.

Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ! (Уходитъ. Сѣни пустѣютъ.)

Авторъ пьесы (выходя).

Я слышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и мнѣнье, гдѣ вся-

кій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ семъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ семъ высокомъ самоотверженіи забывшагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ, вѣрномъ чутьѣ народа. Какъ даже въ сихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику! Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, — прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ, — не тотъ смѣхъ, который поражается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей; — но тотъ смѣхъ, который весь излѣтаетъ изъ свѣтлой природы человека, — излѣтаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы

такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?“ тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиренье въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: „что смѣшно, то низко“, говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названье высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что ни творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданья Шекспира для нихъ побасенки; святыя движенія души — для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбье писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданья были

сейчасъ названы побасенками, — нѣтъ, я вижу свои пороки и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ, когда всѣ свѣтила и звѣзды міра признавались творцами однихъ пустяковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижимымъ холодомъ души своей и безплодной пустынѣй сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: „побасенки!“ Побасенки!.. А вонъ протекли вѣки, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемяютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки!.. А вонъ стонутъ балконы и перила театровъ: все потряслось снизу доверху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремѣть дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку — и брызнули вдругъ освѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и просить вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ

побасенокъ. Побасенки!.. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсню и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно святы въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ. Вѣнчанный Монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышины недоступнаго престола.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, еслибы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ — какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнья и толки, но все перемалываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И, почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!..

Альфредъ.

Начало трагедіи изъ англійской исторіи.

Явленіе I.

Народъ толпится по набережной.

Одинъ изъ народа.

Ай, что ты такъ тѣснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой изъ народа.

Да посторонитесь, ради Бога!

Голосъ третій.

Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? Ну, море, вода — больше ничего. Что, не видѣлъ (развѣ) никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

Туркиль.

Ну, теперь, какъ Богъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонить ли собакъ датчанъ?

Другой.

Ты откуда, братъ?

Туркиль.

Изъ графства Гертингаль, Томсъ Туркиль, сеорль.

Другой.

Не знаю.

Туркиль.

Бѣжалъ изъ Колдингама.

Другой.

Знаю — гдѣ монахинь сожгли. Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого нехристіанства и отъ жидовъ, что распяли Христа, не было.

Женщина изъ толпы.

А что же тамъ было?

Другой.

А вотъ что. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть немного смазлива... дѣло женское... ну, понимаешь... такъ игуменья, — вотъ святая, такъ, точно, святая, — уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И какъ увидѣли эти звѣри — нѣтъ хорошихъ лицъ, то его не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

Голосъ.

Боже ты мой!

Голосъ въ толпѣ.

Эхъ, англосаксы!

Другой.

Сильный народъ, проклятый! конечно, нечистая сила.

Третій.

Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

Первый.

Что, въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

Третій.

Какъ?

Первый.

Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчой не сыщешь.

Другой.

Отъ датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякій такъ подличаетъ съ датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь сеорль, чтобы убѣжать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то ужъ лучше своему, чѣмъ чужому, — еще хуже: такъ закабалить его, что и бретонъ такого рабства не знаетъ.

Третій.

Ну, наконецъ, мы приободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало, — мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

Третій.

Отчего жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

Другой.

А гдѣ это — за моремъ?

Первый.

Въ городѣ, въ Римѣ.

Третій.

Зачѣмъ же тамъ онъ?

Первый.

Тамъ онъ обучался, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, (онъ тамъ) всему, всему, что ни есть на свѣтѣ.

Другой голосъ.

Какой городъ, ты сказалъ?

Первый.

Римъ.

Другой.

Не знаю.

Первый.

Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

Третій.

Да что это Римъ? Тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

Первый.

Ну, да. Пресвятая Дѣва! еслибы мнѣ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

Другой.

Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди ты: выше ужъ нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что, какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

Первый.

Вонъ, слышишь ли? кто то говорить, что видѣлъ папу.

Голоса народа (на другой сторонѣ).

Ты видѣлъ папу?

Брифрикъ (изъ толпы).

Видѣлъ.

Голоса народа.

Гдѣ жъ ты его видѣлъ?

Брифрикъ.

Въ самомъ Римѣ.

Голоса народа.

Ну, какъ же? Что онъ? Какой?

(Народъ сталкивается въ ту сторону.)

Голоса.

Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? Не слышали разсказовъ глупыхъ?

Брифрикъ.

Я разскажу по порядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину *hides* земли. Тогда я сказалъ себѣ: „Зачѣмъ тебѣ, Брифрикъ, сынъ Квикельма, обрабатывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести?“ Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы, если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Славный народъ! Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія жъ, какъ и у насъ, только не всѣ желѣзныя: въ одномъ мѣстѣ — смотришь — рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ есть и серебряныя. Мечъ при каждомъ; стрѣлъ нѣтъ, только копья. Топоръ больше чѣмъ въ полпуда, — о, куда больше! А желѣзо такое... *фи!* то, что у стараго Вульфинга на бердышѣ, ни къ чорту не годится!

Вульфингъ (изъ толпы).

Знай себя!

Брифрикъ.

Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а дома и храмы Божіи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье, а вотъ круглыя совсѣмъ такъ, какъ бы натянутый лукъ, и шпицовъ совсѣмъ нѣтъ. А столпы вездѣ, и такъ много и рѣзбы, и золота... великолѣпіе такое — такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь насчетъ папы скажу.

Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, нѣмецъ Арнуль, славный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ славно играетъ... „Хочешь“, говоритъ, „видѣть папу?“ — „Ну, хочу“. — „Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить“. Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ — Боже ты мой! Больше, чѣмъ здѣсь. Римлянки и римляне въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, если бы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли мальчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ (платяхъ), и какъ вышли они — такъ и ослѣпили глаза. (А ходъ то весь) для всѣхъ былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ, вотъ какъ кровь... Ей Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Еслибъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантию, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый племъ, что съ камнемъ и позолотою, который вы знаете, но еслибы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кеифусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга и еще коня въ придачу — ей Богу, отдалъ бы за эту мантию! Красная, красная, какъ огонь...

Голосъ въ народѣ.

Чортъ знаетъ что! Ты рассказывай о папѣ, а какая нужда до твоихъ мантий!

Вульфингъ (изъ толпы).

Хвастунъ! расхвастался!

Брифрикъ.

Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ — какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ

на епископовъ, только не епископы, а такъ, какъ наши таны или бароны въ рясахъ, имя не помню, шепелявое какое то имя, — то эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли, такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошелъ — такъ и ослѣпилъ глаза. На епископахъ то все серебряное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

Голосъ изъ толпы.

Бровингъ, корабль! ей Богу, корабль!

(Всѣ бросаются, Брифрикъ первый, и тѣсняются гуще около набережной.)

Голоса въ толпѣ.

Да ну, стой, ради Бога! — Задавили! — Да дайте хоть назадъ выбраться!

Голосъ женщины.

Ай, ай! косолапый медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропусти! Кто въ Христа вѣруеть, пропустите!

Брифрикъ (оборачиваясь).

Чего лѣзешь на плечи? Развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ жъ король? Гдѣ жъ корабль? Экая тѣснота!

Голосъ въ народѣ.

Да нѣтъ корабля никакого!

Голосъ изъ толпы.

Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

Голосъ въ народѣ.

Да кто же? ты говорилъ!

Голосъ изъ толпы.

И не думалъ.

Голоса въ народѣ.

Да кто же сказалъ, что король? — Джонъ Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ. — Эй, Шпингъ, зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

Шпингъ.

Ей Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

Брифрикъ.

Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

Старуха (пролѣзая впередъ).

Нашли, чего толпиться! И куды? Вѣдь никого нѣтъ.

Брифрикъ.

А, Кудредъ! Откудова, пріятель?

Кудредъ.

Изъ дому

Брифрикъ.

Короля видѣть пришелъ?

Кудредъ.

И побольше чѣмъ видѣть.

Брифрикъ.

А что еще?

Кудредъ.

Жалобу прямо самому королю.

Брифрикъ.

На кого.

Кудредъ.

На королевскаго тана Этельбальда.

Брифрикъ.

Ты шутишь, братецъ?

Кудредъ.

Нѣтъ не шучу.

Голоса въ народѣ.

Вишь, на Этельбальда жалуется! — Онъ сошелъ съ ума. — Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ. — Войска и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

Эгбертъ.

Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты и простой сеорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать.

Кисса.

Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ... А я расскажу королю, что ты жидъ, а не христіанинъ, язычникъ скверный, что никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревянный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не...

Брифрикъ.

За что жъ жалуешься?

Кудредъ.

За что? — Этельбальдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда датчане ворвались въ Вессексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что зачѣмъ ему бы обижать меня. Я общался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ, какъ только датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ благородныхъ, возить фашинникъ? А теперь, когда я отлучился

по надобности въ графство Гексганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому то; а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ песчанику за кладбищемъ. „Вотъ тебѣ“, говоритъ, „земля!“ Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный, я сеорлъ. Я, еслибъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два hudes земли, да выстроилъ церковь и домъ, — я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое преступленіе?

Брифрикъ.

Да ходилъ ли ты съ жалобою въ нашъ ширге-моть? ¹

Кудредъ.

Подлецы! всѣ держать его сторону.

Брифрикъ.

Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

Кудредъ.

Вотъ, на тебѣ бумагу, если ты прочтешь.

Брифрикъ.

Что ты? Такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь, ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и [во всемъ] Вестъ-Вессексѣ, ни одинъ ширъ, ни алдерманъ не умѣетъ писать. Вишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть А В С, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

Туркилъ (Вульфингу).

Я думаю, нѣтъ мудренѣе науки, какъ письмо.

¹ Судъ.

Вульфингъ.

Попы все-таки прочтутъ.

Брифрикъ (обращаясь къ Киссѣ).

Высокородный танъ, прочти - ка; ты, вѣрно, знаешь?

Кисса.

Поди прочь! я тебѣ не попъ.

Гунтингъ.

Давай, я прочту.

Туркиль.

Кто онъ?

Вульфингъ.

Не знаю.

Голосъ.

Это, видишь, тотъ, что былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь датчане разорили школу.

Гунтингъ (читаетъ.)

„Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герефортъ, во время царствованія Этельреда, гдѣ...“

Голосъ.

А, при покойномъ королѣ! Храбрый былъ король, всю жизнь бился съ этими мерзкими датчанами.

Гунтингъ (продолжаетъ).

„... гдѣ засѣдали: Дунстанъ, епископъ, Кеолрикъ, алдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Туркиль-косоглазый, какъ комиссары короля, засѣдали...“

Вульфингъ.

Слышишь, Туркиль? это ты!

Туркиль.

Развѣ я косоглазый?

Гунтингъ (продолжаетъ).

„... въ присутствіи Брининга, шерифа, Агельварда де-Фрома, Леофина де-Фрома чернаго, Готрига де-Штока и всѣхъ тановъ графства Герекфорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ, представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевства въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него, высокороднаго графа Этельбальда...“

Въ народѣ (крикъ и давка).

Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться? — Батюшки, батюшки, тресну! Со всѣхъ сторонъ придавили!

Высокій (болтаетъ вверху руками).

Что эти бабы лѣзутъ? Желалъ...

Брифрикъ.

Чего народъ лѣзетъ? (Продирается.)

Кто то въ толпѣ.

Да взбѣленился, просто: никого нѣтъ. Какой то дуракъ опять пронесъ, что корабль показался...

Кудредъ (кричить).

Бумагу, бумагу, бумагу дай!... Экой трусь, изорвалъ!

Кисса.

Да кто сказалъ, что король ѣдетъ?

Голоса.

Я не говорилъ. — Я не говорилъ. — Опять, вѣрно, Шпингъ.

Шпингъ.

Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не ворошилъ.

Брифрикъ.

Ей Богу, глупый народъ! Ну, что, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

Вульфингъ.

А самъ, небось, первый полѣзъ.

Брифрикъ.

Что жъ? только посмотрѣть.

Одинъ изъ народа.

Вонъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

Рыцарь (на лошади).

Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись!

Эгбертъ.

Кому дорогу?

Рыцарь.

Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу... королевскому таку Этельбальду!

Эгбертъ.

Отнеси ему эту пощечину. (Вьетъ его и убѣгаетъ.)

Рыцарь (кричить).

Мы увидимся, проклятый длиннорукій чортъ!

Вульфингъ.

Вонъ поѣхалъ графъ Эдвигъ. Видѣлъ?

Туркиль.

Видѣлъ, славное вооруженіе.

Вульфингъ.

Вонъ Этельбальдъ. Гляди, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Эхъ, какъ одѣты славно! Какія кирасы, щиты! Ей Богу, еслибъ хотѣли, побии датчанъ.

Туркиль.

Отчего жъ не хотятъ?

Вульфингъ.

А такъ; сами держать руку непріятелей.

Туркиль.

Ну, вотъ!

Вульфингъ.

Почему жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ саксоновъ и англовъ, то однихъ всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Юрка; а датчанъ всѣхъ-на-всѣхъ трехъ тысячъ не будетъ.

Туркиль.

Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя?

Вульфингъ?

Вульфингъ.

Вульфингъ.

Туркиль.

Такъ будемъ пріятелями.

Вульфингъ.

Вотъ тебѣ рука моя.

Туркиль.

Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила, — тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ — начнетъ выть, какъ волкъ. Наши всадники давно бы совладали съ ними... Народъ опять стѣснился, да и сами таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король, наконецъ, ѣдетъ.

Голосъ въ народѣ.

Ну, теперь корабль, такъ корабль!

Туркиль.

Опять пошла тѣснота.

Голоса.

Корабль съ тремя вѣтрилами! — Зачѣмъ дерешься? — Не лѣзь впередъ!

Вульфингъ.

Вотъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

Туркиль.

А что жъ не видно короля?

Вульфингъ.

Гдѣ жъ теперь его увидишь? Людей многое множество. Вонъ что то блеснуло передъ солнцемъ.

Туркиль.

Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы: вонъ какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ!

Вульфингъ.

Это долженъ быть, что блеститъ, танъ.

Туркиль.

Нѣтъ, вонъ тотъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство.

Вульфингъ.

Это все тѣ таны, что поѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

Туркиль.

Гдѣ жъ король? Вѣдь король въ коронѣ?

Вульфингъ.

Да еще не короновался.

Туркиль.

А вонъ; снялъ шляпу... Таны машутъ... Вивать, король! (Весь берегъ кричать): Вивать, король! Здравствуй, король!

(Воины вновь машутъ.)

Туркиль.

Здравствуй, король!

Народъ.

Здравствуй, король!

Всадникъ на лошади.

Разступись, народъ! (Машетъ алебардой. Народъ пьтится.
Прижатые кричатъ: Что онъ такъ кричитъ? Кто это?)

Туркиль.

Танъ Кенульфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ
Мидльсекса, славный воинъ.

(Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимся народомъ
видны только головы.)

Альфредъ (сходя съ корабля).

Здравствуйте, добрые мои подданные!

Народъ.

Здравствуй, король! Вивать!

(Король и свита поднимаются на лошадяхъ въ народъ.)

Народъ.

Вивать, вивать, король!

Альфредъ.

Благодарю, благодарю васъ, мои добрые. Я
самъ не менѣе радъ видѣть васъ и мою отцовскую
землю Англосаксію.

Эгбертъ.

Слышишь? Англосаксію! Онъ, вѣрно, не
знаетъ, что Мерси и Эстъ - Англъ ужъ не наши.
(Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ.)

Вульфингъ.

Молодецъ король — видный, рослый, лучше
всѣхъ! Какъ онъ славно выступалъ, славно...
Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ твоя
жизнь.

Эгбертъ.

Пойдемъ, посмотримъ.

Туркиль.

Постой, зачѣмъ же идти? Намъ за ними не угнаться: они на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Йоркъ.

Вульфингъ.

Отчего же не въ Лондонъ?

Туркиль.

Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все, какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и онъ поѣдетъ.

Эгбертъ (возвращаясь).

Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженіи 16 тановъ Sith, ситкундменовъ. Правда, я потерялъ много въ войну, у меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графъ Эдвингъ, Кенульфъ, не говоря ужъ о собакѣ Этельбалдѣ, молокососъ сынъ его, рыжебородый Киль, — почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Киля, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ,

Кисса.

Дьяволъ ему на шею! Я радъ, по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. Датчанъ — опять за море, завоюемъ опять Эстъ-Англъ, Мерси и Нортумберландъ также: хотъ и разоренная страна, однакоже, есть добрыя земли для скота и для пашень.

Эгбертъ.

Мнѣ король понравился — добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древ-

нему саксонскому обычаю. Скажу: „Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда привожу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человекъ? — вонъ, гляди, сколько рубцовъ у меня!“ Пойдемъ, Кисса, выпьемъ его здоровье. Эй, Кудредъ! тебѣ обидно на Этельбальда. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

Кудредъ.

Ну, теперь, я думаю, король укротить немного тановъ.

Вульфингъ.

Да что жъ король? Вѣдь король не можетъ сказать тану: „Отдай такую то землю, я тебѣ приказываю“. Что скажетъ витенагемоть? ¹.

Кудредъ.

Да безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Что ни скажетъ, а все будетъ лучше. По крайней мѣрѣ, можно будетъ по дорогѣ пройти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

Вульфингъ.

Одинъ hude земли держу отъ тана.

Кудредъ.

(Платишь хлѣбомъ?)

Вульфингъ.

Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ.

Кудредъ.

Кто жъ ты?

Вульфингъ.

Пастухъ. Шестъ десятковъ овецъ и три де-

¹ Народное собраніе.

сятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если же хочешь, пришелецъ, отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ нѣ сыщешь во всемъ Вессексѣ. А завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Гляди: чего народъ опять смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голосъ въ народѣ.

Корабль, опять корабль!

Вульфингъ.

Въ самомъ дѣлѣ корабль! Что жъ это? Вѣрно, тоже королевская свита?

Туркиль.

Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсѣмъ не такъ сдѣланы. Постои, разсмотри поближе! и народъ какъ будто не такъ одѣтъ.

Одинъ изъ толпы (всплеснувъ руками).

Саксонцы! убѣжимъ, убѣжимъ!

Кудредъ.

Что такое?

Туркиль.

Морской король!

Кудредъ.

Нѣтъ, что ты?

Туркиль.

Какъ христіанинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій корабль?

Народъ.

Ай, народъ, точно — датчане! Вонъ машутъ, чтобы остались! Да, какъ бы не такъ! Бѣжимъ, друзья!

(Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ. Корабль виденъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ.)

Голосъ Губбо.

Перекидай канать.

Руальдъ (сверху).

Кормщикъ, бери ниже: тамъ мель.

(Нормандъ плыветъ съ канатомъ въ зубахъ.)

Руальдъ.

Еще ниже, еще ниже. А, народъ проклятый! весь разбѣжался. Теперь прямо. Нормандъ, хватай крюкомъ.

Нормандъ.

Стой.

Губбо (выходить съ корабля).

Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ. (Вытаскиваютъ лодку.)

Губбо.

Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью саксонцевъ, а?

Воины.

Наши конья готовы!

Руальдъ.

Не лучше ли, король мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

Губбо.

Это ты, Руальдъ, говоришь? Тебя, вѣрно, не море пеленало. За эти слова тебя стоить вышвырнуть въ море. „Какой храбрый когда спрашиваетъ о числѣ?“ говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

Руальдъ.

Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вмѣстѣ съ братомъ Гри-

муальдомъ срамили себя передъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? Развѣ платье мое на мачтѣ сушилось, а не на мнѣ?

Губбо.

Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились, други, храбраго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... наши платья, и морскія брызги насъ... Капли сыпались на лицо наше... Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Завидная участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: „А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?“ — „Ранъ 17 и 4“, отвѣчаетъ ему Гримуальдъ, „сильный воинъ“. — „Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ серебро, шерстью! Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ“. — Слушай, Стемидъ, теперь [не] время; но когда будемъ пировать на покрытыхъ пылью саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣсню? — такую, чтобы въ груди все встрепенулось — отвага, самое бѣшеное веселье, и руки схватились за рукоятки мечей. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что мы будемъ дѣлать. Англія — земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландіи и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши, жители бѣдны; но здѣсь жилища, а болѣе всего церкви очень богаты, и золота въ нихъ много. Каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалика. Мы можемъ тутъ себѣ выбрать любые мечи и

копья, и все вооруженіе. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи; и мнѣ, и вамъ: это англо-саксонскія дѣвы, бѣлизною лица, какъ наши скандинавскіе снѣга, окропленные алою кровью молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи: въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Одэнъ никогда не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные христіане. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападёмъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой.

Одинъ изъ воиновъ.

Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

Руальдъ.

Я себѣ отвоюю лучший замокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

Одинъ изъ воиновъ.

Что, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ то земля еще теплѣе?

Губбо.

Есть.

Одинъ изъ воиновъ.

И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

Губбо.

Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы совсѣмъ не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою, Элгадъ, пустимся потомъ далѣе, — скучно долго жить на одномъ мѣстѣ, — чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь всей моей сброей, приѣдемъ оттуда на

вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантия, и вся будетъ убрана дорогими каменьями; шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ приѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: „Прекрасная царевна, я король, пришелъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и приѣхалъ король Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой“.

Воины.

Вивать, король Губбо!

Губбо.

Вивать и вы, товарищи! Теперь идемъ. Вы два, Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть!...

Альфредъ

(окруженный танами и графами королевства).

Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете, съ своей стороны, мнѣ всякую помощь, разогнать варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ англосакская нація.

Графъ Эдвигъ.

Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

Графъ Этельбальдъ.

Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежитъ тебѣ, государь мой.

Сифредъ.

Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

Клеобальдъ.

Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько угодно могу собрать...

Альфредъ.

Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи я требовалъ отъ васъ, на которую, конечно, имѣю всегда право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ научить англосаксовъ, искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

(Таинъ въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, рассуждая, что это значить.)

Эдвигъ.

Какъ же, государь, ты говоришь, что англѣ и саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

Альфредъ.

Ну, противъ этого мнѣ ничего не остается говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны и думать ни о чемъ не хочетъ. Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

Эдвигъ.

Видѣлъ, государь.

Альфредъ.

Что жъ, какъ нашелъ его?

Эдвигъ.

Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ.

Альфредъ.

Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога

за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Препжнее время свое какъ сквозь сонъ помню. Вѣдь тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы[строенныя] близъ Іорка римлянами?

Эдвигъ.

Не знаю, государь, о какихъ ты римлянахъ говоришь.

Альфредъ.

Римляне — народъ, который завоевалъ Англію, и которому были подвластны бритты.

Эдвигъ.

Бритты были, это правда; а римлянъ, государь, никакихъ не было.

Альфредъ.

Ты не знаешь, потому что не читалъ. Римляне были народъ великій; они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ бриттовъ.

Эдвигъ.

Воля твоя, король, римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорили саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никого не было, — и тѣ говорятъ, что были здѣсь только бритты.

Альфредъ.

Ну, объ этомъ тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчетъ объ нынѣшнемъ положеніи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не беспокойтесь: отдохнуть я успѣю. Ты,

Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ витенагемотѣ, расскажи мнѣ подробно все.

Этельбальдъ.

Все хорошо, государь; со стороны датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Йорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности, всѣ королевскія твои латы, щиты отцовскіе и добытые покойнымъ братомъ твоимъ Этельредомъ я сохранилъ въ исправности.

Эдвигъ.

Вретъ, старый медвѣдь: лучшее копьё стянулъ себѣ.

Альфредъ.

Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя рассказать, какъ государство, въ какомъ положеніи.

Графъ Эдвигъ.

Въ гадкомъ положеніи государство; сеорлы и бретонскіе рабы ничего не выплачиваютъ, поля очень опустошены датчанами; не на что вооружить рыцаря, лошади — мерзость.

Альфредъ.

Зачѣмъ вы позволили датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англию?

Эдвигъ.

Что же дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да сильнѣе перетянула сила. Они знаютъ съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

Альфредъ.

Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному саксонцу; но вы были виновю, непокорность вассаловъ была причиною.

Сифредъ.

Еслибъ я имѣлъ землю въ Эстѣ-Англіи или Мерси, я бы защищалъ ее моею рукою и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

Альфредъ.

Да умѣли ли вы свои защитить? Отчего по всей дорогѣ, которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви? Малолюльный гирдь¹ датчанъ издѣвался надъ вами, а вы, хорошо вооруженные и христіане, могли вынести это?

Окружающіе.

Браво, король! Вотъ король! Прозорливъ, какъ горный орелъ! Такого намъ нужно короля!

Сифредъ.

Я никогда не былъ безчестнымъ и всегда готовъ, и еслибы графъ Мидльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ датчанъ: и Вессексъ, и его бы владѣнія спасъ.

Альфредъ.

И виною вы же, вы черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе; Богъ знаетъ, что такое! Всякій управляетъ, какъ ему хочется, высшему не повинуются, между собою несогласны. [Въ] государствѣ должно быть такъ, какъ въ Римской имперіи: государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

Одонъ (потупляетъ глаза).

Гм! я что-то не вполне понялъ это. Вѣдь англосакскій всякій танъ — вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

¹ Отрядъ.

Альфредъ.

Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

Одонъ.

Епископъ вессекскій убитъ во время войны съ датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

Альфредъ.

И никто не позаботился о томъ, чтобы избрать на мѣсто!

Арвальдъ.

Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо.

Альфредъ.

Будто ужъ въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвульфомъ заведена была коллегія.

Сифредъ.

Коллегіи давно ужъ нѣтъ.

Альфредъ.

Гдѣ же она?

Сифредъ.

Сожжена датчанами.

Альфредъ.

Опять датчане! Да что за бичъ такой — датчане? Или Англія состоитъ вся изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ датчане... (Входитъ вѣстникъ.) Что это за человекъ? Что ты?

Вѣстникъ.

Король!

Альфредъ.

Что?

Вѣстникъ.

Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

Король (въ изумленіи).

Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

Эдвигъ.

Я готовъ; всѣ вассалы при мнѣ, государь.

Этельбальдъ.

Для тебя, государь, все радъ принести.

Арвальдъ.

Въ одну минуту буду снаряженъ. (Уходитъ.)

Альфредъ.

Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же и вы всѣ, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанамъ!

Таны.

Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

Альфредъ.

Идемъ и сейчасъ на коней! Но прежде я хочу осмотрѣть войска ваши. Ну, король, яви теперь дѣятельность души. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенный языкъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ госу-

дарства, глядящихъ лѣснымъ (звѣремъ); а вдобавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы!
(Уходитъ.)

Цеолинъ.

Какъ мнѣ нравится король!

Эдвигъ.

Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ (а не человѣкъ).

Эдвигъ.

Что, Кедовалла, у тебя всѣ вооружены?

Кедовалла.

Всѣ.

Эдвигъ.

Что король? Вѣдь, кажется, молодецъ?

Кедовалла.

Да, кажется, храбръ; да что то такъ...

Эдвигъ.

Что?

Кедовалла.

Мудреный что то.

Дѣйствіе второе.

Альфредъ, графъ Этельбальдъ, графъ Эдвигъ, Цеолинъ и Кедовалла
(съ толпою воиновъ, входятъ на сцену).

Альфредъ.

Мнѣ еще не вѣрится, чтобы мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не болѣе, — и передъ этой шайкой не могли устоять пятнадцать тысячъ всадниковъ и цвѣтъ саксонской націи, и 90 тысячъ пѣшихъ — Что скажете вы на это, столпы этой націи, благородные таны?

Графъ Эдвигъ.

Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ своего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

Альфредъ.

Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возрастимъ гордость непріятельскую; клянусь, мы имъ дадимъ и увѣренность въ ихъ непобѣдимости — и тогда, кто противъ нихъ? Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ — и дерзость ихъ возрастетъ, какъ Голіаѳъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать о жизни. Съ этими же самыми силами обратимъ отступленіе въ нападеніе, покаместъ не узнала о нашемъ пораженіи нація.

Кедовалла.

Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

Альфредъ.

Какое черное невѣжество вѣетъ отъ Кедовалла!.. Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа (зачерствѣла) въ старой корѣ. Но, таны, какъ видно, что недавно приняли христіанскую вѣру и не смыслите ничего въ ней! Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что на свѣтѣ больше христіанскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устремленнымъ копьемъ стремились

въ наши ряды эти морскіе люди, — отчего? потому что призывали поминутно языческаго бога ихъ Одена, который — пыль и прахъ предъ Богомъ христіанскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы христіане? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва...
(Король идетъ.) Ни двухъ шаговъ земли датчанамъ!

Часть народа и всадниковъ (бѣжитъ).
Король, датчане гонятся!

Альфредъ.

Стой! Всѣ таны, ни съ мѣста! Далеко датчане?

Часть народа и всадниковъ.
По пятамъ нашимъ (лѣтять).

Альфредъ.

Во имя Святой Маріи, не подавайся, какъ кельданскія скалы!

(Врывается на сцену дружина датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ копьями. Начинается сѣча.)

Губбо.

Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если не сокрушимъ англосаксовъ.

Альфредъ.

Англосаксы! не забывайте: съ нами Христосъ и Марія!

Губбо.

Ринальдъ, Ринальдъ! тихо гремитъ твой мечъ! Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ!

Ринальдъ.

Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ. Оденъ! готовъ мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

Альфредъ.

Христіане, крѣпитесь! Святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

Губбо.

Одень! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ринальдъ, Ринальдъ! зачѣмъ избить шлемъ твой?... Не дрожать ли твои перси?

Ринальдъ.

Еще станетъ, король мой Губбо!... Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ череповъ на пиршественныя чаши.

Альфредъ.

За Марію, за Христа, англосаксы!

Губбо.

Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

Ринальдъ.

Одень! готовъ мнѣ мѣсто въ Валгалѣ!

Эдвигъ.

Вотъ тебѣ, собака датчанинъ! (Протыкаетъ ему голову копьемъ.)

Альфредъ.

Англосаксы! побѣда за нами!

Губбо.

О. (побѣды?). не будетъ тебѣ, Альфредъ, по коихъ поръ мечъ играетъ въ рукахъ моихъ!

Альфредъ.

Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружіе.

Губбо.

Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

Альфредъ.

Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю, и на два слова, Губбо... (Обѣ стороны опускаютъ копья.)

Альфредъ.

Я готовъ заключить съ тобою (миръ) и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же, немедля, отправлялся за море, принеся клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

Губбо.

Король Альфредъ, я соглашаюсь.

Альфредъ.

Итакъ, храбрый, произнеси клятву.

Губбо.

Клянусь самымъ Оденъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! И когда не выполню моей клятвы, да будемъ желты, какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

Альфредъ.

Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ, — ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

Губбо.

Пойдемъ, товарищи! Намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня — завтра, не здѣсь — въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ, носящимъ золотое убранство!

Журнальные статьи Гоголя.

Вступительная статья.

Подобно Пушкину, Гоголь былъ не только гениальнымъ художникомъ, но и тонкимъ литературнымъ критикомъ, очень ловкимъ полемистомъ, написалъ нѣсколько блестящихъ статей. Его характеристики русскихъ поэтовъ, въ особенности Пушкина („Арабески“, „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“), показываютъ большую широту и глубину какъ историческаго пониманія, такъ и эстетическаго проникновенія. Лучше многихъ и многихъ современниковъ постигъ онъ задачи русскаго толстаго журнала; онъ сумѣлъ нанести сильный и вѣрно рассчитанный ударъ тогдашнимъ „разбойникамъ пера и мошенникамъ печати“ — не даромъ такъ глубоко они его возненавидѣли. Онъ, главнымъ образомъ, убѣдилъ Пушкина взяться за „Современникъ“ и усердно началъ работать для него, пока исторія съ постановкой „Ревизора“ и отъѣздъ за границу не отвлекли его интересы въ другую сторону. У него много знаній и оригинальныхъ мнѣній объ архитектурѣ, живописи, современномъ театрѣ, поэзіи. Широко и вѣрно понялъ онъ идею народности, задачи реализма, значеніе Пушкина и причины охлажденія къ нему русскаго читателя въ 30-хъ годахъ, всѣ недочеты тогдашней критики, за исторію которой такъ убѣждалъ его взяться Пушкинъ. Въ „Петербургскихъ запискахъ“ „государственная, общественная и литературная фізіономія двухъ столицъ обрисована съ неподражаемой яркостью красокъ и мѣткостью выраженія“¹. По словамъ Панаева², статья „о движеніи журнальной литературы“ „надѣлала большого шума въ литературѣ и произвела очень благопріятное впечатлѣніе на публику“. Высоко ставилъ журнальныя статьи Н. В. и Бѣлинскій³: „Гоголь выступалъ на

¹ Котляревскій, Гоголь, стр. 216.

² Литер. воспом., Спб., 1876, стр. 1^о6.

³ Соч., т. VII, М., 1860, стр. 369 (1849 г.).

журнальное поприще и былъ критикомъ: въ „Арабескахъ“ напечатаны его превосходныя критическія статьи о Пушкинѣ, о Брюловѣ, о Шлецерѣ, Миллерѣ и Гердерѣ, а въ 1 номерѣ „Современника“ 1836 года есть статья его „о движеніи журнальной литературы“, въ которой съ неподражаемымъ юморомъ охарактеризованы „Сѣверная Пчела“ и разные критики“. Обыкновенно журнальныя статьи Гоголя признаются выраженіемъ мѣтній Пушкинскаго кружка. Но самъ Пушкинъ подчеркнул свое несогласіе съ нѣкоторыми мѣтнями Гоголя. Въ его статьѣ „о движеніи журнальной литературы“ онъ видѣлъ слишкомъ обнаружившіяся „юношескую живость и прямодушіе“; по его настоянію были сглажены отдѣльныя мѣста¹; чтобъ „не дразнить гусей“, въ томъ числѣ и „арзамасскихъ“, своихъ пріятелей, ненавидѣвшихъ Бѣлинскаго, былъ выброшенъ сочувственный отзывъ о немъ (онъ приведенъ у насъ въ примѣчаніяхъ)². Почему то была выкинута слѣдующая любопытная характеристика нашей литературы, своеобразная, какъ и все у Гоголя³: „Наша литература молода; корифеевъ ея было немного, но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму, нежели писатели другихъ земель, и, несмотря на общую черту нашей литературы — подражанія опередившимъ насъ европейцамъ, они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы, и подражаніе наше носитъ совершенно своеобразный характеръ, представляетъ явленіе замѣчательное, явленіе даже для европейской литературы. У насъ есть нѣсколько писателей, которые принадлежатъ собственнымъ своимъ мыслямъ. Гдѣ вы найдете похожаго на нашего Державина? Это не Гораций, не Пиндаръ, не европейскій, означенный спокойнымъ лиризмомъ, поэтъ. У него своя, самородная, дикая, сверкающая поэзія, не оссіановская, не германская, не итальянская, — текущая, колоссально развиваясь, какъ Россія. — Что такое нашъ Фонвизинъ? Это не Мольеръ, не Шериданъ, не Бомарше, не Гольдони; юморъ его не аглицкій, не французскій. Что такое нашъ Жуковскій? Это одно изъ замѣчательныхъ явленій, поэтъ, явившійся оригинальнымъ въ переводахъ, возведшій всѣ сильныя и малосильныя оригиналы до себя, создавшій новый, совершенно оригинальный

¹ См. 10-е изд., т. VI, стр. 327—353, 708—730.

² И Пушкинъ и Гоголь обставляли самою строгою тайною свои сношенія съ Бѣлинскимъ.

³ 1-ое изд., т. VI, стр. 346.

родъ — быть оригинальнымъ¹. Возьмите нашего Крылова. Поэтъ, явившійся чисто русскимъ, національнымъ: и гдѣ же — русскимъ? — въ басняхъ, всеобщемъ выраженіи, гдѣ ни одинъ поэтъ еще не вонзаетъ ума своего, — жизни и образа мыслей своего народа. И въ баснѣ у него выразился чисто русскій сгибъ ума, новый юморъ, незнакомый ни французамъ, ни нѣмцамъ, ни англичанамъ и ни итальянцамъ. — И какъ всѣ эти поэты различны между собою! какія сильныя противоположности представляютъ въ собраніи своемъ воедино! Какія многообразныя стороны русскаго духа они представляютъ! Какъ широко раскинуть фундаментъ колоссальнаго зданія будущей русской литературы!

Это зародыши тѣхъ идей, которыя Гоголь разовьетъ потомъ въ статьѣ о лиризмѣ нашихъ поэтовъ („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“). Отступая подъ напоромъ темныхъ силъ ожесточеннаго фанатизма и тупого изуверства, онъ долѣе всего будетъ въ послѣдній періодъ своей жизни отстаивать любовь къ русской литературѣ и театру — противъ гр. Толстого и о. Матвѣя: слишкомъ глубоко проникла она въ святая святыхъ его души...

¹ Въ переводахъ !

О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году.

Журнальная литература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, такъ же необходима въ области наукъ и художествъ, какъ пути сообщенія для государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ, и которое безъ того было бы, въ обоихъ смыслахъ, мертвымъ капиталомъ. Она — быстрый, своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тѣснямаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, — мнѣній, безъ нея бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею захватываетъ и увлекаетъ въ свою область девять десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесли имъ почти готовые, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили. Итакъ, журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія.

Можетъ быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живого современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ большей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ „Библіотеки для чтенія“ и впослѣдствіи „Московского Наблюдателя“, не показалось, между тѣмъ какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи, и значительно возросло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла

движеніемъ, ибо также принадлежитъ исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудость и постный видъ нашихъ журналовъ: „Телеграфъ“ давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ петербургскихъ; „Телескопъ“ наполнился статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго. Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностію и добросовѣстностію, который одинъ только, къ стыду прочихъ недалънозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предпріимчивость и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, — книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ редакторомъ г. Гречъ, извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“. Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрощены были г. Смирдинымъ, но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ, по общему мнѣнію, поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество литераторовъ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ. Журналъ на сей счетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, — обѣщаніе, которое даетъ всякій журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли одного, что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взяты были только напрокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ, съ своей стороны, все, чего публика въ правѣ была отъ него требовать. Ту же самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ и въ изданіи журнала. Журналъ выходилъ съ необыкновенною исправностію: под-

писчики, вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца, встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа, осьмнадцати листовъ въ мѣсяцъ, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь рассмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, — по крайней мѣрѣ, никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречъ давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго, пожилого человека приглашаютъ въ посаженные отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь поневолѣ должны мы задуматься, что, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся, какъ полный хозяинъ.

Впрочемъ, нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего, однакожъ, мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы); но на что преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, какая мысль его пересиливала всѣ прочія, къ чему направлено было его пристрастіе, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его фізіогномію?

Прочитавши все, помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что это такое? Что заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе не даромъ, который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже переправляетъ чужія, — однимъ словомъ, является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его статей. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналъ своемъ, какъ

критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей и проч., и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу-Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ, въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, г. Сенковский помѣстилъ довольно большую статью о сагахъ, — статью, исполненную ипотезъ, не собственныхъ, но схваченныхъ наудачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, — ипотезъ, вовсе не принадлежащихъ русской исторіи. Эти саги, которыя проницательный Шлѣцеръ, не имѣющій донинѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, — эти саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ русской исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикомъ: онъ вовсе не опредѣлилъ ихъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья, испещренная риторическими фигурами, понравилась добрымъ, но ограниченнымъ людямъ, а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковского выше Шлѣцера, Гумбольдта и всѣхъ когда-либо существовавшихъ ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковского и настоящій конекъ его есть Востокъ. Здѣсь онъ всегда возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое-нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ-нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ, что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ человѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ, и который, между тѣмъ, видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ человѣкъ уже долженъ, по крайней мѣрѣ, утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому, точно, слѣдовало бы издать что-нибудь о Востокѣ. Человѣку, ничего не сдѣлавшему, трудно вѣрить на слово, особливо, когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣ же самыя недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ, — ни одной яркой черты, сильной мысли, гениальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковский не имѣлъ свѣдѣній; напротивъ, очень видно, что онъ много читалъ; но у него нигдѣ не замѣтно этой движущей, господствующей силы, которая направляла бы его къ какой-нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собой не уживаются.

Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно къ текущей изящной литературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что болѣе правилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, — вовсе никакого. То, что ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника наряду съ Гёте, и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало быть, у него рецензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто — слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ-Скоттъ, этотъ великій геній, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ-Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтеръ-Скотта! Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости, потому что онъ никогда не заботится о томъ, что говорить, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ, даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ сей и онъ, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, рассуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія сей и онъ совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятиричное і, который въ послѣдствіи, еще не такъ давно, под-

держивалъ одинъ профессоръ¹. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, повѣсти и тому подобное являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи въ родѣ повѣстей своимъ близкимъ, неумѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ французскимъ произвели всеобщее изумленіе, потому что г. Сенковскій осуждалъ гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣтливости и до такой степени считалъ простоватыми своихъ читателей. Неизвѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Брамбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ то: „Не люблю — не слушай, а лгать не мѣшай“, и тому подобныя: та же безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣланныхъ наскоро, на всемъ бѣгу: авторъ мало заботился объ ихъ связи. То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя „Б. для Чт.“. Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро, вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ журнала, по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ, что издавался въ большемъ объемѣ, толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помѣщиковъ. Въ „Библіотекѣ“ находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣтилъ русскаго Парнасса. Но постояннымъ лучшимъ отдѣленіемъ ея была смѣсь, вмѣщавшая въ себѣ очень много разнообразныхъ свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, — повѣсти и прочее, — оказывала очень мало

вкуса и выбора. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ случилось еще одно, дотолѣ неслыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ самъ довольно смѣло и откровенно. „У насъ“, говоритъ онъ, въ „Библіотекѣ для Чтенія“, не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ; иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками“. Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.

Многіе писатели стали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не обозначая, какіе. Журналъ, хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи замѣтно начали быть хуже; видно было менѣе старанія. „Библіотеку“ уже менѣе читали въ столицахъ, но все такъ же много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея также обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

„Сѣверная Пчела“ заключала въ себѣ официальные извѣстія и въ этомъ отношеніи выполняла свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами, — безъ сомнѣнія, люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удалства. Они нападали развѣ уже на самого беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: „Впрочемъ, желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія

погрѣшности относительно языка и слога“, или: „Хорошая книга требуетъ хорошаго изданія“, и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и проч.; сіи извѣстія иногда довольно остроумны и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и хорошо воспитанныхъ людей, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ, отъ „Сѣверной Пчелы“ больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ея дѣломъ было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ.

Журналъ, носившій названіе „Сына Отечества и Сѣвернаго Архива“, былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, несмотря на то, что онъ выходилъ исправно ежеведѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ „Сынѣ Отечества“ (говорила программа), будетъ археологія, медицина, правовѣдѣніе, статистика, русская исторія, всеобщая исторія, русская словесность, иностранная словесность, наконецъ, просто словесность, географія, этнографія, историческая галлерей и прочее. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу, и подумаетъ, что это огромнѣйшее энциклопедическое изданіе, когда-либо существовавшее на свѣтѣ. Ничуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа, начинавшаяся статьею о какихъ-нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣ же сухіе факты, взятые изъ „Сѣверной Пчелы“, слѣдственно, уже всѣмъ извѣстные. Помѣщаемыя какія то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попадалось что-нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена редакторовъ, гг. Булгарина и Греча, стояли только на заглавномъ листкѣ; но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожъ, журналъ существовалъ, стало быть, читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди, живущіе въ провинціяхъ, которымъ что-нибудь почитать такъ же необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда или выбриться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ, въ продолженіе всего этого времени, газета чисто литературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній, — не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ. Названіе этой газеты: „Литературныя прибавленія къ Инвалиду“. Въ ней помѣщались легкія повѣсти, бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о литературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями, близкими къ истинѣ: читатель, къ изумленію своему, видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литераторами, принимали къ сердцу текущую литературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію противу всякаго счастливаго наѣздника, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое-нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опрометчивость, и присовокуплялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе, не длиннѣе строчки, съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣятельный ловецъ и, какъ рыбакъ, сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась большею частью мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ редакторѣ была замѣтна чисто литературная жизнь, и онъ съ неохлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только „Телескопъ“, съ небольшими листками прибавленія, подъ именемъ „Молвы“, — журналъ, вначалѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ-нибудь.

Монополія, захваченная „Библіотекою для Чтенія“, не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но „Сѣверная Пчела“ была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя нѣкоторое время стояло на главномъ листкѣ въ „Библіотекѣ“, какъ главнаго ея редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что „Сѣверная Пчела“ должна была хвалить все, помѣщаемое въ „Библіотекѣ“, и настоящаго ея движителя, являвшагося подъ множествомъ разнымъ именъ, называть рус-

скимъ Гумбольдтомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литераторы заглядывали туда только по своей надобности. „Сынъ Отечества“ долженъ былъ повторять слова „Пчелы“. Итакъ, всего только два журнала могли возстать противъ его мнѣній. Г. Воейковъ показалъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ что то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальных промаховъ и иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою, очень понятною для немногихъ литераторовъ, но незамѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣлила бы сколько-нибудь направленіе новаго журнала. „Телескопъ“ въ соединеніи съ „Молвою“ дѣйствовалъ противъ „Библіотеки для Чтенія“, но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливецъ, шутилъ надъ баронствомъ г. Сенковскаго, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ „Молвѣ“ повторялись тѣ же намеки на Брамбеуса, часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того, „Телескопъ“ много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія, и критическія статьи его черезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ „Библіотекѣ для Чтенія“, которая была между ними, какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ, и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что „Библіотека для Чтенія“ имѣла около пяти тысячъ подписчиковъ, что мнѣнія „Библіотеки для Чтенія“ разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуютъ ли „Телескопъ“ и „Литературныя Прибавленія“, что мнѣнія и сочиненія, помышаемыя въ „Библіотекѣ для Чтенія“, были расхвалены издателями той же „Библіотеки для Чтенія“, скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ вліяніе на большую часть публики; ибо то, что смѣшно для читателей просвѣщенныхъ, тому вѣрятъ со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченные, какихъ, по количеству подписчиковъ, можно предполагать болѣе между читателями „Библіотеки“, и къ тому же большая часть подписчи-

ковъ были люди новые, дотолѣ не знавшіе журналовъ, слѣдственно, принимавшіе все за чистую монету; что, наконецъ, „Библіотека для Чтенія“ имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4,000 экземплярахъ „Сѣверной Пчелы“.

Ропотъ на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ, наконецъ, нѣсколько литераторовъ рѣшились издавать какойнибудь свой журналъ. Новый журналъ нуженъ былъ не для публики, т. е. для большаго числа читателей, но собственно для литераторовъ, различно притѣсняемыхъ „Библіотекою“. Онъ былъ нуженъ: 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо „Б. д. Ч.“ не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя, ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемые въ „Библіотеку“. Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литературныя, относящіяся къ политической экономіи и роч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурного намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь никакимъ чувствомъ надобности или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не разсмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно не имѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе „Библіотеки для Чтенія“ и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновеннымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивый и неблагонамѣренный. Статья, помещенная по этому же случаю въ „Сѣверной Пчелѣ“, казалось, была писана человекомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою конечную гибель. Въ ней увѣдомляли публику, что новый журналъ хотѣлъ уронить „Библіотеку для Чтенія“, потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и „Б. д. Ч.“. Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанести обдуманый ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому? И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ обра-

зецъ? Не долженъ ли я, напротивъ, его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выигрыша для читателей и для литераторовъ.

Но рассмотримъ, въ какой степени „Москов. Набл.“ выполнилъ ожиданія публики, жалной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе литераторовъ и опасеніе „Библіотеки для Чтенія“.

Новый журналъ, несмотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что единственные глашатаи вѣстей были его противники „Сѣверная Пчела“ и „Библіотека для Чтенія“, которые, конечно, не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій. Онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, слѣдственно, не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки; наконецъ, онъ пренебрегъ быстрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ поставкою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались въ характерѣ самаго журнала. По первымъ вышедшимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что предположеніе журнала было слѣдствіемъ одного горячаго мгновенія. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ его виденъ былъ только на заглавномъ листкѣ. Имя его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ доселѣ нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ много достоинства, но которыхъ публика чисто литературная не знала вовсе. Литературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей „Московского Наблюдателя“. Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его основывается весь кредитъ журнала. Но г. Андросовъ явился въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если желаніе издателей было постановить только почетнаго редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣнливой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны были труды редакціи разложить на себя; но они оставили всю отвѣтственность на редакторѣ, и „Московский Наблюдатель“ сталъ похожъ на тѣ ученія общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бываютъ въ присутствіи, между тѣмъ какъ президентъ является каж-

дый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналъ было нѣсколько очень хорошихъ статей; его украсили стихи Языкова и Баратынскаго, эти перлы русской поэзіи; но при всемъ томъ въ журналъ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія, необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступавшія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что нравится и что не нравится публикѣ. Статьи часто хорошія дѣлались скучными, потому только, что онѣ тянулись изъ одного номера въ другой съ несносною подписью: продолженіе впредь. Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ „Библіотекой для Чтенія“.

„Наблюдатель“ начался оппозиціонною статьею г. Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей литературѣ. Въ ней авторъ нападаетъ на торговлю въ ученомъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ отъ литературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что авторъ обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во-вторыхъ, онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна однимъ литераторамъ, навесла досаду „Библіотекѣ для Чтенія“, но ничего не дала знать публикѣ, не понимавшей даже, въ чемъ состояло дѣло. Притомъ сія нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличилась. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предприимчивые, безъ большого таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не пересчитывать ихъ барыши. Что литераторъ купилъ себѣ доходный домъ или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе г. Шевыреву на бѣдныхъ покупателей, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздные: сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. При этомъ случаѣ сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе не виноватъ, кото-

рый за предприимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ быть, много воли людямъ, которымъ приличіе было заниматься просто торговлею, а не литературою. Талантъ не искателенъ, но корыстолюбіе искательно. На это такъ же смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться на правительство, встрѣтивши недальновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который оправляетъ одни чистые брилліанты. Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованія на прозаическое, униженное направленіе литературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнія. „Библіотека“ отвѣчала коротко, въ духѣ обыкновенной своей тактики: обратившись къ зрителямъ, т. е. къ подписчикамъ, она говорила: „вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличіе и неимѣніе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ“ и проч... Это обыкновенная политика петербургскихъ журналовъ и газетъ. Какъ только кто-нибудь сдѣлаетъ имъ упрекъ въ корыстолюбіи и въ бездѣйствіи, они всегда жалуются публикѣ на неприличіе выраженій и неблагородство духа своихъ противниковъ; говорятъ, что статья эта писана съ цѣлю только поддѣть публику и собрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предупредить публику.

Итакъ, выходка „Московского Наблюдателя“ скользнула по „Библіотекѣ для Чтенія“, какъ пуля по толстой кожѣ носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, „Московский Наблюдатель“ замолчалъ, — доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствій и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствіемъ могъ „Наблюдатель“ дать себѣ ходъ и сдѣлать имя свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ „Телеграфъ“, дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ.

„Наблюдатель“ выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько номеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Чрезъ нѣсколько номеровъ показалась, наконецъ, статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ „Библіотекѣ“ статьи, подъ именемъ „Брамбеусъ и юная словесность“, въ которой Брамбеусъ на-

звалъ самъ себя законодателемъ какой то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ русской литературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. Случалось, что литераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застѣнчивостію, и послѣ сами старались все это какъ-нибудь загрести собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда еще авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ баронъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченною. Ею занялся и „Телескопъ“ и подтрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ обыкновенною смѣтливостію о ней намекнулъ и г. Воейковъ; она возродила статью и въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Цѣль этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость, какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался, какъ своимъ; другими словами: изъ какихъ лоскутовъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ. Нѣсколько безгласныхъ книжекъ, выходявшихъ вслѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили „М. Наблюдателя“ въ забвеніе. Даже самая „Библіотека для Чтенія“ перестала, наконецъ, упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ, продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ и говорить все то, что первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, рассмотримъ теперь, что сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ исторію нашей литературы, оставить въ ней свою оригинальную черту, — кія мнѣнія, какіе толки они утвердили, что опредѣлили и какой мысли дали право гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литературу, ничего не значить. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій, тоже не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналѣ статей ничего не значить, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія, и не оказывается въ немъ направленіе, хотя даже одностороннее, къ какой-нибудь цѣли. „Телеграфъ“ издавался, кажется, съ тѣмъ, чтобы испровергнуть обветшалыя, заматорѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожилловъ, классиковъ; „Московскій Вѣстникъ“, одинъ изъ лучшихъ журналовъ,

несмотря на то, что въ немъ немного было современнаго движенія, издавался съ тѣмъ, чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей литературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой мѣрѣ оба сіи журналы выполнили цѣль свою; по крайней мѣрѣ, стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но разсмотрите внимательнѣе издававшіеся въ послѣдніе два года журналы; уловите главную нить каждаго изъ нихъ: сей то нити и не сыщете. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ. А между тѣмъ:

1) Умеръ знаменитый шотландецъ, великій дѣписатель сердца, природы и жизни, полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка¹.

2) Въ литературѣ всей Европы распространился безпокойный, волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя — слѣдствія политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались. Странная, мятежная, какъ комета, неорганизованная, какъ она, эта литература волновала Европу, быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра. Пусть эти явленія будутъ всемірно-европейскія, хотя они отражались и въ Россіи; рассмотримъ литературныя явленія чисто русскія.

3) Распространилось въ большой степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовавшіе своего опредѣленія и настоящей, вѣрной оцѣнки такъ, какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы такъ же вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые. Они требовали возвращенія того, что дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправаго обвиненія, неправаго опредѣленія, безсмысленно повтореннаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донинѣ.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ, что такое былъ Вальтеръ-Скоттъ, въ чемъ состояло вліяніе его, что такое французская

¹ Вальтеръ-Скоттъ.

современная литература, отчего, откуда она произошла, что было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса, и въ чемъ состоялъ ея характеръ? Отчего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями? На какой степени образованія стоитъ русская публика, и что такое русская публика? Въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей или какихъ-нибудь слѣдовъ глубокаго, добросовѣстнаго изученія. Вальтеръ-Скотта у насъ только побранили. Французскую литературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, дотолъ сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира... другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусъ той же школы еще съ большими несообразностями. Вопросомъ, отчего у насъ въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти, вовсе не занялись, а вмѣсто того вдобавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства, и купецъ, и воинъ, и литераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ничего не сказали или сказали то, что говоритъ уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналисты? Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія; они рѣшительно были заняты только собою, на все другое они обращали какое то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, чтобы критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, передъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по большей части была какимъ то гаерствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго

автора? Не говорили просто, что такая то книга хороша или достойна вниманія въ такомъ то и въ такомъ то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ. „Эта книга, — говорили рецензенты, — удивительная, необыкновенная, неслыханная, гениальная, первая на Руси; продается по пятнадцати рублей; авторъ выше Вальтеръ-Скотта, Гумбольдта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ библіотеку вашу; также и второе изданіе купите и поставьте въ библіотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра“. Большая часть книгъ была расхвалена безъ всякаго разбора и совершенно безотчетно. Если счесть всѣ тѣ, которыя попали въ первоклассныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче русской литературы, и только черезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рецензентовъ о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставятъ его задуматься и приведутъ въ недоумѣніе. Та же самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть или неблагорасположеніе. Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литературное безвѣріе и литературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ литературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ, въ лучахъ славы, съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднималъ благоговѣнно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонгизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остающемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой, такъ что наша эпоха кажется какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ. Это литературное невѣжество распространяется особенно между молодыми рецензентами, такъ что вообще современная критическая литература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ — другой, какъ толки, вначалѣ довольно громкіе, уже безгласные, неслышныя, какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ. Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднималъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора,

безъ всякой идеи. Иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ, рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непременно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ. Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить — итакъ, подавай намъ Шекспира! Говорить онъ: „Съ сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую передъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру“, а между тѣмъ разбираемая книга чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязаній на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженій самого рецензента.

3) Отсутствіе чистаго эстетическаго наслажденія и вкуса. Еще въ московскихъ журналахъ видишь иногда какой-нибудь вкусъ, что-нибудь похожее на любовь къ искусству; напротивъ того, критики журналовъ петербургскихъ, особенно такъ называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемые сочиненія превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигдѣ не видитъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманія, истекло изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ, несмотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышитъ мертвящею холодностію. Въ немъ видна живость или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое, и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справедливость требуетъ упомянуть о критикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключеніи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящій человѣкъ, иногда увлекающійся первымъ впечатлѣніемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманіе рецензій было устремлено на цѣлую шеренгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностію, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименіяхъ: сей и оный. Вотъ до чего дошла, наконецъ, русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о литературѣ? Въ это время не сказали своихъ мнѣній ни Жуковскій, ни Крыловъ, ни князь Вяземскій, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы,

имѣвшіе свой голосъ и показавшіе въ статьяхъ своихъ вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этого удивляться такому состоянію нашей литературы?

Отчего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься въ журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумный бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этого. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи литературы она неоцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму и, несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы: и подражаніе наше носить совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для европейской литературы.

Но довольно. Заклучимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности и, при большемъ количествѣ журналовъ, явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соотвѣтствовать своей цѣли. По крайней мѣрѣ, замѣтно какое то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ, что нѣкоторые журналы съ будущимъ годомъ обѣщаютъ издаваться съ большимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели „Сына Отечества“, издатель „Телескопа“ заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при большемъ стараніи невозможно было сдѣлать большаго. По крайней мѣрѣ, со всѣмъ чистосердечіемъ и теплою молитвою излагаемъ желаніе наше: да наградятся старанія всѣхъ и cadaго сторицею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе будутъ труды его, тѣмъ болѣе да будетъ онъ почтенъ заслуженнымъ вниманіемъ и благодарностію.

Петербургская сцена въ 1835/6 г.

Балетъ и опера завладѣли совершенно нашей сценой. Публика слушаетъ только оперы, смотритъ только балеты. Говорятъ только объ оперѣ и балетѣ. Билетовъ чрезвычайно трудно достать на оперу и балетъ. А между тѣмъ живетъ еще въ мысляхъ каждаго мнѣніе, что есть родъ зрѣлищъ, можетъ быть, болѣе возвышенный, болѣе отвѣчающій глубоко обработанному вкусу; что есть драма высокая, вдыхающая невольное присутствіе высокихъ волненій въ сердца согласныхъ зрителей; что есть комедія высокая, вѣрный сколокъ съ общества, движущагося передъ нами, — комедія, производящая смѣхъ глубиной своей ироніи, — не тотъ смѣхъ, который производитъ на насъ легкія впечатлѣнія, который рождается бѣглою острою, мгновеннымъ каламбуромъ, не тотъ пошлый смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для произведенія котораго нужны конвульсія, гримасы природы, но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно и свободно, который разноситъ по всѣмъ нервамъ освѣжающаго наслажденія, рождается изъ спокойнаго наслажденія души и производится высокимъ и тонкимъ умомъ.

Итакъ, права ли наша публика, что оставила драму и уступила преимущественно пристрастіе свое къ оперѣ и балету? Можетъ быть, это ошибка ея? Можетъ быть, вкусъ ея такъ одностороненъ, что можетъ...¹ только однимъ. — Но рѣдко масса публики ошибается въ дѣлѣ, котораго она есть судья. Общій голосъ почти всегда бываетъ правъ. По этому самому публика права, что устремила исключительное вниманіе свое на оперу и балетъ. — Итакъ, первый вопросъ мы должны перемѣнить вторымъ: стоила ли въ это время наша драматическая сцена того, чтобы ее можно было предпочесть оперѣ и балету? Что

¹ Довольствоваться?

такое игралось на нашей сценѣ? — Мелодрама и водевиль, эти незаконныя дѣти ума нашего девятнадцатаго столѣтія, совершенныя отступленія отъ природы, введенія множество мелкихъ несообразностей. Но какіе были эти водевили? Они, водевили, были переводы съ французскаго. Въ Петербургѣ есть французскій театръ, и очень изрядный. Итакъ, кто же захочетъ смотрѣть французскую піесу въ переводѣ, играющемся русскими актерами, не выдавшими французскаго общества, тогда какъ онъ можетъ на французскомъ театрѣ видѣть ту же самую въ оригиналѣ, игранную природными французами, которые и потому уже вообще могутъ лучше выполнить свое дѣло, что имъ вовсе не стоитъ труда? во Франціи больше смѣшаны между собою сословія. Итакъ, высшій классъ общества былъ совершенно правъ, что оставлялъ русскую сцену. Очень былъ почувствованъ этотъ недостатокъ оригинальности. Нѣсколько піесъ появилось оригинальныхъ. Но какія были эти піесы? Эти піесы были водевили — русскіе водевили! Это немножко смѣшно. Во-первыхъ, потому, что эта легкая безцвѣтная игрушка могла родиться только у французской націи, не имѣющей въ характерѣ своемъ глубокой фізіогноміи, если сказать сильно — національности. Но что же теперь вышло, когда нашъ русскій, да еще нѣсколько суровый и отличающійся своеобразною національностью, характеръ съ своею тяжелой фигурою началъ поддѣлываться подъ шарканье петиметра, и нашъ тучный, но смѣтливый и умный купецъ съ широкою бородою, не знававшій на ногѣ своей ничего, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ бы, вмѣсто него, узенькій башмачокъ и чулки à jour, а другую, еще лучше, оставилъ бы въ сапогѣ и сталъ бы въ первую пару во французскую кадрили. — А вѣдь почти то же наши національные водевили. — Не странно ли, напримѣръ, что нашей публикѣ русскій судья, которыхъ чрезвычайно много въ водевиляхъ, начинаетъ пѣть куплеты въ обыкновенномъ разговорѣ? Во французскомъ театрѣ мы прощаемъ эти выходки противъ естественности, ибо намъ извѣстно, что французскій судья — и танцоръ, и куплеты сочиняетъ, играетъ хорошо на флажеолетѣ, можетъ быть, даже рисуетъ въ альбомахъ. Но если начнетъ все это дѣлать нашъ уѣздный судья и съ такою грубою наружностью, съ какою обыкновенно его выставляютъ на нашихъ водевиляхъ, то... Судью заставляютъ пѣть! Да если нашъ уѣздный судья запоетъ, то зрители такой услышатъ ревъ, что, вѣрно, въ другой разъ и не покажутся въ театрѣ.

Но разсмотримъ вообще, что такое мелодрама и водевиль; разсмотримъ, какъ родились эти незаконныя дѣти

нашего девятнадцатаго столѣтія. Ихъ называютъ изверженіями романтизма. Но что такое романтизмъ? О немъ толковали во все окончаніе первой четверти 19-го столѣтія и даже сдѣлали его какимъ то родомъ сочиненій, такъ что называли: „это піеса романтическая, а это — не романтическая“. Ему въ противоположность противопоставляли классицизмъ. Странную несообразность этого всякой знаетъ. Но что такое то, что называли романтизмомъ? Это было больше ничего, какъ стремленіе подвинуться ближе къ нашему обществу, отъ котораго мы были совершенно отдалены подражаніемъ обществу и людямъ, являвшимся въ созданіяхъ писателей древнихъ, — то же самое стремленіе, которое имѣли всѣ государства древняго и новаго міра. — Переходъ къ этому стремленію, то есть первые взрывы и попытки производятся обыкновенно людьми отчаянными, дерзкими, какими производятся мятежи въ обществахъ. Они видятъ несвойственныя формы, не соотвѣтствующія правамъ и обычаямъ правила, и ломаются напроломъ чрезъ всѣ преграды. Они не по...¹ границъ, ломаютъ безъ разсужденія все и всегда и, желая исправить неправед...², они въ обратномъ количествѣ наносятъ столько же зла. Они падаютъ первые, какъ жертвы въ произведенномъ ими хаосѣ. Ихъ имя не остается въ числѣ чистыхъ воспоминаній. Но они³, произрастивъ хаосъ, изъ котораго потомъ великій творецъ спокойно и обдуманно творитъ новое зданіе, обнимая своимъ мудрымъ воинственнымъ взглядомъ ветхое и новое. Много писателей въ твореніяхъ своихъ эту романтическую смѣлостью даже изумляли оглушенное новымъ языкомъ, не имѣвшее время одуматься общество. Но какъ только изъ среды ихъ выказывался талантъ великій, онъ уже обращалъ романтическое, съ великимъ вдохновеннымъ спокойствомъ художника, въ классическое или, лучше сказать, въ отчетливое, ясное, величественное созданіе. Такъ совершилъ это Вальтеръ-Скоттъ и, имѣя столько же размышляющаго, спокойнаго ума, совершилъ бы Байронъ въ колоссальнѣйшемъ размѣрѣ. Такъ совершить и изъ нынѣшняго броженія вооруженный тройною опытностью будущій поэтъ.

Публика была права, писатели были правы, что были недовольны прежними піесами. Піесы точно были холодны. Самъ Мольеръ, талантъ истинный, — талантъ, который, явившись въ нынѣшнее время, изгналъ бы нынѣшнюю

¹ Понимаютъ?

² Неправедное?

³ Дальше — пропускъ сказуемаго.

бродящую беззаконную драму, — самъ Мольеръ на сценѣ теперь длиненъ, на сценѣ скученъ. Его планъ обдуманъ искусно, но онъ обдуманъ по законамъ старымъ, по одному и тому же образцу; дѣйствіе пьесы слишкомъ чинно, составлено независимо отъ вѣка и тогдашняго времени, а между тѣмъ характеры многихъ именно принадлежали къ его вѣку. Нѣтъ ни одного анекдота, случившагося въ его время, въ такомъ же точно видѣ, какъ онъ случился, какъ дѣлалъ это Шекспиръ. — Онъ, напротивъ, сюжетъ составлялъ самъ по плану Теренція и давалъ разыгрывать его лицамъ, имѣвшимъ странности и предрасудки его вѣка. Это не имѣло уже послѣ живости для зрителей, могло только нравиться пріятелямъ, которые могли замѣтить всѣ мелочи, и могло выполняться только слишкомъ искусными актерами: но то и другое является рѣдко, стало быть ихъ успѣхъ...

Нынѣшняя драма показала стремленіе вывести законы дѣйствій изъ нашего же общества. Чтобы замѣтить общіе элементы нашего общества, двигающія его пружины, — для этого нужно быть великому таланту. Но то, что служить исключеніемъ, что странно и поражаетъ среди стройности всего цѣлаго своимъ безобразіемъ, то бросается въ глаза всякому. Писатели, порожденные новымъ стремленіемъ, не были таланты и могли замѣтить одни только эти исключенія. Странность сюжета выносила ихъ имя и дѣлала извѣстнымъ, и вездѣ почти рѣшительно въ нихъ сюжетъ беретъ самъ за себя: въ исполненіи его не видно никакого таланта, кромѣ механическаго привычнаго знанія сцены.

Итакъ, идея созданія нынѣшнихъ драмъ — непременно рассказать какой-либо новый случай, непременно странный, непременно еще никѣмъ невиданный, несслыханный... Стремленіе къ странному произвело до такой степени несообразность и сверхъестественность театральныхъ сюжетовъ, произвело въ такой степени неправильное отступленіе въ драмѣ, какого не произвели прежніе классическіе писатели педантическою аккуратностью и отчетливостью.

Главное въ мелодрамахъ эффектъ — оглушить вдругъ чѣмъ-нибудь зрителей, хотя на одно мгновеніе, — что сильнѣе бросается въ глаза: каторга, убійство, чѣмъ можно испугать и произвести судороги, что движетъ эшафотъ кровавою тѣнью. Вся мелодрама состоитъ изъ убійствъ и преступленій, и между тѣмъ ни одно лицо не возбуждаетъ участія. Никогда еще не выходилъ зритель растроганный въ слезахъ, но въ какомъ то растроженномъ состояніи и пугливо садился въ свою

карету, долго не могшій собрать и сообразить своихъ мыслей. Какое странное явленіе! Въ нашъ вѣкъ, когда во всякомъ обществѣ существуетъ число людей, исполненныхъ тонко-возвышеннаго вкуса, и вдругъ такія зрѣлища — эффекты тѣ, которые дѣйствуютъ на грубую, черствую и притомъ притупленную площадною развратностію природу! — Передвигаются предъ глазами тѣ кровавыя зрѣлища и боевыя ристалища, на которыя собиралась смотрѣть вся римская чернь, стало быть, властительная масса государства. Но, слава Богу, мы еще не римляне, и не на закатѣ существованія, но только еще на зарѣ его стоимъ мы. Еще молодъ нашъ народъ и служить вѣчнымъ матеріаломъ для писателя, поражая его множествомъ разнообразныхъ степеней образованія, — и всѣ стихіи нашего государства — стихіи могущества и юности.

Итакъ, неудивительно, что среди этихъ безобразныхъ случайныхъ явленій балетъ и опера представляютъ намъ что то утѣшительное. Въ оперѣ зритель, заслушиваясь музыки, уже наслаждается внутри себя; онъ уже въ спокойномъ состояніи; его даже растянутасть, общій недостатокъ оперъ, не наскучаетъ. Онъ въ покойномъ состояніи и въ балетѣ. Балетъ и опера сдѣлали большіе успѣхи. Въ прошедшей четверти текущаго года появилась на русской сценѣ „Семирамида“, которую, не знаю, могли ли поставить прежде на нашей сценѣ; она установилась и поддержана двумя пѣвцами. Ничего не скажу о двухъ неподдѣльныхъ талантахъ: о Петровѣ и о Воробьевой. Они составляютъ условіе оперы, и безъ нихъ ее нельзя поставить. Объ оркестрѣ и музыкѣ странно говорить, и мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты, критики и рецензіи также скучны для самыхъ записныхъ музыкантовъ. Глубокое въ музыкѣ такъ же невыразимо и безотчетно, какъ и въ поэзіи. Музыкальные страсти — не житейскія страсти. Музыка иногда только выражаетъ или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться огненнымъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу, что меломанія, чѣмъ дальше, чрезвычайно распространяется въ Петербургѣ. Люди такіе, которыхъ до того времени никто бы не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ „Робертѣ“ и „Нормѣ“, „Фенеллѣ“ и „Семирамидѣ“. Оперы даются почти два раза въ каждую недѣлю, выдержали несчетное множество представленій, и все-таки трудно достать билетъ. — Это не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли стремленіе это — воз-

вратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ для насъ языкомъ, и мелькали незнакомые люди, — возвратъ на русской тройкѣ съ заливающимся колокольчикомъ, съ которой мы, привставая на бѣгу, помахиваемъ шляпою и говоримъ: „Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“. Въ самомъ дѣлѣ, какую оперу, какую музыку можно составить изъ нашихъ народныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго больше было бы пѣсенъ! Малороссія кипитъ пѣснями. По всей Волгѣ влекутся, звенять бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ бревенъ избы по всей Руси, метаютъ изъ рукъ въ руки кирпичи, и поднимаются дома. Подъ пѣсни работаетъ вся Русь. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами казакъ любитъ, заряжая пищаль, пѣть старинную пѣсню. На другомъ концѣ, у Морознаго моря, верхомъ на плывущей льдинѣ русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню... Что? У насъ ли не изъ чего составить оперы своей? Нѣтъ, погодите, люди чужеземные: прежде пріосамтесь немного, пріодѣньтесь немного почище!

Обстановка балетовъ великолѣпна. Дирекція не жалѣетъ никакихъ съ своей стороны средствъ, и врядъ ли гдѣ такъ богато ставятся балеты, какъ въ Петербургѣ. Нужно только пожелать, чтобы артисты умѣли пользоваться тѣми средствами, которыя предлагаютъ имъ. Удивительно только, что никогда на русской сценѣ не было такой счастливой поры для талантовъ, а между тѣмъ они лѣнливо являются. Всѣ сословія жадны до такого театра. Петербургъ большой охотникъ наслаждаться прекраснымъ. Чинovníкъ идетъ въ театръ, купецъ идетъ въ театръ, даже нѣмецъ часто идетъ въ русскій театръ, несмотря на то, что въ Петербургѣ есть и нѣмецкій театръ. Еще болѣе замѣчательно то, что во всемъ Петербургѣ соблюдаетъ строгое приличіе, что вообще вкусъ его жаждетъ прекраснаго, спокойнаго наслажденія — добрый знакъ! Вспомните мое слово: когда-нибудь изъ такихъ началъ разовьется чисто эстетическій вкусъ. Это не тревожный Парижъ, гдѣ стихія — перемѣна, а вкусъ — крайности. Не сравню его я съ нѣмецкими городами: слишкомъ ужъ холодны и расчетливо они скупы на наслажденія. Если взять, напримѣръ, наше сословіе, среднее, во всей его массѣ, — то есть сословіе малоденежное или живущее жалованьемъ, стало быть, самое многочисленное и чисто русское, — то (нѣтъ нужды, что попадется другой, третій чиновникъ, совершенно похожій на то отношеніе, которое онъ пи-

шеть), въ немъ есть много очень замѣчательнаго: и русская дворянская рѣшительность и при этомъ терпѣніе, и толкъ, и соль, — однимъ словомъ, стихіи новаго характера. Ничего дурного, никакого пристрастія, только развѣ, по старой славянской привычкѣ, небольшого пристрастія къ стеклянной посудѣ; но и это уже, наконецъ, оставляется однимъ только купцамъ да извозчикамъ. Когда вы будете гулять свѣжимъ морознымъ утромъ по Невскому проспекту, во время котораго небо золотисто-розоваго, нѣжнаго цвѣта и перемежаетъ золотистыми сквозными облаками дыма, а дома — въ концѣ уличной перспективы въ голубомъ свѣтѣ, и въ морозномъ воздухѣ дрожа звенить: „Говядина свѣжая!“ — зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра, вы будете поражены тамъ упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ грудью осаждаетъ раздавателя билетовъ, высовывающаго только одну руку свою изъ окошка! Сколько только шинелей всякаго рода! сколько лакейства всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели съ шелковымъ цвѣтнымъ галстукомъ и безъ шапки, до того, у котораго трехэтажный воротникъ ливрейной шинели такъ пестръ, какъ суконная бабочка для вытиранія перьевъ! Тутъ прстираются сухощавые, геморроидальные чиновники, у которыхъ чистить сапоги кухарка, и потому они должны сами хлопотать билетъ. Тутъ вы увидите, какъ русскій офицеръ, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходить, къ необыкновенному изумленію всѣхъ, по плечамъ къ окошку и получаетъ билетъ. Вы тогда только увидите, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дается на нашихъ...? ¹ Какія-нибудь мелодрамы и водевили! Охъ, мнѣ эти мелодрамы! „Какое смѣшное, неприличное названіе — мелодрама?“ Что это за нехристь такая — мелодрама? я думаю, говоритъ про себя русскій купецъ, сидя въ ложѣ 3-го яруса и развернувъ предъ собою аршинную афишу: „но... посмотримъ мелодрамы“. Давалась „Венеціанская актриса“, драма Гюго, отъ котораго еще не такъ давно была безъ ума Франція, начинали восхищаться студенты въ Германіи и превозносили выше Вальтеръ-Скотта отважные журналисты на Руси. „Венеціанская актриса“ составлена по образцу мелодрамъ съ немного большимъ талантомъ и съ меньшимъ знаніемъ сцены. — Въ этой драмѣ, какъ во всѣхъ другихъ, показаль Гюго въ полной мѣрѣ молодость и

¹ Театрахъ!

незрѣлость своего таланта, — таланта, который несравненно зрѣлѣе виденъ въ его немногихъ лирическихъ произведеніяхъ. На русской сценѣ удержалась драма только игрою Каратыгиной. Дали три большія мелодрамы съ пожарами, убійствами и другими эффектами: „Мономанъ“, „Живая покойница“, „Честолюбецъ“ и еще, кажется, что то. Нечего рассказывать о каждой изъ нихъ, потому что нужно говорить почти одно и то же. — Мелодрама нынѣшняя есть никакъ не болѣе, какъ программа для балета: она говоритъ только, о чемъ должно идти дѣло, что такое есть въ піесѣ, а разрѣшать ее и создавать должны актеры сами. — Она установилась и держится на нашей сценѣ не пожарами и убійствами, но игрою Каратыгина.

Всеобщія жалобы на недостатокъ таланта въ актерахъ. Но гдѣ же развиться талантамъ? На чемъ развиться? Развѣ попадается имъ хоть одно лицо русское, которое могли бы они живо представить себѣ? Кого играютъ наши актеры? Какихъ то нехристей, людей — не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого, какихъ то взбалмошныхъ людей — иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы, не имѣющихъ рѣшительно никакой точно опредѣленной страсти, а тѣмъ болѣе видной фізіогноміи. Не странно ли? Тогда какъ мы болѣе всего говоримъ теперь о естественности, намъ какъ нарочно подносятъ подъ носъ верхъ уродливости. — Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ? Развѣ мало у насъ нашего народа? Русскихъ характеровъ! своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ! Давайте намъ нашихъ плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ въ зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые подъ личиною кротости подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ кроткія. Изобразите намъ нашего честнаго, прямого человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, среди потерь и тратъ, чинимыхъ ему... и остается непоколебимъ въ своихъ положеніяхъ, безъ ропота на безвинное правительство и исполненъ той же русской, безграничной любви къ Царю своему, для котораго бы онъ и жизнь, и домъ, и послѣднюю каплю благородной крови готовъ принести, какъ незначущую жертву. — Пусть онъ не въ общихъ театральныхъ фразахъ говорить это, — нѣтъ! Пусть онъ явится, весь проникнутый этою русскою стихіею: ни слова не говорить, не разглагольствуетъ объ этихъ чувствахъ, но упорно хранить въ душѣ ихъ, какъ старую свою святыню, вдохнутую въ него еще съ давнихъ вѣковъ, еще

съ смиренныхъ предковъ, воспитанную тысячелѣтнѣмъ. Но пусть онъ молчаливо кидается въ волны, равнодушно несетъ свои помыслы; самъ носить повинную голову и дѣлаетъ, какъ русскій обыкновенно, — на дѣлѣ, а не на словахъ. Бросьте долгій взглядъ во всю длину и ширину животрепещущаго населенія нашей раздольной...¹ — сколько есть у насъ добрыхъ людей, но сколько есть и плевелъ, отъ которыхъ житья нѣтъ добрымъ и за которыми не въ силахъ слѣдить никакой законъ. На сцену ихъ! Пусть видятъ ихъ весь народъ! Пусть посмѣется имъ! О, смѣхъ великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣха. Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія у виновнаго; но онъ ему силы связываетъ, и, боясь смѣха, человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы не удержала его никакая сила. Но мы такъ заслушались во Франціи безцвѣтныхъ піесъ, что намъ все теперь боязливо видѣть свое. Если только намъ представлять какой-нибудь живой характеръ, то ужъ и думаемъ: „не личность ли это? потому что лицо совсѣмъ не похоже на французскія лица“. Если сказать, что въ такомъ то управленіи былъ, напримѣръ, одинъ надворный совѣтникъ пьяница, то всѣ надворные совѣтники, сколько ни есть въ Россіи, примутъ на свой счетъ. — Если сказать, что одинъ бессмысленный предсѣдатель завелъ въ присутственной залѣ псарню, то сейчасъ слышишь: „псарню?! вѣдь это присутственное мѣсто!“ не разсуждая о томъ, что именно затѣмъ это выведено, чтобы всѣ видѣли и брали... Если выведенъ даже квартальный плутъ, то сейчасъ найдутся люди, которые будутъ говорить: „Какъ же можно выводить квартальныхъ? Вѣдь они тутъ же находятся въ городѣ!“ А другой прибавитъ: „Я самъ знаю одного квартальнаго, который — хорошій человѣкъ“. — Да развѣ одинъ человѣкъ порочитъ все сословіе? Положимъ: я воинъ, украшенный орденами; я доказалъ любовь къ государю своему и заслугу отечеству моими безчисленными ранами; но долженъ ли я разсердиться за то, если выводится на сцену офицеръ, пустой человѣкъ, бѣгающій за вечерними нимфами, или вмѣсто обязанностей службы дебошничашій гдѣ-нибудь въ неприличномъ для русскаго офицера мѣстѣ? Развѣ черезъ это оскорбляется моя личность? Не долженъ ли я, напротивъ того, смотрѣть на это съ тайною радостью, потому что послѣ такого примѣра, вѣрно, уже трудно будетъ найти товарищей моихъ съ такою нравственностью? Когда я

¹ Страны, родины?

скажу: „случился одинъ генералъ, гордый человѣкъ, черствый въ обращеніи, который не сумѣлъ привязать къ себѣ своихъ подчиненныхъ или который совсѣмъ распустилъ своихъ подчиненныхъ и, вмѣсто своихъ занятій, спускалъ бумажку или вязалъ дамскій чулокъ“, — развѣ должны обидѣться наши храбрые генералы, цвѣтъ Россіи и примѣръ Европѣ, которыхъ у насъ болѣе, нежели гдѣ-либо? Нѣтъ! Благосклонно склонится око Монарха къ тому писателю, который, движимый чистымъ желаніемъ добра, предпріиметъ уличить низкій порокъ, недостойныя слабости и привычки въ слояхъ нашего общества и этимъ подастъ отъ себя помощь и крылья Его правдивому закону.

Театръ — великая школа, глубоко его назначеніе: онъ цѣлой толпѣ, цѣлой тысячѣ народа за однимъ разомъ читаетъ живой полезный урокъ и при блескѣ торжественнаго освѣщенія, при громѣ музыки показываетъ смѣшное привычекъ и пороковъ или высокотрогательное достоинствъ и возвышенныхъ чувствъ челоуѣка. — Нѣтъ! театръ не то, что сдѣлали изъ него теперь. Нѣтъ! Онъ не долженъ возбудить тѣхъ тревожныхъ и безпокойныхъ движеній души. Нѣтъ! Пусть зритель выходитъ изъ театра въ счастливомъ расположеніи, помирая отъ смѣха или обливаясь сладкими слезами, и понесшій съ собою какое-нибудь доброе намѣреніе.

Балетъ значительно сдѣлался блестяще въ постановкѣ. Его выносятъ чрезвычайно много декораціи и костюмы, которые богаты. Явившійся въ текущую четверть года балетъ „Возстаніе въ сералѣ“ былъ обставленъ съ такою роскошью, съ какою, кажется, не ставились балеты. Великолѣпіе для балета нужно, необходимо: онъ этимъ только можетъ прикрыть вообще сухость содержанія. Балетные композиторы дѣлаютъ ошибку, являя въ программахъ своихъ чрезвычайно мало дѣйствія. Дѣйствіе только сильное и быстрота движенія — то, что, можно сказать, очевидно для глазъ, то нужно въ балетѣ; но, какъ нарочно, теперь помѣщаются въ балетную сферу очень длинныя изъясненія въ любви и рассказы; кажется, лица даже рассказываютъ другъ другу анекдоты. — Вообще для балета лучше комическое: въ комическомъ болѣе можетъ выразиться дѣйствіе; въ дѣйствии можетъ быть больше комическаго въ сравненіи съ трагическимъ. И въ трагическомъ тоже можетъ быть дѣйствіе; сколько случалось лаконическихъ высокихъ сценъ, которыхъ никто не беретъ въ балетъ! Это, я думаю, произошло оттого, что движеніе всегда считается главное; главное танцы. Это

настоящая его поэтическая сторона. Еслибы и танцамъ придать такое же разнообразіе, какое придается въ оперѣ дѣйствию съ музыкою, то балетъ сталъ бы выше. Мнѣ кажется, въ танцахъ вообще меньше характерности. Смотрите, въ какомъ безчисленномъ разнообразіи являются танцы въ разныхъ углахъ міра. Они, такъ же, какъ народъ, отлились каждый въ свою форму. Вотъ русскій — плавный, напряженный и тихій танецъ, почти восточный танецъ. Вотъ танецъ западныхъ славянъ вольный, необузданный; шотландскій — вольный и живописный танецъ; швейцарскій — чистый, веселый; французскій...

У каждаго народа они тоже слѣдствіе жизни: у одного буйной, у другого — тихой; у другого безстрастіе, у другого — пламень живой страсти: тяжелый и легкій, многосложный и односложный. Не можетъ ли нѣкоторымъ образомъ создатель балета явить это различіе для нѣкотораго опредѣленія характера дѣйствующихъ лицъ? Изъ элементовъ каждаго натурально можетъ онъ создать тоже утонченное и обработанное, возведенное до высшаго искусства. По крайней мѣрѣ, это дало бы ему и больше средствъ образнообразить этотъ легкій воздушный языкъ, которому мы даемъ названіе танцевъ.

Петербургскія записки

1836 года.

I.

.. Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу — на край свѣта! Станный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ — здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву — нѣтъ, и тутъ мало холода: подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дочь между матушкою и сыномъ! Что это за виды, что за природа! Воздухъ прoderнута туманомъ; на блѣдной, сѣро-зеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельничъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разниа, какая разниа между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко или пушокъ, ту жъ минуту его прочь. Москва — старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ; Петербургъ — разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинается печь французскіе хлѣбы, которые на завтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты,

въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней — какъ сарайныя двери. Петербургъ — аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, на все глядитъ съ расчетомъ и прежде, нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотреть въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ середины. Въ Москвѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою моды; петербургскіе рѣдко прилагаютъ картинки, если же приложить, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ наряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы неидутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ, завернувшись въ медвѣжью шубу, и большею частію на обѣдъ; Петербургъ, въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу или „въ должность“. Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подыметъ съ постели раньше второго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и развѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва — кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины и ловить мелкихъ покупателей. Москва говоритъ: „коли нужно купить — сыщешь“; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ „Ренскимъ погребомъ“ и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери

вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстуки и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостинный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракъ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ: Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальных модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но —

„Дистанція огромнаго размѣра!..“

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще не слившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, англичане, нѣмцы, купцы — всѣ составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько повыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющийся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ,

въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другого мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провести время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостиницею, этому виною какая то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальностію даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалами, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ, мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя пріемиются всѣми классами. Театръ, концертъ — вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера — царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестяще, шумно, восторженно прѣжнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія, вдыхающая невольно высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы; что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія, строго обдуманная, производящая глубокостію своей ироніи смѣхъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою остротою, каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсіи и каррикатурныя гримасы природы, но тотъ электрическій, живой смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, рождается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во французскомъ театрѣ, а на русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ русскихъ піесахъ — каковы онѣ? А водевили?... Давно уже пролѣзли водевили на русскую

сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и оригинальный? Русский водевиль! право, немножко странно — странно потому, что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у французовъ, націи, не имѣющей въ характеръ своемъ глубокой, неподвижной физіогноміи; но когда русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ...¹ мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знавши на ногѣ своей ничего другого, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькій башмачокъ и чулки à jour², а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже нѣмцы — ну, кто бы могъ подумать, что нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ глубокому эстетическому наслажденію народъ, — нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ³ и другіе стали всемірными законодателями!.. Клянусь, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ. О, Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! взгляните, что дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подъ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и стражностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что всеневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необык-

¹ Шеголь.

² Ажурные.

³ Французскіе драматурги, авторы популярныхъ въ 30-ыхъ годахъ мелодрамъ.

новенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключенія, что останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностію, чистая, какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностію и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непременно новое, непременно странное, до толѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ будто въ наши европейскіе фраки переодѣлись сыны палящей Африки! Палачи, яды — эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель растроганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ то тревожномъ состояніи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенія. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закатѣ существованія, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы, какія были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или, лучше — календарь, въ которомъ записаны, съ календарною холодностію, всѣ странныя происшествія, гдѣ противъ cadaго числа выставлено: сегодня было въ такомъ то мѣстѣ такое то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ то разбойникамъ и зажигателямъ; такой то ремесленникъ зарѣзалъ тогда то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣніи будетъ потомокъ нашъ, вздумавшій искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Неудивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновеніемъ: въ нихъ наслажденіе покойно. Опера принимается у насъ очень жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ брошенъ весь Петербургъ на живую, яркую музыку „Фенеллы“, на дикую, проникнутую адскимъ наслажденіемъ, музыку „Роберта“. „Семирамида“, на которую за пять

лѣтъ передъ симъ равнодушно глядѣла публика, „Семирамида“ въ нынѣшнее время, когда музыка Россіи почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузіазмѣ, произведенномъ оперою „Жизнь за Царя“, и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россіи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣніи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензіи должны быть скучны для самихъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать, поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозревалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ „Жизни за Царя“, „Робертѣ“, „Нормѣ“, „Фенеллѣ“ и „Семирамидѣ“. Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представлений, и все-таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили все непонятнымъ языкомъ и мелькали все незнакомые люди, — возвратъ на русской тропкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, привставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: „Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!“

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національныхъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украина звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами козакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера

Глинка есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышитъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декораций; самая же сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народные танцы являются въ разныхъ углахъ міра: испанецъ пляшетъ не такъ, какъ швейцарецъ, шотландецъ, какъ тенъеровскій нѣмецъ, русскій не такъ, какъ французъ, какъ азіатецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный русскій не такъ пляшетъ, какъ малороссіянинъ, какъ славянинъ южный, какъ полякъ, какъ финнъ: у одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣшеный, разгульный, у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, проводившій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостію, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочетъ, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ, пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ, танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ, можетъ болѣе образно-образиться этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ — большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками поднимающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни

Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждаеть грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо-русскій герой, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узнаете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что же дается въ нашихъ театрахъ? — какіе-нибудь мелодрамы и водевили!.. Сердись я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещеть и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой фізіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ — великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ пьесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ непохоже на какого-нибудь пейзана, театральнаго тирана, риемоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскають беззубые авторы въ свои пьесы, какъ таскають на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное, въ продолженіе сорока лѣтъ, па. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ, даже скажетъ: „Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человѣкъ! Какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!“ Какъ будто одинъ можетъ поро-

читать все сословіе! И такая раздражительность у насъ рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните „Ревизора“...

Досадно. Право, пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ, не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно-вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: „Да это, кажется, знакомый человѣкъ“, — только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каеэдра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство...

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится, какъ вихорь, съ ледяныхъ горъ, а другою превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ, и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скорлупами орѣховъ...

Спокоенъ и грозенъ Великій постъ. Кажется, слышенъ голосъ: „Стой, христіанинъ, оглянись на жизнь свою“. На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомленный и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разговоромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они сѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величествененъ: четыреста музыкантовъ! это что то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехсотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вдрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіе поста въ петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается яснѣе. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборгской стороны. Экипажи чаще оста-

навливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій проспектъ, упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. Покойный императоръ любилъ Англійскую набережную. Она, точно, прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, что она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и дожностной, и оттого на немъ можно было получить толчковъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ...

— Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время? Кто его кличетъ къ себѣ? Великій постъ — какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ! Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь, наконецъ, займусь основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я, наконецъ, то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля; не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже середина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ Гостиномъ дворѣ, и цѣлая галлерей вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ рянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловянные обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ, — а я, и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ: уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ; уже суровѣе мысли его; менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости.

Нева вскрылась рано. Льды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истаять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро вышло и свои почти въ одно время. Столица вдругъ

измѣнилась. И шпицъ Петропавловской крѣпости, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская набережная — все получило картинный видъ. Дымясь влетѣлъ первый пароходъ. Первые лодки съ чиновниками, солдатами, старухами-няньками, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевского и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ, — это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ, — когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестялъ одинъ шпицъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается со своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошлое — болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ ясными, свѣтлыми днями Христова Воскресенья, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какого то молодца, сидѣвшаго объ руку съ какой то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеньемъ, кажется, какъ будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы послѣ Свѣтлаго Воскресенья — больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ Великимъ

постомъ или, лучше сказать, гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльмены, въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаэтоны. Книжки читаются лѣнивѣе. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтнія фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленныя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются подоблачныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе дома...

Рецензія.

Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльных имѣній въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департ. Удѣловъ. С.-П.-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ 8, 138, съ 4 чер.

Книжка замѣчательная во многихъ отношеніяхъ тѣмъ, что проливаетъ нѣкоторый статистическій свѣтъ на среднія губерніи нашей Россіи. (Книжка для статистики замѣчательна въ томъ отношеніи, что подаетъ нѣкоторую идею о земледѣліи въ разныхъ нашихъ губерніяхъ и отчасти можетъ возродить вопросъ о причинахъ различнаго его положенія въ разныхъ полосахъ государства и, можетъ быть, о средствахъ, какимъ образомъ эта статья должна разрабатываться). Всѣ удѣльныя имѣнія нынѣ округлены и заключены въ средней полосу; ихъ нѣтъ ни на югѣ, ни на сѣверѣ. Они большею частію начинаются узкимъ клиномъ отъ Москвы и тянутся на востокъ до Уральскаго хребта, захватывая земли губерній: московской, владимірской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской, пензенской, саратовской, вятской, пермской и оренбургской. — Кромѣ того (на западѣ отъ Москвы), есть еще удѣльныя имѣнія въ губерніяхъ остзейскихъ.

Упомянемъ слова два о почвѣ этой земли (какъ о главной основѣ всей промышленности), какъ первыхъ естественныхъ законахъ организаціи государственнаго хозяйства. Центральныя земли, то есть земли губерній московской, владимірской, отчасти земли костромской и нижегородской, содержатъ почву песчаную, глинистую, пересѣкаемую тундрами, иломъ, кочками; черноземъ почти не встрѣчается, — земли, требующія болѣе всего воздѣлки. Далѣе на юго-востокъ характеръ почвы измѣняется: южная часть имѣній костром-

ской и нижегородской и сѣверная губерній: казанской, симбирской и пензенской составляютъ другой отдѣлъ: въ почвѣ меньше глины, меньше тундръ, чаще черноземъ, и углубляется въ землю онъ несравненно далѣе, на шесть вершковъ. Эта почва менѣе требуетъ воздѣлки предыдущей. Южныя имѣнія губерній казанской, симбирской и пензенской и особенно вся саратовская составляютъ почти степныя пространства: почва уже чистый черноземъ, тучный, углубляющійся далеко въ землю; пески и солончаки уже исключенія и находятся только въ саратовской губерніи; земля производитъ почти безъ всякаго удобренія. Земли трехъ колоссальныхъ губерній: пермской, вятской и оренбургской представляютъ отличительный совершенно отдѣлъ почвы: въ пермской и вятской владычествуетъ лѣсъ, въ оренбургской сила растительной природы мечетъ дикія кормовыя травы по всему огромному пространству. Близость Урала и разрушающаяся горная природа даютъ новыя силы растительности. Большое количество мергеля представляетъ средство для удобренія. Почва, при небольшихъ трудахъ, можетъ превзойти ожиданія.

Но разсматривая въ этой замѣчательной книгѣ работающія силы людей, мы видимъ еще глубокое младенческое состояніе земледѣлія, несмотря на средства, доставляемыя правительствомъ. Усилія рукъ безъ сравненія малы относительно пространства земли. Орудія еще много не облегчены; привычка и давность обыкновенія еще держитъ мѣсто испытующаго опыта. Плугъ еще донинѣ тяжелъ; лѣнивый, медленный серпъ, безсильный противъ такихъ огромныхъ пространствъ, еще не изгнанъ косою.

Усилія труда болѣе видны въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ бѣднѣе почва; онѣ слабѣютъ, гдѣ почва богаче, и, наконецъ, почти не дѣйствуютъ въ губерніяхъ: пермской, вятской и оренбургской, гдѣ люда мало противъ земли, гдѣ дикая природа почвы кладетъ печать дикости и на самого человѣка.

Итакъ, что причина такого состоянія земледѣлія? Эта причина заключается, во-первыхъ, въ землѣ, — не въ почвѣ земли, но въ необыкновенномъ пространствѣ ея, еще несоразмѣрно пересиливающимъ населеніе. На тѣсномъ уголкѣ земли, хотя бы почва была безплодна, земледѣліе возникаетъ и развивается быстро; вначалѣ, вслѣдствіе первой необходимости, оно въ возрастающей степени дѣлается необходимо: его развиваютъ потребности. Какъ и человѣкъ идетъ въ

ровой прогрессіи, земля, пробуя всѣ силы его, образуетъ и утворяетъ его развитіе; человѣкъ, получая посредствомъ ея новыя средства, находитъ безпрестанно средства обогащать его. Итакъ, естественное дѣло, что земледѣліе въ Россіи еще долго будетъ идти медленно, несмотря на всѣ введенныя мѣры правительства, потому что это дѣло вѣковъ...

Вторая главная причина заключается въ людяхъ. Что же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго (sic) будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ, — и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живого, быстрого сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. Возьмите жизнь земледѣльца — скверна и вредна. У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи, — однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи. Онъ способенъ перемѣнить тотчасъ свою жизнь, но только когда вокругъ его явятся улучшенія, а побывавши въ городѣ, русскій поселянинъ уже бросаетъ земледѣліе и дѣлается промышленникомъ, и тутъ вдругъ развивается его дѣятельность, и оказывается его живая, хлопотливая природа; съ помощью живости и смѣтливости онъ въ непродолжительное время дѣлается богачомъ. — Такимъ образомъ русскій мужикъ дѣлается рѣшительно гражданиномъ всей Руси, не укрѣпляясь ни въ какомъ мѣстѣ.

Итакъ, должно ли удивляться, что у насъ земледѣліе въ младенческомъ состояніи? Часто слышны вопросы: отъ чего у насъ хуже земледѣліе, нежели въ Европѣ, и мнѣнія, какъ легко сравниться въ этомъ скоро съ Европой. Это легко сказать особливо тѣмъ, чей умъ не видитъ страшнаго преобладанія европейскаго населенія надъ землею и страшнаго преобладанія земли надъ жителями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ правительство дѣйствуетъ, руководимое глубокою мудростью: оно обращаетъ преимущественное вниманіе на земледѣліе. Земледѣль — добрый, крѣпкій ко-

ренъ государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи. Купецъ челоѣкъ продажный; всякій промышленникъ челоѣкъ подвижный: сегодня здѣсь, завтра тамъ; но земледѣльческій неподвижный элементъ государства. Одно изъ лучшихъ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи есть издаваемые отъ него результаты хозяйственныхъ отчетовъ, къ какимъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно причислить и эту книгу. Онѣ всегда ясно покажутъ дѣло и наведутъ на мысли, что и какъ нужно предпринять для улучшения дѣла.

Ночи на виллѣ.

Ночь 1-ая.

Онѣ были сладки и томительны, эти бессонныя ночи. Онѣ сидѣлъ больной въ креслахъ. Я при немъ. Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ. Онѣ безмолвно и невольно, казалось, уважалъ святыню ночного бдѣнія. Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ него, глядѣть на него. Уже двѣ ночи, какъ мы говорили другъ другу ты. Какъ ближе послѣ этого онѣ сталъ ко мнѣ! Онѣ сидѣлъ все тотъ же кроткій, тихій, покорный. Боже! съ какою радостью, съ какимъ бы веселіемъ я принялъ бы на себя его болѣзнь! И еслибъ моя смерть могла возвратить его къ здоровью, съ какою готовностью я бы кинулся тогда къ ней!

Я не былъ у него эту ночь. Я рѣшился, наконецъ, заснуть ее у себя. О! какъ пошла, какъ подла была эта ночь вмѣстѣ съ моимъ презрѣннымъ сномъ! Я дурно спалъ ее, несмотря на то, что всю недѣлю проводилъ ночи безъ сна. Меня терзали мысли о немъ. Мнѣ онѣ представлялся молящій, упрекающій. Я видѣлъ его глазами души. Я поспѣшилъ на другой день поутру и шелъ къ нему, какъ преступникъ. Онѣ увидѣлъ меня, лежащій въ постели. Онѣ усмѣхнулся тѣмъ же смѣхомъ ангела, которымъ привыкъ усмѣхаться. Онѣ далъ мнѣ руку. Пожалъ ее любовно. „Измѣнникъ!“ сказалъ онѣ мнѣ: „ты измѣнилъ мнѣ“. — „Ангелъ мой!“ сказалъ я ему: „прости меня. Я страдалъ самъ твоимъ страданіемъ. Я терзался эту ночь. Не спокойствіе былъ мой отдыхъ: прости меня!“ Кроткій! онѣ пожалъ мою руку! Какъ я былъ полно вознагражденъ тогда за страданія, нанесенныя мнѣ моею глупо проведенною ночью! — „Голова моя тяжела“, сказалъ онѣ.

Я сталъ его обмахивать вѣткою лавра. „Ахъ! какъ свѣжо и хорошо!“ говорилъ онъ. Его слова были тогда... что они были... Что бы я далъ тогда, какихъ бы благъ земныхъ, презрѣнныхъ, этихъ подлыхъ, этихъ гадкихъ благъ... нѣтъ! о нихъ не стоитъ говорить! Ты, кому попадутся, — если только попадутся, — въ руки эти нестройныя, слабыя строки, блѣдныя выраженія моихъ чувствъ, — ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебѣ. Ты поймешь, какъ гадка вся груда сокровищъ и почестей, эта звенящая приманка деревянныхъ куколъ, названныхъ людьми. О, какъ бы тогда весело, съ какою бъ злостью растопталъ и подавилъ все, что сыплется отъ могучаго скиптра полночнаго царя, еслибъ только зналъ, что за это куплю усмѣшку, знаменующую тихое облегченіе, на лицѣ его!

„Что ты приготовилъ для меня такой дурной май?“ сказалъ онъ мнѣ, проснувшись, сидя въ креслахъ, услышавъ шумѣвшій за стеклами оконъ вѣтеръ, срывавшій благовонія съ цвѣвшихъ дикихъ жасминовъ и бѣлыхъ акацій и клубившій ихъ вмѣстѣ съ листьями розъ

Въ 10 часовъ я сошелъ къ нему. Я его оставилъ за 3 часа до этого времени, чтобъ отдохнуть немного и приготовить ему, чтобъ доставить какое-нибудь разнообразіе, чтобы мой приходъ потомъ былъ ему пріятнѣе. Я сошелъ къ нему въ 10 часовъ. Онъ уже болѣе часу сидѣлъ одинъ. Гости, бывшіе у него, давно ушли. Онъ сидѣлъ одинъ. Томленіе скуки выражалось на лицѣ его. Онъ меня увидѣлъ. Слегка махнулъ рукой. „Спаситель ты мой!“ сказалъ онъ мнѣ. Они еще донинѣ раздаются въ ушахъ моихъ, эти слова. „Ангель ты мой! ты скучалъ?“ — „О, какъ скучалъ!“ отвѣчалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ его въ плечо. Онъ мнѣ подставилъ свою щеку. Мы поцѣловались; онъ все еще жалъ мою руку.

Ночь 8-ая.

Онъ не любилъ и не ложился почти вовсе въ постель. Онъ предпочиталъ свои кресла и то же свое сидячее положеніе. Въ ту ночь ему докторъ велѣлъ отдохнуть. Онъ приподнялся неохотно и, опираясь на мое плечо, шелъ къ своей постелѣ. Душенька мой! Его уставшій взглядъ, его теплый пестрый сюртукъ, медленное движеніе шаговъ его — все это я вижу, все это передо мною. Онъ сказалъ мнѣ на ухо, прислонившись къ плечу и заглянувши на постель: „Теперь я пропавшій чело-

вѣкъ“. — „Мы всего только полчаса останемся въ постелѣ“, сказалъ я ему: „потомъ перейдемъ вновь въ твои кресла“. Я глядѣлъ на тебя, мой милый, нѣжный цвѣтъ! Во все то время, какъ ты спалъ или только дремалъ на постелѣ и въ креслахъ, я слѣдилъ твои движенія и твои мгновенія, прикованный непостижимою къ тебѣ силою.

Какъ странно-нова была тогда моя жизнь и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, я читалъ въ ней повтореніе чего то отдаленнаго, когда то давно бывшаго! Но, мнѣ кажется, трудно дать идею о ней: ко мнѣ возвратился летучій, свѣжій отрывокъ моего юношескаго времени, когда молодая душа ищетъ дружбы и брата между молодыми своими сверстниками и дружбы рѣшительно юношеской, полной милыхъ, почти младенческихъ, мелочей и наперерывъ оказываемыхъ знаковъ нѣжной привязанности; когда сладко смотрѣть очами въ очи, когда весь готовъ на пожертвованія, часто даже вовсе ненужныя. И всѣ эти чувства, сладкія, молодые, свѣжія, — увы! жители невозвратимаго міра, — всѣ эти чувства возвратились ко мнѣ. Боже! зачѣмъ? Я глядѣлъ на тебя, милый мой молодой цвѣтъ. Затѣмъ ли пахнуло на меня вдругъ это свѣжее дуновеніе молодости, чтобы потомъ вдругъ и разомъ я погрузился еще въ большую мертвящую остылость чувствъ, чтобы я вдругъ сталъ старѣе цѣлымъ десяткомъ, чтобы отчаяннѣе и безнадежнѣе я увидѣлъ исчезающую мою жизнь? Такъ угаснувшій огонь еще посылаетъ на воздухъ послѣднее пламя, озарившее трепетно мрачныя стѣны, чтобы потомъ скрыться навѣки.

Учебная книга словесности для русскаго юношества.

Начертаніе Н. Гоголя.

Проспектъ.

Въ двухъ большихъ томахъ: въ первомъ — часть поэтическая, во второмъ — часть прозаическая. — Каждый томъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой половинѣ изложеніе правилъ, или теорія, во второй — примѣры. Первая половина, то есть правила, должна быть напечатана большими четкими литерами всплошь (sic), не раздѣляя на столбцы, съ широкимъ бордюромъ вокругъ, дабы не слишкомъ велика была квадра, — съ пробѣлами и разстановками; вторая же половина, или примѣры, должна быть напечатана тѣсно въ два столбца мелкимъ шрифтомъ и вокругъ, вмѣсто бордюра, одна тоненькая линейка или черта. Заглавія тѣ же и въ правилахъ, и въ примѣрахъ, и должны быть занумерованы тѣми же номерами, — дабы вдругъ можно было, по прочтеніи правила, найти ему соотвѣтствующіе и принадлежащіе примѣры.

О наукѣ.

Наука у насъ еще не разрабатывается, какъ полное цѣлое; еще не думаютъ о совокупленіи ея въ цѣльное крѣпкое ядро. Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются не переварившіяся европейскія мнѣнія, и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостинныхъ спорахъ и разговорахъ: всего нанесено и все не переварилось. А между тѣмъ, только въ одной русской головѣ (если только эта голова устоялась) возможно со-

зданіе науки, какъ науки, и русскій умъ войдетъ въ сокъ свой. Наука, окинутая русскимъ взглядомъ, все-озирающимъ, расторопнымъ, отрѣшившимся отъ всѣхъ стороннихъ вліяній...

Ибо русскій отрѣшился даже отъ самого себя, чего не случалось доселѣ ни съ однимъ народомъ. Нѣмцу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, не отрѣшиться отъ нѣмца; французу, о чемъ бы онъ ни говорилъ, во всѣхъ его мнѣніяхъ и словахъ будетъ слышенъ французъ; англичанину и подавно болѣе всѣхъ нельзя отдѣлиться отъ своей природы. Стало быть, полное безпристрастіе возможно только въ русскомъ умѣ, и всесторонность ума можетъ быть доступна одному только русскому, разумѣется, при его полномъ и совершенномъ воспитаніи. Къ этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малѣйшіе оттѣнки другихъ націй и, наконецъ, живое и мѣткое наше слово, не описывающее е, но отражающее, какъ въ зеркалѣ, предметъ. Наука у насъ непременно дойдетъ до своего высшаго значенія и поразить самымъ существомъ, а не красноречіемъ преподавателя, его даромъ рассказывать, или же примѣненіями къ тому, что интересуетъ моду, и всякими другими нарумяниваніями и подслащиваніями, которыми стараются сдѣлать науку заманчивою и удобопроглотимою. Она поразить у насъ всѣхъ своимъ живымъ духомъ, изъ нея же исходящимъ, и симъ только станетъ доступною всѣмъ: и простолюдину, и не простолюдину (sic). Ея сила будетъ въ ея многозначительномъ краткословіи, а краткословія этого, сколько мнѣ кажется, не добыть никому изъ народовъ, кромѣ русскаго, ибо сама природа наша требуетъ его. Намъ не нужно то постепенное, медленное развитіе мыслей, не прерывающійся исходъ и выводъ одного изъ другого, безъ котораго нѣмецъ не ступитъ шага и не пойдетъ по дорогѣ. У насъ, напротивъ, всякій скучаетъ, начиная отъ образованнаго до простолюдина, когда ему дается слишкомъ долгая инструкція, и толкуютъ то, что онъ и самъ уже смекнулъ, и не можемъ идти шагъ за шагомъ такъ, какъ идетъ нѣмецъ. Отсюда неуспѣхъ всякаго изложенія науки ходомъ нѣмецкой философіи. Прослѣди лучше нашъ ученый самъ въ себѣ науку, прежде чѣмъ сталъ ее проповѣдывать; проживи такъ въ бесѣдѣ съ нею, какъ монахъ живетъ съ Богомъ, наложивъ молчаніе на уста свои. И когда уже совокупилась въ тебѣ самомъ наука въ одно крѣпкое ядро, и содержишь ее въ головѣ всю въ неразрушаемой связи, тогда можешь проповѣдывать ее. И нечего уже тогда плестись: не бойсь, нити не потеряешь, когда она въ

головѣ. Несись ровными и мѣрными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, какъ добрый ямщикъ, который ни лошадей не горячитъ, ни самъ не горячится, несется не подлой рысцей, не во всю прыть, не сломя голову, а тѣмъ веселящимъ сердце летомъ, съ какимъ началъ дорогу, и прилетаетъ на станцію, не заморивъ коней, ни себя самого. Иной ѣзды мы не любимъ. Смѣло поступи, какъ нашъ сказочный конь: мелкіе кусты и терновникъ промежъ ногъ пропускаетъ. Помни, что говоришь ты русскимъ: смекнуть! Не заботься: тебя поймутъ, — смѣтливость — наше свойство, и у насъ давно живетъ пословица: „умный поплъ хотъ губами шевели, а мы, грѣшные, догадываемся“.

Что такое слово и словесность?

Говорится все, записывается немногое, и только то, что нужно. Отсюда значительность литературы. Все, что должно быть передано отъ отцовъ къ сыновьямъ въ наученіе, а не то, что болтаетъ модный людъ, то должно быть предметомъ словесности. Поэтому только тотъ, кто больше, глубже знаетъ каждый предметъ, кто имѣетъ сказать что-либо новое, тотъ только можетъ быть литераторомъ. Поэтому злоупотребленіе, если кто пишетъ безъ надобности или потребности внутренней передать свои убѣжденія, кто пишетъ только затѣмъ, чтобы писать. Поэтому для того, чтобы писать, нужно имѣть или очень много свѣдѣній и познаній не общихъ всѣмъ, — тогда писанья его будутъ принадлежать къ области науки; или же изобиліе ощущеній и опытности, — тогда онъ поэтъ, и его произведенія принадлежатъ области поэтической.

Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себѣ предметъ, о которомъ говорить.

Письменностью или словесностью называютъ сумму всего духовнаго образованія человѣка, которое передано было когда-либо словомъ или письмомъ. Но въ самомъ дѣлѣ словесность не есть сумма всѣхъ познаній человѣческихъ. Она не есть также сама въ себѣ что-либо существенное. Она есть только образъ, которымъ передаетъ человѣкъ человѣку все имъ узнанное, найденное, почувствованное и открытое, какъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій, такъ и въ мірѣ явленій внутреннихъ, происходящихъ въ собственной душѣ его. Ея дѣло въ томъ, чтобы передать это въ видѣ яснѣйшемъ, живѣй-

шемъ, способномъ остаться навѣки въ памяти. Открытіемъ тайны такового живого передаванія занимается наука словесности. Но научить этой тайнѣ не можетъ наука словесности никого, такъ же какъ никакой наукѣ и никакому искусству нельзя научиться въ такой степени, чтобы быть мастеромъ, а не ремесленникомъ, — если не даны къ тому способности и орудія въ насъ самихъ. Но при всемъ томъ наука словесности такъ же нужна, какъ для всякаго другого знанія нужна наука. Нужно для того, чтобы ввести въ сущность дѣла, показать, въ чемъ дѣло, дабы, если точно есть въ насъ способности, силы, — навести ихъ на путь, вдвинуть ихъ въ надлежащую колею; дабы, какъ по углаженной дорогѣ, быстрѣе устремилось бы (sic) ихъ развитіе. Если жъ нѣтъ способностей, то чтобы зналъ учащійся, чего требуетъ предметъ этотъ; — видѣлъ бы всю великость того, чего онъ требуетъ, и не отважился бы вслѣдъ за другими приниматься за ея роды высокіе, или же просто несвойственные его свойству (sic), а выбралъ бы оружіе по рукѣ. Ибо словесность обширна, объемлетъ все, и нѣтъ человѣка, который не былъ бы способенъ для какого-нибудь ея рода, если только есть въ головѣ его разумъ, и можетъ онъ о чемъ-нибудь порядочно размыслить.

Есть два языка словесности, двѣ одежды слова, два слишкомъ отличныхъ рода выраженій: одинъ слишкомъ возвышенный, весь гармоническій, который не только живымъ, картиннымъ представленіемъ всякой мысли, самыми чудными сочетаніями звуковъ усиливаетъ силу (sic) выраженій и тѣмъ живѣй выдаетъ жизнь всего выражаемаго, родъ доступный весьма немногимъ и симъ даже немногимъ доступный только въ минуты глубоко растроганнаго состоянія душевнаго и гармоническаго настроенія чувствъ, называемый поэтическимъ, высшимъ языкомъ человѣческимъ, или, какъ называли всѣ народы, языкомъ боговъ; — и другой, простой, не ищущій слишкомъ живыхъ образовъ, картинности выраженія, ни согласныхъ сочетаній въ звукахъ, предающійся естественному ходу мыслей своихъ въ самомъ покойномъ расположеніи духа, въ какомъ способенъ находиться всякій, — родъ прозаическій. Онъ всѣмъ доступный, хотя между тѣмъ можетъ непримѣтно возвыситься до поэтическаго состоянія и гармоніи, по мѣрѣ того, какъ доведется къ такому растроганному настроенію душевному, до котораго также можетъ достигнуть всякій человѣкъ въ душевныя, истинныя минуты. Само собою разумѣется, что какъ въ томъ родѣ, такъ и въ этомъ есть тысячи оттѣнковъ и ступеней высшихъ и низшихъ, изъ кото-

рыхъ однѣ даются въ удѣлъ только необыкновеннымъ геніямъ, другія — счастливымъ талантамъ, и, наконецъ, третьи — почти всѣмъ сколько-нибудь способнымъ людямъ. Само собою также разумѣется, что иногда тотъ и другой родъ врываются въ предѣлы другъ друга, и то, что иногда поэзія можетъ снисходить почти до простоты прозаической, и проза возвышаться до величія поэтическаго. Но тѣмъ не менѣе, они составляютъ два отдѣльные рода человѣческой рѣчи. Отдѣлъ этотъ слишкомъ явственъ и рѣзокъ. Слова поэзія и проза произносятся въ такомъ же противорѣчащемъ другъ другу значеніи, какъ слова день и ночь.

О поэзіи.

Родникъ поэзіи есть красота. При видѣ красоты возбуждается въ человѣкѣ чувство хвалить ее, пѣснословить и пѣть, — хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовалъ красоту имъ восхваляемаго. Поэтъ только тотъ, кто болѣе другихъ способенъ чувствовать красоту творенія. Потребность подѣлиться своими чувствами воспламеняетъ его и превращаетъ въ поэта. (Въ минуту же такого превращенія она освящаетъ и очищаетъ самую душу, потому что самое желаніе заставить и другихъ восчувствовать красоту Божьяго творенія есть уже желаніе высокое, восперяющее его и дающее ему силу). Двумя путями передаетъ онъ другимъ ощущенія: или отъ себя самого лично, — тогда поэзія его лирическая; или выводитъ другихъ людей и заставляетъ ихъ дѣйствовать въ живыхъ примѣрахъ, — тогда поэзія его драматическая и повѣствующая. Третій родъ — такъ называемый описательный, или дидактическій, можетъ входить равно въ оба рода, но не есть самъ по себѣ путь, которымъ передаетъ свои впечатлѣнія поэтъ.

О поэзіи лирической.

Поэзія лирическая есть портретъ, отраженіе и зеркало собственныхъ высшихъ движеній души поэта, его самонужнѣйшія замѣтки, біографія его восторгновеній. Она есть, начиная отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея родовъ, не что иное, какъ отчетъ ощущеній самого поэта. Гремить ли онъ въ одѣ, поетъ ли въ пѣснѣ, жалуется ли въ элегій, или же повѣствуетъ въ балладѣ, повсюду высказываетъ личныя тайны собствен-

ной души поэта. Словомъ, она есть чистая личность самого поэта и чистая правда. Ложь въ лирической поэзіи опасна, ибо обличить себя вдругъ надутостью: готъ, кто имѣетъ чутье поэта, вмигъ ее услышитъ и называетъ лжецомъ надѣвшаго маску поэта. Она обширна и объемлетъ собою всю внутреннюю біографію человѣка, начиная отъ его высокихъ движеній, возвышающихъ въ немъ небесное происхожденіе въ одѣ, и до самыхъ обыкновенныхъ, обличающихъ его чувственное происхожденіе въ пѣснѣ и въ мелкомъ антологическомъ сочиненіи, почти прозаическихъ и чувственныхъ въ мелкомъ антологическомъ стихотвореніи, въ которомъ онъ желаетъ отыскать сторону поэтическую.

Оды, гимны и лирическія воззванія.

Ода есть высочайшее, величественнѣйшее, полнѣйшее и строжайшее изъ всѣхъ поэтическихъ созданій. Ея предметомъ можетъ послужить только одно высокое: ибо одно высокое можетъ только внушить душѣ то лирическое, торжественное настроеніе души, какое для нея нужно и безъ какого не произвести оды поэту, какъ бы великъ онъ ни былъ. Посему и предметъ одѣ или самъ источникъ всего — Богъ, или то, что слишкомъ близко высокою чувствъ своихъ къ Божественному. Нужно слишкомъ быть проникнуто святыней предмета, нужно долго носить въ себѣ самомъ высокій предметъ, сродниться съ нимъ, облагодухаться имъ самому, — дабы быть въ силахъ произвести оду. Минутное же восторженіе святыней предмета можетъ произвести гимнъ, а не оду. Ода требуетъ высокаго торжественнаго спокойствія, а не порыва. Она не летитъ вверхъ, какъ гимнъ, но какъ бы пребываетъ все на равной высотѣ, паря, а не улета. И потому всегда въ равносильныхъ и равномерныхъ строфахъ и при свободѣ своей сохраняетъ въ себѣ строгій порядокъ. Гимнъ не имѣетъ тѣхъ качествъ. Онъ есть первое изліяніе чувствъ, которыя просятся изъ души въ наружу (sic). Онъ безпорядоченъ, какъ самыя сильно возбужденныя въ насъ чувства, которыя стремятся только поскорѣй выразиться, не думая о томъ, откуда и съ чего приличнѣе начать: и начинается онъ и оканчивается, гдѣ ему вздумается, имѣя вожатымъ одно вдохновеніе, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство. Онъ рѣдко сдерживаетъ себя границами размѣренныхъ строфъ, но льется безстрофно, быстро, какъ ручьи возбужденныхъ чувствъ, и прекра-

пается вдругъ, неожиданно, быстро. Поэтому это изліяніе благодаренія душевнаго, чаще всего его предметъ, или же восхваленіе того, что возбудило въ немъ такое чувство. Гимнъ и восхваленіе почти синонимы. Есть еще родъ лирическихъ стихотвореній, которыя составляютъ средину между одой и гимномъ: только приобрътаютъ нѣкоторый порядокъ размѣренныхъ строфы и нѣкоторое спокойствіе, — хотя не имѣютъ еще той великой полноты и просторной рамы, какъ принадлежитъ одѣ. Тогда ихъ называютъ поэты стансами, то есть просто строфами. Наконецъ, есть родъ, уступающій всѣмъ тремъ въ полнотѣ, который можно назвать лирическими воззваніями, которыя заключаютъ въ себѣ какъ бы одинъ только кличъ, вопль, возгласъ, приглашеніе или крикъ, возбуждающій къ чему-либо другихъ. Онъ бываетъ быстръ, кратокъ, но, тѣмъ не менѣе, возвышенъ, иногда даже слишкомъ высокъ своею лаконическою силою, и чрезъ то имѣетъ право причисляться къ высокому лирическому роду, становясь наряду съ одою.

Пѣсня.

Пѣсня составляетъ самый богатѣйшій отдѣлъ поэзіи у народовъ славянскихъ. Преобладаніе поэтическаго элемента въ глубинѣ славянской души и особенное мелодическое расположеніе нашего языка были причиною происхожденія безчисленнаго множества пѣсенъ въ нашей словесности, которыя уже и вдревлѣ (sic), когда слова не записывались, и словесность, не переходя въ письменность, оставалось въ буквальномъ смыслѣ словесностью, составляли наше достояніе. Впослѣдствіи, когда болѣе и болѣе наши поэты стали входить въ развитіе собственнаго поэтическаго духа, пѣсня явилась, какъ необходимое выраженіе всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя обнимали душу самого поэта, пробуждали въ немъ лирическое чувство. Она сдѣлалась какъ бы исторіей поэтическихъ ощущеній поэта, которыя слишкомъ нѣжны для оды и не восходятъ до той превыспренности, — но зато ощущается гораздо чаще, нежели тѣ, которыя служатъ предметомъ оды. А потому рѣдкій изъ нашихъ поэтовъ не оставилъ прекрасныхъ образцовъ, не говоря уже о Пушкинѣ, который является, какъ царь, среди этой области, и котораго всякое лирическое сочиненіе, какъ только появлялось въ свѣтъ, въ тотъ же мигъ перекладывалось на музыку и распѣвалось отъ необыкновеннаго обилія мелодіи въ

звукахъ. Жуковскій, Батюшковъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Языковъ, Козловъ, Баратынскій, Туманскій, Лермонтовъ подарили поэзію нашу множествомъ самыхъ мелодическихъ пѣсенъ. Пѣсня обнимаетъ все: всѣ чувства и ощущенія жизни, и потому можетъ дѣлиться на множество разныхъ родовъ; можетъ изображать уединеніе, внутреннія движенія и поэтическія мечты поэта, можетъ выражать страсть и любовь, можетъ быть застольной, и выражать веселье души и грусть; можетъ изображать картину или состояніе другого, какъ въ романсѣ, переходя отъ диѳирамба до тихой элегической задумчивости. Словомъ, все, что ни приводитъ къ настроенному состоянію духъ, есть уже ея предметъ, — хотя это не есть та величаяя, высокая восторженность, какъ въ одѣ, возвышенная уже самымъ величіемъ взятаго предмета. Въ пѣснѣ восторгъ какъ бы утишенный, — это ликованіе духа уже послѣ самага дѣла, произведшаго великій восторгъ празднества во время отдыха. Какъ бы позабывъ самый предметъ своей радости, поющій хочетъ потеряться въ гармоническихъ звукахъ. Посему въ пѣснѣ почти музыкальная стройность строфъ, умѣстныя повторенія и счастливыя возвращенія къ тому же составляютъ необыкновенную прелесть пѣсни. Ея строфы гораздо короче, нежели строфы оды. Строфы длинныя или тяжеловѣсныя ей не приличны: чрезъ это пѣсня будетъ неудобна для пѣнья. Она никакъ тоже не должна быть и длинна потому, что и впечатлѣнія всѣ быстры.

Сочиняющій пѣсню долженъ какъ бы слышать въ то же время ея внутреннюю музыку, дающую тайный размѣръ и стихамъ, и строфамъ. Лучшія пѣсни сочинялись въ самую минуту пляски, пиршества и вызывались ударомъ смычка, свистомъ волынки, звономъ стакановъ, мѣрнымъ ударомъ стопъ. Отъ этого онѣ получаютъ то невыразимо-мелодическое свойство звуковъ, составляющее такую прелесть въ пѣсняхъ народныхъ.

Самыя поэтическія мечты и нѣжныя внутреннія изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны пѣсни, когда онѣ не мечтались въ его воображеніи, а какъ бы пѣлись въ самой душѣ поэта.

Элегія.

Элегія есть какъ бы покойное изложеніе чувствъ, постоянно въ насъ пребывающихъ, не тѣхъ великихъ и сильныхъ, которыя пробуждаются въ насъ мгновенно

при воззрѣніи на предметы великіе, не тѣхъ, которыя, подобно святынь, сохранно пребывая въ глубинѣ души, стремятъ на великіе подвиги человѣка, — но тихихъ, болѣе ежедневныхъ, болѣе дружныхъ съ обыкновеннымъ состояніемъ человѣка. Это сердечная исторія, то же, что дружеское откровенное письмо, въ которомъ выказываются сами собою излучины и состоянія внутреннія души. Въ сравненіи съ одой и гимномъ она слишкомъ отступила далеко въ лиризмъ. Лирическій свѣтъ ея передъ свѣтомъ гимна, что свѣтъ луны передъ солнцемъ. Ее бы можно было назвать дидактическимъ и описательнымъ сочиненіемъ, еслибы она не была изліяніемъ умягченнаго и слишкомъ нѣжнаго состоянія души, подвигнутаго на тихую исповѣдь, которая не можетъ излиться безъ душевной лирической теплоты. Все въ ней тихо. Что вызываетъ какъ бы громомъ гремящаго оркестра въ одѣ, поется въ пѣснѣ, — въ ней произносится речитативомъ. Подобно сердечному письму, она можетъ быть и коротка, и длинна, скупа на слова и неистощимо-говорлива, можетъ обнимать одинъ предметъ и множество предметовъ, по мѣрѣ того, какъ близки эти предметы ея сердцу. Чаще всего носить она одежду меланхолическую, чаще всего въ ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно въ такія минуты ищетъ сердце высказаться и бываетъ говорливо.

Дума.

Дума есть родъ стихотвореній не заимствованный ни откуда, но образовавшійся у славянъ. Пѣсни сѣверныхъ конунговъ имѣютъ съ ней нѣкоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержаніемъ избираются таинственныя поэтическія преданія, неясныя, шевелящія и пугающія воображеніе явленія. Въ ней ничего нѣтъ такого, что бы было не объяснено, неопредѣленно и заманивало бы самой поэтической своею неопредѣленностью. Напротивъ, въ ней все опредѣленно и ясно. Ея предметъ — происшествіе истинно историческое, дѣйствительно бывшее, или же преданіе, такъ живо хранящееся въ народѣ, что сама исторія внесла его въ свои страницы. Думы могутъ быть только объ однихъ историческихъ лицахъ. Этотъ родъ можно бы скорѣй причислить къ сочиненіямъ повѣствовательно-драматическимъ, еслибы думы не распѣвались, подобно пѣснямъ, нашими старцами-слѣпцами, хотя и речитативомъ, и еслибы не писались мѣрными строфами, среди

которыхъ многія есть отзывныя и повторяющія, дающія гармоническое округленіе піесѣ — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть піесни.

Поэзія повѣствовательная или драматическая.

Поэзія повѣствовательная, въ противоположность лирической, есть живое изображеніе красоты предметовъ, движенія мыслей и чувствъ внѣ самого себя, отдѣльно отъ своей личности, до такой степени, что чѣмъ болѣе авторъ умѣетъ отдѣлиться отъ самого себя и скрыться самъ за лицами, имъ выведенными, тѣмъ болѣе успѣваетъ онъ, и становится сильнѣй и живѣй въ этой поэзіи; чѣмъ меньше умѣетъ скрыться и воздержаться отъ вмѣшиванья своей собственноти, тѣмъ болѣе недостатковъ въ его твореніи, тѣмъ онъ безсильнѣй и вялѣе въ своихъ представленіяхъ. Значительность поэзіи повѣствовательной или драматической увеличивается по мѣрѣ того, какъ поэтъ стремится доказать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призываетъ въ дѣйствіе живыя лица, изъ которыхъ каждое своей правдивостью и вѣрнымъ сколкомъ съ природы увлекаетъ вниманье читателя и, разыгрывая роль свою, ему данную авторомъ, служитъ къ доказательству его мысли. По мѣрѣ того, чѣмъ совершается это естественнѣй, и все происшествіе кажется живымъ, естественнымъ случаемъ, недавно случившимся, — между тѣмъ какъ внутренно двигнуто глубокимъ логическимъ выводомъ ума. Тогда сочиненіе живое, драматическое и кипящее предъ очами всѣхъ, становится съ тѣмъ вмѣстѣ въ высшей степени дидактическое и есть верхъ творчества, доступнаго однимъ только великимъ геніямъ.

Значительность поэзіи драматической или повѣствовательной уменьшается по мѣрѣ того, какъ авторъ теряетъ изъ виду значительную и сильную мысль,двигающую его на творчество, и есть простой списыватель сценъ, передъ нимъ происходящихъ, не приводя ихъ въ доказательство чего-нибудь такого, что нужно сказать свѣту. Тогда значительность самаго происшествія имъ управляетъ, и онъ получаетъ только отъ него свою значительность, хотя она и не въ немъ, но въ происшествіи, и достоинство его въ чутьѣ и умѣньѣ выбрать происшествіе.

Пространство и предѣлы этой поэзіи драматически-

повѣствовательной велики. Она объемлетъ въ себѣ безчисленные роды, начиная съ самыхъ величайшихъ: эпопеи и драмы — до самыхъ мелкихъ: басни или притчи.

Эпопея.

Величайшее, полнѣйшее, огромнѣйшее и многостороннѣйшее изъ всѣхъ созданій драматическо-повѣствовательныхъ есть эпопея. Она избираетъ въ героѣ всегда лицо значительное, которое было въ связяхъ, въ отношеніяхъ и въ соприкосновеніи со множествомъ людей, событій и явленій, вокругъ котораго необходимо долженъ созидаться весь вѣкъ его, и время, въ которое онъ жилъ. Эпопея объемлетъ не нѣкоторыя черты, но всю эпоху времени, среди котораго дѣйствовалъ герой съ образомъ мыслей, вѣрованій и даже познаній, какія сдѣлало въ то время человѣчество. Весь міръ на великое пространство освѣщается вокругъ самого героя, и не одно частное лицо, но весь народъ, а и часто и многіе народы совокупляются въ эпопею, оживаютъ на мигъ и возстаютъ точно въ такомъ видѣ передъ читателемъ, въ какомъ представляетъ только намеки и догадки исторія. Поэтому то эпопея есть созданіе всемірное, принадлежащее всѣмъ народамъ и вѣкамъ, долговѣчнѣйшее, не старѣющееся и вѣчно живое, и потому вѣчно повторяющееся въ устахъ. — Высокое совершенство всѣхъ качествъ нужно соединить въ себѣ поэту сверхъ высочайшаго генія. Посему явленія эти слишкомъ рѣдки въ мірѣ и кромѣ одного Гомера, то есть кромѣ двухъ эпопей „Иліады“ и „Одиссеи“, врядъ ли есть другія, вполнѣ вмѣщающія въ себѣ ту полноту, видимость и многосторонность, какой требуетъ эпопея. Сравнивая съ Гомеромъ всѣхъ другихъ эпиковъ, видимъ только, какъ входятъ они въ частности, и несмотря даже на явное желаніе захватить и объять много, стѣсняють предѣлы своего значенія: всемірное уходитъ у нихъ изъ вида, и эпопея превращается даже въ явленіе частное. Съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и та величавая безыскусственная простота, которая является у великаго патріарха всѣхъ поэтовъ, такъ что весь погаснувшій древній міръ является у него въ томъ же сіяніи, освѣщенный тѣмъ же солнцемъ, какъ бы не погасалъ вовсе, дабы сохраниться навѣки живымъ въ памяти всего человѣчества.

Меньшіе роды эпопей.

Въ новые вѣки произошелъ родъ повѣствовательныхъ сочиненій, составляющихъ какъ бы средину между романомъ и эпопеей, героемъ котораго бываетъ хотя частное и невидное лицо, но однакоже значительное во многихъ отношеніяхъ для наблюдателя души человѣческой. Авторъ ведетъ его жизнь сквозь цѣпь приключеній и перемѣнъ, дабы представить съ тѣмъ вмѣстѣ вживѣ вѣрную картину всего значительнаго въ чертахъ и правахъ взятаго имъ времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатковъ, злоупотребленій, пороковъ и всего, что замѣтилъ онъ во взятой эпохѣ и времени, достойнаго привлечь взглядъ всякаго наблюдательнаго современника, ищущаго въ быломъ, прошедшемъ живыхъ уроковъ для настоящаго. Такія явленія отъ времени до времени появлялись у многихъ народовъ. Многія изъ нихъ хотя писаны и въ прозѣ, но, тѣмъ не менѣе, могутъ быть причислены къ созданіямъ поэтическимъ. Всемирности нѣтъ, но есть и бываетъ полный эпическій объемъ, замѣчательный частными явленіями; по мѣрѣ того, какъ они поэтически (sic), поэтъ становится и въ образѣ поэта облакаетъ въ стихи.

Такъ Аріостъ изобразилъ почти сказочную страсть къ приключеніямъ и къ чудесному, которымъ была занята на время вся эпоха, а Сервантесъ посмѣялся надъ охотой къ приключеніямъ, оставшимся, какъ рококо, въ нѣкоторыхъ людяхъ, въ то время, когда уже самый вѣкъ вокругъ нихъ перемѣнился, тотъ и другой сжились съ взятою ими мыслью. Она наполняла неотлучно умъ ихъ, и потому пріобрѣла обдуманную, строгую значительность, сквозитъ повсюду и даетъ ихъ сочиненіямъ малый видъ эпопей, несмотря на шутливый тонъ, на легкость и даже на то, что одна изъ нихъ писана въ прозѣ.

Эклога и Идиллія.

Есть родъ драматическихъ описательныхъ произведеній, которымъ издавна уже дано имя эклогъ и идиллій и которыя вообще называются пастушескими. Эти два рода соединяютъ весьма несправедливо вмѣстѣ и еще несправедливѣй смѣшиваютъ одно съ другимъ. Чтобы видѣть существенное различіе между ними, поговоримъ о каждомъ родѣ отдѣльно: сначала объ эклогѣ, потомъ — объ идилліи.

Эклога.

Эклога есть слово греческое и значить просто: „избранная піеса“. Тѣ сочиненія, которыя называлъ Виргилій эклогами, имѣютъ только внѣшній видъ сельскихъ или пастушескихъ стихотвореній. Пастухи его препираются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи, и пѣснопѣнья такъ возвышенны, что пріемлютъ видъ одъ, гимновъ, ничуть не уступая въ возвышенности содержанія одамъ Горация, такъ что вслѣдствіе сего произвольно взятое имя эклога стало выражать въ нашихъ понятіяхъ состязаніе двухъ или многихъ между собою въ пѣснопѣніи или восхваленіи чего-либо. Словомъ, какъ бы это было лирическое произведеніе, но облеченное въ драматическую форму. Лица берутся не для нихъ самихъ, но для того, что должны они рассказать. Ихъ собственное драматическое значеніе ничтожно. Они рисуютъ другъ другу, начертываютъ одинъ другому картину того, чего не захотѣлъ поэтъ сказать отъ себя собственно. Они не свои выражаютъ страсти, не сами дѣйствуютъ, но повѣствуютъ о событіяхъ другихъ, и восхваляютъ внѣ ихъ находящіеся предметы, иногда даже вовсе выходящіе изъ ихъ быта. Посему эклога есть скорѣй возвышенное стихотвореніе, чѣмъ скромное сельское. Эклогой можно назвать состязаніе Гомера съ Гезіодомъ, прекрасно передѣланное изъ Мильвуа Батюшковымъ. Эклогой можно назвать разговоръ двухъ шамановъ о завоеваніяхъ Ермака, Дмитріева. Эклогой можно назвать стихотворенія Катенина, гдѣ поэтъ грекъ и поэтъ славянинъ, состязаются другъ съ другомъ въ пѣснопѣніи. Наконецъ, эклогами можно назвать всѣ тѣ картинно-лирическія стихотворенія, которыя съ недавняго времени введены нашими поэтами, которыя имѣютъ наружный видъ препираній, разговоровъ и споровъ между предметами неодушевленными, но которыхъ, однакоже, поэтъ одушевляетъ и заставляетъ ихъ рассказывать другъ другу въ картинномъ видѣ событіе, служащее къ проявленію той мысли, которая занимала самого поэта. Таковъ, на примѣръ, „Споръ“ у Лермонтова: Машукъ¹ съ Шатъ-горою спорятъ о будущей судьбѣ Кавказа. Таковы споры городовъ и рѣкъ, пріемлющихъ на время видъ одушевленныхъ лицъ, которыя теперь весьма часто являются у нашихъ поэтовъ.

¹ Казбекъ.

Идиллія.

Хотя съ мыслью объ идилліи соединяють мысль о пастушескомъ и сельскомъ бытѣ; но предѣлы ея шире, и могутъ обнимать быть многихъ людей, если только съ такимъ бытомъ неразлучны простота и скромный удѣлъ жизни. Она живописуетъ до мельчайшихъ подробностей этотъ бытъ, и какъ, повидимому, ни мелка ея область, не содержа въ себѣ ни высокаго лирическаго настроенія, ни драматическаго интереса, ни сильнаго потрясающаго событія; хотя, повидимому, она не что иное, какъ все первое попадающееся на глаза наши изъ обыкновенной жизни: но тотъ, однакожъ, ошибется, кто приметъ ее въ одномъ такомъ смыслѣ. Поэтому почти всегда управляла въ ней какая-нибудь внутренняя мысль, слишкомъ близкая душѣ поэта, а быть и самую идиллію онъ употреблялъ какъ только удобнѣйшія формы. Лучшія идилліи имѣли какое-нибудь историческое значеніе и писались по какому-нибудь случаю. Такъ, Гнѣдича „Рыбаки“ заключаетъ въ себѣ случай его собственной жизни, и въ баринѣ, о которомъ говоритъ рыбакъ, онъ изображаетъ русскаго вельможу, привѣтствовавшаго благосклонно первые труды поэта. Такъ, всякая идиллія Дельвига была писана по какому-нибудь поводу, — не говоря уже о прекрасной идилліи: „Изобрѣтеніе ваянія“, которая съ перваго заглавія говоритъ о томъ. Идиллія „Купальницы“ была написана по поводу понравившагося поэту эстампа, висѣвшаго въ его комнатѣ.

Идиллія не сказка и не повѣсть, — хотя и содержитъ въ себѣ что то похожее на происшествіе, но живое представленіе тихаго, мирнаго быта, сцена, не имѣющая драматическаго движенія. Ее можно назвать въ истинномъ смыслѣ картиною; по предметамъ, ею избираемымъ, всегда простымъ, — картиной фламандской.

Романъ.

Романъ, несмотря на то, что въ прозѣ, но можетъ быть высокимъ поэтическимъ созданіемъ. Романъ не есть эпопея. Его скорѣй можно назвать драмой. Подобно драмѣ, онъ есть сочиненіе слишкомъ условленное (sic). Онъ заключаетъ также въ себѣ строго и умно обдуманную завязку. Всѣ лица, долженствующія дѣйствовать, или, лучше, между которыми должно завязаться дѣло, должны быть взяты заранѣе авторомъ;

судьбою всякаго изъ нихъ озабоченъ авторъ и не можетъ ихъ пронести и передвигать быстро и во множествѣ, въ видѣ пролетающихъ мимо явленій. Всякій приходъ лица, вначалѣ, повидимому, незначительный, уже возвѣщаетъ о его участи потомъ. Все, что ни является, является потому только, что связано слишкомъ съ судьбой самого героя. Здѣсь, какъ въ драмѣ, допускается одно только слишкомъ тѣсное соединеніе между собою лицъ; всякія же дальнія между ними отношенія, или же встрѣчи такого рода, безъ которыхъ можно бы обойтись, есть порокъ въ романѣ, дѣлаетъ его 'растянутымъ и скучнымъ. Оно (?) летитъ, какъ драма, соединеннымъ живымъ интересомъ самыхъ лицъ главнаго происшествія, въ которое запутались дѣйствующія лица, и которое кипящимъ ходомъ заставляетъ самыя дѣйствующія лица развивать и обнаруживать сильнѣй и быстро свои характеры, увеличивая увлеченіе. Потому всякое лицо требуетъ окончательнаго поприща. Романъ не беретъ всю жизнь, но замѣчательное происшествіе въ жизни, такое, которое заставило обнаружиться въ блестящемъ видѣ жизнь, несмотря на условенное пространство.

Повѣсть.

Повѣсть избираетъ своимъ предметомъ случаи, дѣйствительно бывшіе или могущіе случиться со всякимъ человекомъ, случай почему-нибудь замѣчательный въ отношеніи психологическомъ, иногда даже вовсе безъ желанія сказать правоученіе, но только остановить вниманіе мыслящаго или наблюдателя. Повѣсть разобьется чрезвычайно. Она можетъ быть даже совершенно поэтической и получаетъ названіе поэмы, если происшествіе, случившееся само по себѣ, имѣетъ что то поэтическое; или же придано ему поэтическое выраженіе отдаленностью времени, въ которое происшествіе случилось; или же самъ поэтъ взялъ его съ той поэтической стороны, съ какой можетъ взять только поэтъ, и которая только пребываетъ въ немъ. Такъ, повѣсть „Бахчисарайскій Фонтанъ“ есть уже поэма по тому теплomu роскошному колориту, въ который сначала до конца облекъ ее всю поэтъ. Она можетъ быть просто живой рассказъ, мастерски и живо рассказанный картинный случай, какова Жуковскаго „Маттео Фальконе“, Языкова „Сурминъ“. Или же беретъ съ сатирической стороны какой-нибудь случай: тогда дѣлается значительнымъ созданіемъ, несмотря на мелочь взятаго слу-

чая: такова „Модная жена“ (Дмитріева), „Графъ Нулинъ“ Пушкина, который сверхъ того имѣлъ значительное выраженіе, какъ живая картина. Иногда даже само происшествіе не стоитъ вниманія и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдѣльную картину, живую, характеристическую черту условнаго времени, мѣста и нравовъ, а иногда и собственной фантазіи поэта.

Сказка.

Сказка можетъ быть созданіемъ высокимъ, когда служить аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживаетъ ощутительно и видимо даже простолюдину дѣло, доступное только мудрецу. Таковы отчасти двѣ повѣсти Жуковского о жизни человѣческой. Сказка можетъ быть созданье не высокое по своему содержанію, но въ высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэтъ, взявъ народный мотивъ, возлелѣетъ ее воображеніемъ своимъ и усвоитъ вполнѣ себѣ и разовьетъ какъ поэму, какъ, на примѣръ, „Русланъ и Людмила“. Наконецъ, сказка можетъ быть созданье значительное, когда содержаніе хотя создано все поэтомъ, но въ духѣ народномъ отгаданы духъ и время, какова Лермонтова: „Про купца Калашникова“, и, наконецъ, сказка можетъ быть просто пересказъ почти слово въ слово народной сказки, — созданье менѣе всего значительное, которое выигрываетъ только отъ того, когда поэтъ сумѣетъ привести ее въ лучшій порядокъ, вычистить, удержавъ въ ней то, что есть въ ней ея характерное, и отстранивъ то, что прибавлено лишняго. Таковы сказки Жуковского и Пушкина о царѣ Султанѣ¹, о царѣ Берендеѣ, и царѣ Салтанѣ, о Спящей царевнѣ и Семи братьяхъ.

Ученныя разсужденія и трактаты должны быть коротки и ясны, отягудъ не многословны. Нужно помнить, что наука — для тѣхъ, которые еще не знаютъ ея. Въ послѣднее время стали писать разсужденія, начиная съ лединыхъ яицъ. Это большая погрѣшность. Думая черезъ это болѣе раскрыть дѣло, болѣе темнать. Терминовъ нужно держаться только тѣхъ, которые принадлежатъ міру той науки, о которой дѣло, а не общихъ философскихъ, въ которыхъ умъ блуждаетъ, какъ въ

¹ Салтанѣ.

лабиринтъ, и отдаляется отъ дѣла. Приступъ долженъ быть не великъ и съ перваго же раза показать, въ чемъ дѣло. Заключение должно повторить дѣло трактата и въ сокращеніи обнять его снова, чтобы читатель могъ повторить самому себѣ.

II.

Примѣры.

Оды.

„Вечернее размышленіе“, Ломоносова.

„Водопадъ“, Державина.

„Гимнъ Богу“, Дмитріева.

Капниста.

„Землетрясеніе“, Языкова.

„Пастырь“ (?) Пушкина.

„Подражаніе Іову“, Ломоносова.

„Вельможа“, Державина.

„Геній“, Языкова.

Ода Ломоносова: „На возстановленіе Дома Романовыхъ въ лицѣ родившагося Императора Павла I“¹

„Осень во время осады Очакова“, Державина.

„Императору Николаю“, Пушкина².

„Давыдову“, Языкова.

„На переходъ Альпійскихъ горъ“, Державина.

„Поэту“, Языкова.

„Благодарность Фелицѣ“, Державина.

„Россіи“, Хомякова.

Капниста.

„Пророкъ“, Пушкина.

„Фелица“, Державина.

„Подражаніе псалму СXXXVI“, Языкова.

„Благодарность Фелицѣ“, Державина.

„На смерть Мещерскаго“, Державина.

„На смерть Орлова“, Державина.

¹ Выноска къ одѣ Ломоносова на рожденіе Императора Павла I. Рожденіе Императора Павла I было радостнѣйшимъ происшествіемъ, какое когда-либо запомнить Россія, по сказанію всѣхъ современниковъ. Всѣ единомысленно видѣли въ немъ возстановленіе Дома Романовыхъ, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимѣніемъ наследниковъ мужского пола. Всѣ услышали, что родился тотъ, который потомъ упрочилъ надолго и домъ царскій, подаривъ Россіи мужественное и сильное царское поколѣніе. Вотъ причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и онъ пророчитъ младенцу все, что только можно пожелать совершеннѣйшему государю.

² Къ Н.

„Клеветникамъ Россіи“, Пушкина.
 „Къ нерусскимъ“, Языкова.
 „Зубову“, Державина.
 „Наполеонъ“, Пушкина.
 „Мой истуканъ“, Державина.
 „Пророкъ“, Лермонтова.
 „Къ XIX вѣку“, Лермонтова¹.
 „Къ „ вѣку“, М Лихонина.
 „Изображеніе Фелицы“, Державина.
 „Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы“, Капниста.
 „Елисаветъ“, Ломоносова.
 „Лебедь“, Державина.

П ѣ с н и.

„Уже со тьмою нощи“, Капниста.
 „У кого душевны силы“, Нелединскаго-Мелецкаго.
 „Талисманъ“, Пушкина.
 „Венеціанская ночь“, Козлова.
 „Кудри, кудри шелковыя“, Дельвига.
 „Телѣга жизни“, Пушкина.
 „По дорогѣ зимней, скучной“, Пушкина.
 „Цѣпи“, Державина.
 Жуковскаго. „Отымаетъ наши радости“.
 „Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ“, Батюшкова.
 „Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?“ Языкова,
 „Море близко; гуль, удары“, Языкова.
 „Ночь“. „Померѣла неба синева“, Языкова.
 „Я взлелѣянъ югомъ, югомъ“, В. Туманскаго.
 „Ночь“, Жуковскаго.
 „Делибашъ“, Пушкина.
 Русская пѣсня: „Гой, красна земля Володиміра“, Хомякова.
 Дельвига, Пѣсня.
 „Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны...“, Пушкина.
 „Ночной зефиръ струитъ эфиръ“. Пушкина.
 „Пловецъ“ („Нелюдимо наше море“), Языкова.
 Козлова.
 „Пѣснь Гаральда“, Батюшкова.
 „Мечта“, Державина.
 Двѣ вечернія думы, Хомякова:
 1-я „Вчерашняя ночь была такъ свѣтла“.
 2-я „Сумракъ вечерній тихо взошелъ“.
 „Ты велишь мнѣ равнодушнымъ“, Нелединскаго-Мелецкаго.

¹ Дума.

- Лермонтова. „Молитва“ („Одну молитву чудную“).
 Лермонтова. „Завѣщаніе“ („Наединѣ съ тобою, братъ“).
 „Зима“ („Что ты, муза, такъ печальна?“) Державина.
 „Мотылекъ и цвѣты“.
 (Къ нарисованному изображенію того и другого), Жуковского.
 „Два рыцаря передъ дѣвой“, Испанскій романсъ, Пушкина.
 „Пѣсня пажа“, Пушкина.
 „Старость и младость“, Капниста.
 „Прости мнѣ дерзкое роптанье“, Нелединскаго-Мелецкаго.
 Карриатура. „Сними съ меня завѣсу, сѣдая старина“, Дмитріева.
 „Что мнѣ дѣлать въ тяжелой участи моей?“ } Мерзлякова.
 (Тоска сельской дѣвушки).
 „Многи лѣта, многи лѣта“ (народная пѣсня), Жуковского.
 „Выйду я на рѣченьку“, Нелединскаго-Мелецкаго.
 „Ахъ, когда бъ я прежде знала“, Дмитріева.
 „Уныніе“, Капниста:
 „Дни отрады, гдѣ сокрылись?“
 „Ангелъ“ („По небу полуночи ангелъ летѣлъ“), Лермонтова.
 „Таинственный посѣтитель“, Жуковского.
 „Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ“, Богдановича.
 „Когда веселій на крылахъ“, Нелединскаго-Мелецкаго.
 „Къ младенцу“, Дмитріева.
 „Чувство въ разлукѣ“ („Что не дѣвица въ теремѣ своемъ“), Мерзлякова.
 „Къ востоку, все востоку“, Жуковского.
 „Полно льститься мнѣ слезами“, Нелединскаго-Мелецкаго.
 „Донскому воинству“. („Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою“), Шатрова.
 „Съ Миленой поздною порою“, Капниста.
 „Къ мѣсяцу“, Жуковского.
 „Весеннее чувство“, Жуковского.
 „Сонъ“ („Заснулъ на холмѣ луговомъ“), Жуковского.

Э л е г і и.

- „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“, Пушкина.
 „Умиравшій Тассъ“, Батюшкова.

- „На смерть королевы Виртембергской“, Жуковского
 „На воспоминанье кн. Одоевского“, Лермонтова.
 „Пожаръ“, Языкова.
 „На развалинахъ замка въ Швеціи“, Батюшкова.
 „Финляндія“, Баратынского.
 „Элегія“, Давыдова.
 „Ненастный день потухъ, } Пушкина.
 Туманной ночи мгла“. }
 „Второй переводъ Греевой элегіи“, Жуковского.
 „Я берегъ покидалъ туманный Альбіона“, Батюшкова.
 „Элегія“, А. Крылова.
 „Черепъ“, Баратынского.
 „Лицейская годовщина“, Пушкина.
 „Минихъ“, Плетнева.
 „Элегія“, Баратынского.
 „Элегія“ („Тоска въ нѣмецкомъ городкѣ“), Языкова.
 „Элегія“, Пушкина.
 „О скальтесь надо мною, о дайте волю мнѣ“, Хомякова.
 „Арфа“, Державина.
 „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“, Пушкина.
 „Зима. Чтѣ дѣлать мнѣ въ деревнѣ? я встрѣчаю“, Пушкина.
 „Вечеръ“, Жуковского.

Эклоги:

- „Гомеръ и Гезіодъ“, Батюшкова.
 „Ермакъ“, Дмитріева.
 „Споръ“ (съ Шатъ-горой), Катенина.
 „Олегъ“, Языкова.

Идилліи:

- „Рыбаки“, Гнѣдича.
 „Купальницы“, Дельвига.
 „Капризъ“, Пушкина.
 „Изобрѣтеніе ваянія“, Дельвига.
 Сцены изъ „Цыганъ“. Пушкина.
 Послѣднія стихотворенія Пушкина.
 „Солдатъ“, Дельвига¹.
 „Сторожъ ночной“, Жуковского.

Думы.

- „Олегъ“, Пушкина.
 „Евпатій“, Языкова.
 „Остроужскъ“, Рылѣева.

¹ Отставной солдатъ.

„Пиръ на Невѣ“, Пушкина¹.

„Кудесникъ“, Языкова.

Антологическія.

„Трудъ“, Пушкина.

„Монастырь на Казбекѣ“, Пушкина.

„Недугъ“, Шевырева.

„Къ статуѣ Петра Великаго: } Ломоносова.
(„Гремящія по вѣзмъ концамъ }
земнымъ побѣды“).

„Пиръ Потемкина, данный Екатеринѣ“, Державина.

„Домикъ поэта въ Обуховкѣ“, Капниста.

„Красавица передъ зеркаломъ“, Пушкина.

„Домовому“, Пушкина.

„Буря“, Языкова.

„Птичкѣ“, Ѳ. Туманскаго.

„Нереида“, Пушкина.

„Вдохновеніе“ (сонетъ), Дельвига.

„Красавицѣ“, Пушкина.

„На спускъ корабля Златоуста“, Ломоносова.

„Весна“, Языкова.

„Къ статуѣ играющаго въ бабки“, Пушкина.

„На переводъ Иліады“, Пушкина.

„Сонетъ при посылкѣ книги, воспоминавье объ
искусствѣ“, Батюшкова.

„О милыхъ призракахъ“, Жуковского.

„Поэту“ Сонетъ, Пушкина.

„Къ портрету Жуковского“, Пушкина.

„Нимфа“, Баратынскаго.

„Черта къ біографіи Державина“, Державина.

„Послѣдніе стихи“, Веневитинова.

Послѣдніе стихи Державина.

„Элегія болѣвшаго ногами поэта“, Языкова.

„Сафо“, Пушкина.

„Доридъ“, Пушкина.

„Сожженное письмо“, Пушкина.

„Риема“, Пушкина.

„Мой голосъ для тебя и ласковый и томный“, Пуш-
кина.

„Ты и вы“, Пушкина.

„Къ портрету Жуковского“, Пушкина.

„На хелмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“, Пушкина.

¹ Циръ Петра Великаго.

Наброски.

1846 годъ.

Господи, благослови на сей грядущій годъ! Обрати его весь въ плодъ и въ трудъ многотворный и благотворный, весь на служенье Тебѣ, весь на спасенье душъ. Буди милостивъ и разрѣши руки и разумъ, оскѣнивъ его свѣтомъ высшимъ Твоимъ и прозрѣньемъ пророческимъ великихъ чудесъ Твоихъ. Да Святой Духъ снидетъ на меня и двигнетъ устами моими и да освятить во мнѣ все, испепеливъ и уничтоживъ грѣховность и нечистоту и гнусность мою и обративъ меня въ святой и чистый храмъ, достойный, Господи, Твоего пребыванія. Боже! Боже! не отлучайся отъ меня! Боже! Боже! вспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспѣть и восхвалить Тебя, и возвести всѣхъ къ хваленью Святаго Имени Твоего.

О сословіяхъ въ государствѣ¹.

Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разнаго рода правленіяхъ, и умные люди, обольщенные формами, бывшими у другихъ народовъ, горячо проповѣдывали: одни — совершенную демократію, другіе — монархію, третьи — аристократію, четвертые — смѣсь всего вмѣстѣ, пятые — потребность двухъ борющихся силъ въ государствѣ и на бореньи ихъ основывали..... Наступило время, когда всякій болѣе или менѣе чувствуетъ, что правленіе не есть вещь, которая сочиняется въ головѣ нѣкоторыхъ, что она образуется нечувствительно, сама собой, изъ духа и свойствъ са-

¹ Въ этомъ наброскѣ, какъ и въ послѣдующихъ, Гоголь повторяетъ нѣкоторыя мысли „Выбранныхъ мѣстъ“ и 2-го тома М. Д.

мого народа, изъ мѣстности — земли, на которой живетъ народъ, изъ исторіи самого народа, которая показываетъ человѣку глубокомысленному, когда и въ какихъ случаяхъ успѣвалъ народъ и дѣйствовалъ хорошо и умно, и требуетъ — внимательно все это обсудить и взвѣсить.

Исторія государства Россіи начинается добровольнымъ приглашеніемъ верховной власти. „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами,“ — слова эти были произнесены людьми вольныхъ городовъ. Добровольнымъ разумнымъ сознаніемъ вольныхъ людей установленъ монархъ въ Россіи. Всѣ сословія, дружно требуя защиты отъ самихъ себя, а не отъ сосѣднихъ враговъ, утвердили надъ собою высшую власть съ тѣмъ, чтобы нелицепріятно разсудить самихъ себя — потребность чисто естественная, понятная среди такого народа, въ которомъ никто не хочетъ уступить одинъ другому, и гдѣ только въ минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, все соединяется въ одинъ человѣкъ (sic) и дѣлается однимъ тѣломъ. Симъ опредѣлена высокая законность монарха-самодержца.

Итакъ, въ самомъ началѣ, во время, когда не пробуждается еще потребность организациі стройной, во время еще неразвитости, когда легко ужиться съ безначаліемъ, уже все потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всѣхъ, не будучи связано личною выгодною ни съ какимъ сословіемъ преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону cadaго сословія въ государствѣ. Во всю исторію нашу прошла эта потребность третейской власти старцевъ, потребность суда посторонняго человѣка. Великій князь или, просто, умный князь уже требуется, какъ примиритель другихъ князей. Духовенство является, какъ примиритель между князей или даже между народомъ, и самъ государь судится народомъ не иначе, какъ верховный примиритель между собою. Стало быть, законность главы была признана всѣми единогласно.

Вопросъ: какія начала правленія слышатся и слышались въ исторіи народа?

Если правленіе переходило сколько-нибудь въ народное, это обнаруживалось совершенною анархіей и полнымъ отсутствіемъ всякаго правленія: ни одного человѣка не бывало согласнаго, все спорило между собою.

Если правленіе переходило совершенно въ монархическое, то есть, въ правленіе чиновниковъ отъ короля,

воспитавшихся на служебномъ письменномъ попришѣ, государство наполнялось взяточниками, для ограниченія которыхъ требовались другіе чиновники; черезъ года два слѣдовало и тѣхъ ограничивать, и образовывалась необыкновенная сложность, тоже близкая къ анархіи.

Стало быть, вопросъ: гдѣ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ допустить демократическое, народное участіе и гдѣ въ какихъ случаяхъ участіе короны и правительствующаго корпуса? То и другое въ рукахъ монарха — и аристократія и демократія; тому и другому онъ господинъ; та и другая ему равно близка. Каковы же и въ чемъ отношенія монарха къ подданнымъ? Это — лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь: онъ долженъ отречься отъ себя и отъ своей собственности, какъ монахъ; его пищей должно быть одно благо его — счастье всѣхъ до единого въ государствѣ; его лицо не иначе, какъ священно. Гдѣ особенно и въ какихъ случаяхъ полезна мірская сходка? Тогда, когда уже рѣшенное опредѣленіе слѣдуетъ привести въ исполненіе. Никто лучше міра не умѣетъ, какъ разложить и сколько на кого, потому что они знаютъ и свои состоянія и свои силы. Поэтому кто..... наложить на каждого заплатить по рублю, будетъ несправедливъ; но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человека, — потребовать эту сумму со всего міра. Это можно примѣнить ко многому и въ другихъ сословіяхъ. Верховный совѣтъ государства предполагается состоящимъ изъ лицъ, знающихъ нужды своего государства, которые достигнули этого званія не однимъ письменнымъ поприщемъ и повышеньемъ за выслугу лѣтъ, но имѣя по службѣ, на многихъ поприщахъ внутри государства, случай стоять лицомъ къ тому, какъ тамъ происходитъ внутри государства. Стало быть, опредѣленія такого совѣта относительно всего государства могутъ быть менѣе всѣхъ другихъ ошибочны.

Опредѣленіе расходится по лицу Россіи; его требуется исполнить и примѣнить къ дѣлу. Вотъ тутъ дѣло упирается на совѣтъ (sic) тѣхъ, которые должны исполнить и примѣнить къ дѣлу: какъ удобнѣй, какъ возможнѣй, какъ необременительнѣй ни для кого исключительно исполнить. Здѣсь необходимость вѣча, или совѣщанія всего того сословія, къ которому относится дѣло.

Правительство не имѣетъ дѣла ни съ кѣмъ порознь изъ сословій, но съ цѣлымъ сословіемъ вмѣстѣ. Все сословіе отвѣчаетъ. Сословіе имѣетъ право употребить

и полицію, и насильственные мѣры, къ приведенію въ послушаніе того ослушника, который бы воспротивился.

Вездѣ, гдѣ только примѣнены къ дѣлу постановленія, тамъ необходимо совѣщанье самихъ тѣхъ, на которыхъ должны примѣнять его. Сами они должны изъ себя избрать для того и чиновниковъ, блюстителей и ускорителей, не требовать отъ правительства никакого для этого жалованья и не обременять этимъ сложность государственнаго механизма.

Но гдѣ дѣло касается до опредѣленій постановленій, тамъ совѣщаются одни испытанные въ дѣлахъ государственные мужи, и опредѣленье уже непреложно, если скрѣплено рукой монарха. Сословія могутъ посылать своихъ депутатовъ, которые могутъ предъявлять справедливыя причины упущенія или необходимыя требованія; но они принимаются только къ соображенію и усмотрѣнію. Если они будутъ отвергнуты, сословіе не имѣетъ права на апелляцію. Само собою разумѣется, что правда должна быть на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ... всѣ стороны государства, — особенно, если правда эта узаконена тѣмъ, кто стоитъ выше всѣхъ въ государствѣ и которому равно близки выгоды всѣхъ.

Дѣло въ томъ, чтобы организовались сословія, чтобы почувствовало всякое сословіе свои границы, предѣлы, обязанности, и знали, гдѣ ихъ дѣло и дѣятельность, а потому въ воспитанье человѣка, съ самаго начала, должны войти обязанности того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, чтобы онъ съ самаго начала почувствовалъ, что онъ гражданинъ и не безъ мѣста въ своемъ государствѣ.

Взглянемъ на наши сословія отъ высшихъ до низшихъ. Начнемъ съ дворянства.

Дворянство наше должно было непременно имѣть другой характеръ, чѣмъ дворянства другихъ краевъ. Во всѣхъ другихъ земляхъ дворянство образовалось изъ пришельцевъ, изъ народовъ, захватившихъ земли туземцевъ и обратившихъ народъ силою въ своихъ вассаловъ. Оно установило насильственно отдѣльную касту аристократіи, въ которую уже не допускали никого. У насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же населенія. Большею частью заслуги передъ царемъ, народомъ и всей землей русской возводили у насъ въ знатный родъ людей изъ всѣхъ рѣшительно сословій. Право надъ другимъ, если разсмотрѣть глубже, въ основаніи, основано на разумѣ: они не что иное, какъ управители государя. Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему въ управленье крестьяне,

даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими, — въ предположеніи, что такой человѣкъ, кто лучше другихъ понялъ высокія чувства и назначеніе, можетъ лучше править, чѣмъ какой-нибудь простой чиновникъ, выбираемый въ засѣдатели или капитанъ-исправники. Вольно было помѣщикамъ, позабывши эту высокую обязанность, глядѣть на крестьянъ, какъ на предметъ только дохода для своей роскоши и увеселеній. Этимъ они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помѣщика.

Итакъ, дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостояніи низшихъ... (Монархъ подѣлился съ ними своимъ попеченьемъ.) Вотъ первое, что должно чувствовать это сословіе съ самаго начала. Изъ-за этой самой... они должны составить между собою одно цѣлое; совѣщанье они должны имѣть между собою объ управленіи крестьянами. Они не должны попустить между собою присутствіе такого помѣщика, который жестокъ или несправедливъ: онъ дѣлаетъ имъ всѣмъ пятно. Они должны заставить его переимѣнить образъ обращенія; они должны поступить такъ же, какъ въ полку общество благородныхъ офицеровъ поступаетъ съ тѣмъ, который обезчестилъ подлымъ поступкомъ ихъ общество: они приказываютъ ему выйти изъ круга, и онъ не осмѣливается преступить этого, ничѣмъ уже не смягчаемаго опредѣленія. Дворянство должно быть судомъ и хранителемъ высокаго нравственнаго чувства всей націи, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собой. Такъ должны быть они въ Россіи, гдѣ не хвастаютъ ни родомъ, ни происхожденіемъ, ни *point d'honneur*, но какимъ то нравственнымъ благородствомъ, которое, къ сожалѣнію, обнаруживается только во дни высокихъ самопожертвованій. Это отъ самой юности должно быть внушено, какъ въ первую принадлежность (*sic*).

Послѣдній въ государствѣ многочисленный классъ, — крестьяне составляютъ также сословіе и имѣютъ много, о чемъ совѣщаться между собою. Состоя подъ управленіемъ помѣщика, они имѣютъ тоже, о чемъ совѣщаться. Установленный сборъ, — повинность, положенную на cadaго человѣка, помѣщикъ долженъ предоставить, принести совсѣмъ міру, который самъ долженъ и собрать, и принести, потому что они лучше себя знаютъ относительно всякихъ состояній, и помѣщику никогда не... Онъ также долженъ лучше чувствовать свое сословіе, что имѣетъ право законно требовать по-

мѣщикъ, за что долженъ заплатить ему и нанимать, какъ вольнаго человѣка, и переговариваться съ помѣщикомъ цѣлымъ міромъ.

Сословіе гражданъ, самое разнохарактерное, меньше всего получившее опредѣленное выраженіе, отъ неопредѣленности занятій и отъ нѣкотораго безвластія, должно непременно возвыситься до понятія... Оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостоянія и должны сами изъ себя избирать чиновниковъ. Полиція тогда не будетъ брать взятковъ (sic) и грабить, когда сами граждане будутъ исполнять... Лучшая полиція въ Англіи, по признанію всѣхъ, въ Англіи (sic), и то потому, что этимъ занимается городъ, выбирая для этого чиновника и платя ему жалованье отъ себя. Правитель города долженъ требовать отъ магистрата, чтобы сдѣлано было такъ же точно; а магистратъ уже самъ размыслить, какъ это сдѣлать такъ, чтобы тягость упала на все сословіе.

Объявленіе объ изданіи русскаго словаря.

Впродолженіе многихъ лѣтъ занимаясь русскимъ языкомъ, поражаясь болѣе и болѣе мѣткостью и разумомъ словъ его, я убѣждался болѣе и болѣе въ существенной необходимости такого объяснительнаго словаря, который бы выставилъ, такъ сказать, лицомъ русское слово въ его прямомъ значеніи, освѣтилъ бы ощутительнѣй его достоинство, такъ часто незамѣчаемое, и обнаружилъ бы отчасти самое происхожденіе. Тѣмъ болѣе казался мнѣ необходимымъ такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, такъ мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значеніе коренныхъ русскихъ словъ: однимъ приписывается другой смыслъ, другія позабываютъ вовсе. Академія Наукъ, тремя изданіями своего Словаря, теперь проложила путь къ этому подвигу, безъ того бы неудобноисполнимому и почти невозможному. Послѣднее изданье, полнѣйшее всѣхъ предыдущихъ (по значительному умноженію собранныхъ словъ), опустило, къ сожалѣнію, ту объяснительную часть, которою были такъ примѣчательны первыя изданія; но, принимая въ уваженіе то, что это (?) было бы невозможно для общества, въ которомъ каждый членъ имѣетъ свой взглядъ, нельзя упрекнуть Академію. Напротивъ, она поступила благоразумно и добросовѣстно. Объяснительный словарь есть дѣло лингвиста, который бы для

этого уже родился, который бы заключилъ въ своей природѣ къ тому преимущественныя, особенныя способности, носилъ бы въ себѣ самомъ внутреннее ухо, слышащее гармонію языка. Явленія такихъ лингвистовъ всегда и повсюду бывали рѣдки. Ими отличались какъ то преимущественно славянскія земли. Словари Линде и Юнгмана останутся всегда безсмертными памятниками ихъ необыкновенныхъ лингвическихъ (sic) способностей. Они будутъ умножаемы, пополняемы, совершенствуемы обществами ученыхъ издателей: но разъ утвержденныя мѣткія опредѣленія коренныхъ словъ останутся навсегда. Это дѣло ихъ созданья.

Не потому, чтобы я чувствовалъ въ себѣ большія способности къ языкознательному дѣлу; не потому, чтобы надѣялся на свои силы претерпѣть подобное имъ; нѣтъ! другая побудительная причина заставила меня заняться объяснительнымъ словаремъ: ничего болѣе, какъ любовь, просто — одна любовь къ русскому слову, которая жила во мнѣ отъ младенчества и заставила меня останавливаться надъ внутреннимъ его существомъ и выраженіемъ. Для меня было наслажденіемъ давать самому себѣ отчетъ, опредѣлять самому собою — и я принялся за перо. Приступая же къ печатанью словаря моего, рѣшился не столько съ намѣреніемъ принести пользу другимъ, сколько самому себѣ. Издавая его выпусками, какъ опытъ, какъ пробныя листки, я могу услышать мнѣніе и судъ другихъ, необходимые въ дѣлѣ такого предпріятія; могу увидѣть всѣ свои недостатки, погрѣшности труда, стало быть, могу получить чрезъ то самое возмозность продолжать его въ удовлетворительнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ.

Всѣ замѣчанія, какія угодно будетъ сдѣлать соотечественникамъ на мой Словарь, будутъ мною приняты съ благодарностью.

Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ.

Почему нужно хозяйство? Потому что отъ этого зависитъ благосостояніе всего государства, потому что устроится лучше собственная жизнь всякаго человѣка, потому что занятія и безпрестанное движеніе укрѣпляютъ тѣло и здоровье, потому что отъ того самыя умственныя способности въ свѣжести; потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначеніе, данное отъ Бога: — „въ потѣ лица снискивать хлѣбъ“.

Что происходитъ отъ пренебреженія хозяйствомъ?

Отъ пренебреженія хозяйствомъ происходятъ несчастія всей земли, конечное обѣднѣніе ея и разстройство. Засухи безъ временъ разстройство.

Какимъ образомъ?

Тѣмъ, что бросили имѣнья, отдали земли въ руки управителей и наемниковъ, которые заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманья на будущее, все вывозя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ; отъ этого обмелѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги, земля стала суше и бесплоднѣе, перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистыми мѣстами.

На что преимущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе?

На то, чтобы не упустить времени. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной?..

Помѣщики.

Помѣщики... они позабыли свою обязанность?! Зачѣмъ ты вмѣсто того, чтобы имъ напоминать весь долгъ и приводить въ знанье и себя самого въ... сталъ ограничивать ихъ мелочными чиновниками и ограниченьями, завелъ новую сложность дѣлъ, такъ что и у нихъ самихъ закружилось и все перепуталось, и они уже сами позабыли свои выгоды. Или нельзя было на нихъ подѣйствовать, или они не лучше другихъ воспитали понятіе о чести? Или не воспріимчивѣе была ихъ душа, чѣмъ необразованнаго человѣка? Или на голосъ отчизны не откликнутся дѣла ихъ? Или не изъ среды ихъ мелькнули Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцовы и ряды героевъ самоотверженья, которыхъ не умѣстить на страницахъ своихъ подробнѣйшая лѣтопись.

Нѣтъ власти: дѣйствуй прямо! Укажи намъ весь нашъ долгъ, но не связывай въ то же время и рукъ нашихъ и не безчесть насъ обиднымъ подозрѣніемъ. Говори съ нами благороднымъ голосомъ, и будетъ благороденъ отвѣтъ.

... „Зачѣмъ же ты не вспомнилъ обо мнѣ, — что я на тебя гляжу, что я твой?! Зачѣмъ же ты отъ людей,

а не отъ меня ожидалъ награды и вниманья, и поощренья? Какое бы тогда было тебѣ дѣло обращать вниманіе, какъ издержитъ твои деньги земной помѣщикъ, когда у тебя Небесный Помѣщикъ?!... Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось, еслибы ты до конца дошелъ, не утрапившись?... Ты бы удивилъ величіемъ характера, ты бы, наконецъ, взялъ верхъ и заставилъ изумиться; ты бы оставилъ имя, какъ вѣчный памятникъ доблести, дабы и роняли бы ручьи слезъ [потоки]... и, какъ вихорь, ты бы развѣвалъ въ сердцахъ пламень добра“.

Потупилъ голову, устыдился управитель, и не зналъ, куда ему дѣться.

И много вслѣдъ за нимъ чиновниковъ и благородныхъ, прекрасныхъ людей, начавшихъ служить и потомъ бросившихъ... печально понурили головы.

Трудъ.

Человѣкъ рожденъ на то, чтобы трудиться. „Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ свой“, сказалъ Богъ по изгнаньи человѣка за непослушанье изъ рая, и съ тѣхъ поръ это стало заповѣдью человѣку, и кто уклоняется отъ труда, тотъ грѣшитъ и передъ Богомъ. Всякую работу дѣлай такъ, какъ бы ее заказалъ тебѣ Богъ, а не человѣкъ. Еслибъ и не наградилъ тебя человѣкъ здѣсь — не ропщи (sic!); зато больше наградитъ тебя Богъ. Важнѣе всѣхъ работъ — работа земледѣльца. Кто обрабатываетъ землю, тотъ больше другихъ угоденъ Богу. Сѣй и для себя, сѣй и для другихъ, сѣй, хоть бы ты и не надѣялся, что пожнешь самъ: пожнутъ твои дѣти; скажетъ спасибо тотъ, кто воспользуется твоимъ трудомъ, — вспомнеть имя твое и помолится о душѣ твоей. Во всякомъ случаѣ тебѣ выгода: всякая молитва у Бога значить. Только трудись съ той мыслью, что трудишься для Бога, а не для человѣка, и не смотри ни на какія неудачи: хоть бы все то, что ты наработалъ, и пропало, побито было градомъ, — не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработалъ много денегъ на этомъ свѣтѣ; деньги останутся здѣсь. Ему нужно, чтобы ты не былъ въ праздности и работалъ. Потому, работая здѣсь, вырабатываетъ себѣ Царствіе Небесное, особенно если работаетъ съ мыслью, что онъ работаетъ Богу. Работа — святое дѣло. Когда дѣлаешь работу, говори въ себѣ: „Господи, помоги!“ и за всякимъ разомъ говори: „Господи, помилуй!“ Заступомъ ли копнешь или ударишь топоромъ, говори:

„Господи, удостой меня быть въ раю съ праведниками“. Когда дѣлаешь работу, старайся быть такъ благочинну въ мысляхъ, какъ бы ты былъ въ церкви, чтобъ отъ тебя никто не услышалъ браннаго слова, чтобы и грубаго не услышалъ отъ тебя товарищъ; чтобы во взаимной любви всѣхъ совершалось дѣло: тогда работа — святое дѣло. Тогда такая работа спасетъ твою душу. Такою работою здѣсь — заработаешь ты себѣ Царствіе Небесное тамъ. Аминь.

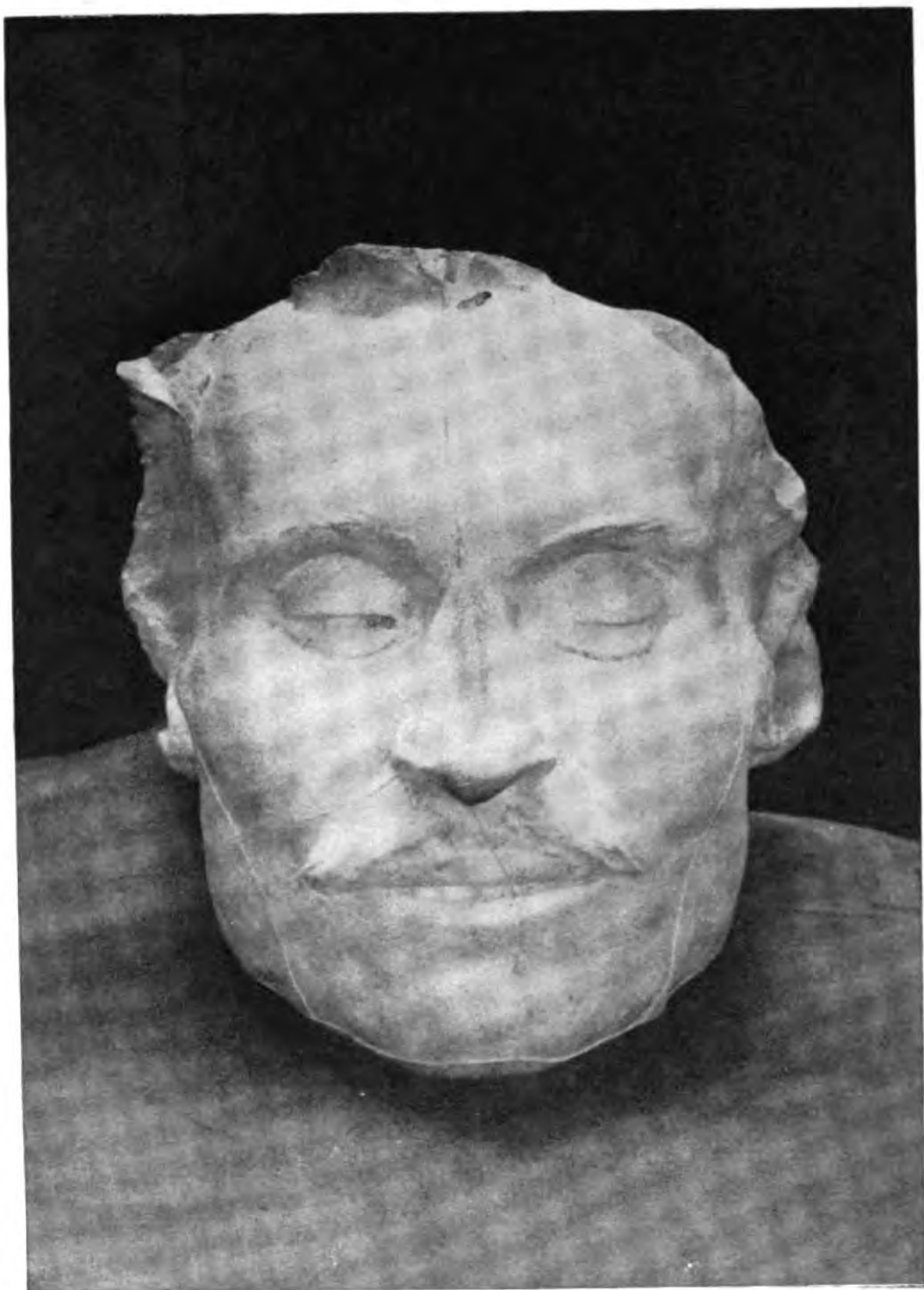
Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины.

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?

4

Н. В. Гоголь. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Маска Гоголя.

Примѣчанія.

Женитьба.

См. I томъ нашего изданія: „Женихи“ (текстъ и примѣчанія). Первоначальные наброски этой пьесы (съ приуроченіемъ къ деревнѣ и помѣщичьей средѣ) относятся къ 1833 г.; закончена она въ 1842 г. и вошла въ первое изданіе „Сочиненій Н. В. Гоголя“. Въ разговорѣ съ Тарасенковымъ (Послѣдніе дни Гоголя стр. 10) Гоголь называлъ „Женитьбу“ „пустяками“, „но морякъ Жевакинъ долженъ быть смѣшнѣе всѣхъ“.

Игроки.

Начаты въ іюнѣ 1836 г. и отдѣланы для печати въ 1842. Вошли впервые въ „Сочиненія Н. Гоголя“ 1842 г.

С. Т. Аксаковъ (Знакомство съ Гоголемъ, стр. 91) въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гоголю передаетъ любопытные московскіе толки объ „Игрокахъ“: „я отправился въ Дворянскій клубъ, гдѣ я обыкновенно игралъ въ карты, и гдѣ есть огромная комната Кругелей, Швохневыхъ и другихъ. Они всѣ дожидались нетерпѣливо „Игроковъ“ и часто меня спрашивали: что это за пьеса? Тамъ всѣ безъ исключенія говорили слѣдующее: „Женитьба“ — не то, что мы ожидали, гораздо ниже „Ревизора“; даже скучно, да и ненатурально; а „Игроки“ хороши, только это старинный анекдотъ; да и всѣ рассказы игроковъ — извѣстныя происшествія“. Одинъ сказалъ, что нынче ужъ такихъ штукъ не употребляютъ, и никто не занимается изученіемъ рисунковъ обратной стороны“.

Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены.

Утро дѣлового человѣка. Вмѣстѣ съ „Тяжбой“, „Лакейской“ и „Отрывкомъ“ составляютъ „лоскутки истре-

бленной комедіи“ „Владиміръ 3-ей степени“, начатой въ 1832 г. Переработано для печати въ 1835 г. и окончательно отдѣлано для „Современника“ Пушкина (1836 г.). Первоначально называлось „Утро чиновника. Петербургскія сцены“.

Тяжба. См. предыдущее примѣчаніе. Отдѣлано для печати въ 1839 или началѣ 1840 г.

Лакейская. См. предыдущее примѣчаніе. Переработана, съ дополненіями, въ 1839 или началѣ 1840 г.

Отрывокъ. См. предыдущее примѣчаніе. Передѣлывался въ 1837—1842 гг., вошелъ впервые въ первое изданіе „Сочиненій“. При печатаніи Гоголь пропустилъ слѣдующія слова Миши:

„Ахъ, маменька, сколько я васъ просилъ, не повторяйте этого слова. Вы не повѣрите, какъ оно мнѣ противно и пошло, какое глупое, ложное значеніе придали ему у насъ. Не будьте похожи на тѣхъ старичковъ, которые имѣютъ обычай колоть этимъ словцомъ въ глаза всѣхъ, не разсмотрѣвши хорошенько ни человѣка, ни слова, которымъ его колютъ. Что осталось о пятидесяти какихъ-нибудь пустыхъ-головыхъ (sic!), воспитанныхъ на французскую ногу, они ухватились за это преданіе, и давай придавать его ко всякому, честить имъ встрѣчнаго и поперечнаго. У кого, замѣтятъ они, только немного сшито не такъ платье, какъ у другого, какъ-нибудь иначе причоска, словомъ — что-нибудь не то, что у другихъ, они тотчасъ: „Либераль! либераль! Революціонеръ! Вонъ у него фалды фрака не такъ, какъ у прочихъ! платокъ не такъ завязанъ! не такъ волосы носить!“ Вы не повѣрите, какъ у меня всякій разъ варывается сердце, когда я услышу это! Какъ мало имъ вѣдомо сердце русскаго человѣка и твердыя черты его характера! Какъ не знаютъ они того, что если и увлекается онъ, то увлекается силою душевныхъ прекрасныхъ побужденій, а не оторванный отъ всего мыслью, создавшейся въ легкой головѣ какого-нибудь француза (у котораго уже въ одной сердечной глубинѣ есть столько сердечныхъ убѣжденій, которыя предохраняютъ его вѣчно отъ мелкихъ заблужденій ума. Самая эта любовь къ царю — это цѣльное, самобытное чувство, хранящееся въ душѣ его, отъ котораго не властенъ оторваться онъ, еслибы даже и вздумалъ! Для него онъ пожертвуетъ всѣмъ имуществомъ, понесетъ жизнь свою, все вытерпитъ онъ безмолвно и не станетъ даже впередъ кричать объ этомъ, даже не похвастается потомъ. И не горько ли видѣть, когда сему же самому русскому человѣку пошло придаютъ мысли, которыхъ онъ не содержалъ и содержать

не можетъ въ себѣ? придаютъ ему это пошлое, износившееся имя — либеральничества? Ахъ, маменька, ради Бога, не произносите этого противнаго слова! Не называйте имъ безъ разбору все, что не по мыслямъ вашимъ. Вы рассмотрите, маменька, когда и въ чемъ я былъ непослушенъ вамъ). Вторую половину текста, поставленную въ скобки, Гоголь зачеркнулъ и взявъ ея, на полѣ третьей страницы, написалъ слѣдующій текстъ: „И этотъ русскій человѣкъ, въ груди котораго таится самобытное, слитое съ самой его природой чувство непостижимой любви къ царю, — чувство, изъ-за котораго онъ пожертвуетъ всѣмъ, понесетъ свое имущество, жизнь безмолвно, не крича объ этомъ впередъ, не хвастаясь и не хвалясь этимъ, — и этотъ русскій укоряется этимъ пошлымъ словомъ, которое безъ различія дается также и первому встрѣчному сорванцу и бродягѣ. Нѣтъ, маменька, употребляйте всѣ прочія слова, но не употребляйте этого истасканнаго и пошлаго слова! Вы рассмотрите, когда и въ чемъ я былъ непослушенъ вамъ“. Изъ этой приписки въ печатный текстъ „Отрывка“ внесена была одна послѣдняя фраза.

Театральный разѣздъ. Первоначальные наброски относятся къ апрѣлю и маю 1836 г. и написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ постановки „Ревизора“. Окончена пѣса въ октябрѣ 1842 г. Гоголь воспользовался для нея матеріаломъ многочисленныхъ рецензій о „Ревизорѣ“ и общественными толками.

По словамъ Бѣлинскаго (т. VII, М., 1860, стр. 222—223), „въ этой пѣсѣ, поражающей мастерствомъ изложенія, Гоголь является столько же мыслителемъ-эстетикомъ, глубоко постигающимъ законы искусства, которому онъ служитъ съ такою славой, сколько поэтомъ и социальнымъ писателемъ. Эта пѣса есть какъ бы журнальная статья въ поэтически-драматической формѣ, — дѣло, возможное для одного Гоголя! Въ пѣсѣ этой содержатся глубоко сознанная теорія общественной комедіи и удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы или, лучше сказать, на всѣ нападки, возбужденныя „Ревизоромъ“ и другими произведеніями автора“.

Альфредъ. Сцены эти стоятъ въ связи съ университетскими занятіями Гоголя и написаны въ 1835 г. Н. В. не зналъ англійскаго языка и большинство терминовъ передалъ невѣрно. Разборъ этихъ набросковъ данъ г. Шенрокомъ („Матеріалы“, II, 239—243) и Тихомировымъ (изд. 10, V, 637—646). Факты Гоголь бралъ изъ французскаго перевода книги Галлама „Европа въ средніе вѣка“.

Журнальныя статьи Гоголя.

О движеніи журнальной литературы. Напечатана, безъ имени автора, въ „Современникъ“ Пушкина (I, 192—225). Она, по свидѣтельству современниковъ, обратила на себя общее вниманіе. Очень доволенъ былъ ею и Пушкинъ, который совѣтовалъ Гоголю написать исторію русской критики. Въ черновыхъ наброскахъ былъ любопытный отзывъ о Вѣлинскомъ, исключенный въ печатномъ текстѣ (см. 10-е изд., т. VI, стр. 342): „въ критикахъ Вѣлинскаго, помѣщающихся въ „Телескопъ“, виденъ вкусъ, хотя еще не образовавшійся, молодой и опрометчивый, но служащій порукою за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи. При всемъ этомъ въ нихъ много есть въ духѣ прежней семейственной критики, что вовсе неумѣстно и неприлично, а тѣмъ болѣе для публики“.

Статья начата не ранѣе 1836 г.

Петербургская сцена. Напечатана впервые въ 10-мъ изд. (т. VI, стр. 316—326). Отдѣльныя мѣста вошли во вторую половину „Петербургскихъ Записокъ“. Предназначалась для „Современника“ Пушкина и писалась въ 1836 г., послѣ статьи „о движеніи журнальной литературы“ (ib. стр. 694—708).

Петербургскія записки. Напечатано въ VI т. „Современника“ (стр. 403—423, подпись — три звѣздочки). Пушкинъ въ своей статьѣ о Радищевѣ писалъ: „я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, веселымъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: „Москва и Петербургъ“. Гоголь писалъ эту статью въ 1835 и 1836 г. Въ 1837 г. онъ придѣлалъ къ ней, приготавливая къ печати, начало и конецъ.

Рецензія. Предназначалась для „Современника“ Пушкина и впервые напечатана въ 10-мъ изданіи (т. VI, стр. 361—364, 730—740).

Ночи на виллѣ. Написано въ Римѣ, въ маѣ 1839 г., когда Гоголь ухаживалъ за своимъ умирающимъ другомъ, „бѣднымъ кроткимъ, благороднымъ Іосифомъ“ (гр. Віельгорскимъ, умершимъ въ началѣ іюня). 30 мая онъ писалъ Балабиной: „я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Віельгорскаго... я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе раз-

веселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ“.

Учебная книга словесности для русскаго юношества. Напечатано впервые въ 10-мъ изданіи (т. VI, стр. 403—425, 761—779). Подзаголовокъ — „Начертаніе Н. Гоголя“. Судя по примѣрамъ изъ русскихъ поэтовъ, написано между 1844 и 1845 гг. Большинство названій стихотвореній написано по памяти и приведено съ ошибками („Пастырь“ Пушкина — вѣроятно, „Стансы“ Филарету, Лихонина — „Вѣкъ ума“, Батюшкова — „Пѣснь Гаральда Смѣлаго“ и т. д.

Наброски. 1846 г., О сословіяхъ въ государствѣ, Замѣтка о сельскомъ хозяйствѣ, Помѣщики и Трудъ вошли впервые въ 10-е изд. (т. VI, стр. 426—432, 450—454, 779—786, 799—804). „Строки“ были напечатаны въ сборникъ „Царя-Колокола“ (стр. 105—106). „Помѣщики“, вѣроятно, предназначались для II тома „Мертвыхъ Душъ“. Относятся къ послѣднимъ годамъ жизни Гоголя. Объявленіе о Словарѣ было напечатано Тихонравовымъ въ Сборникъ Общ. Люб. Рос. Слов. 1891 г. и затѣмъ вошло въ 10-е изд. (VI, 433—434, 786). Написано послѣ 1847 г.: Академическій Словарь вышелъ въ 1847 г.

783518

